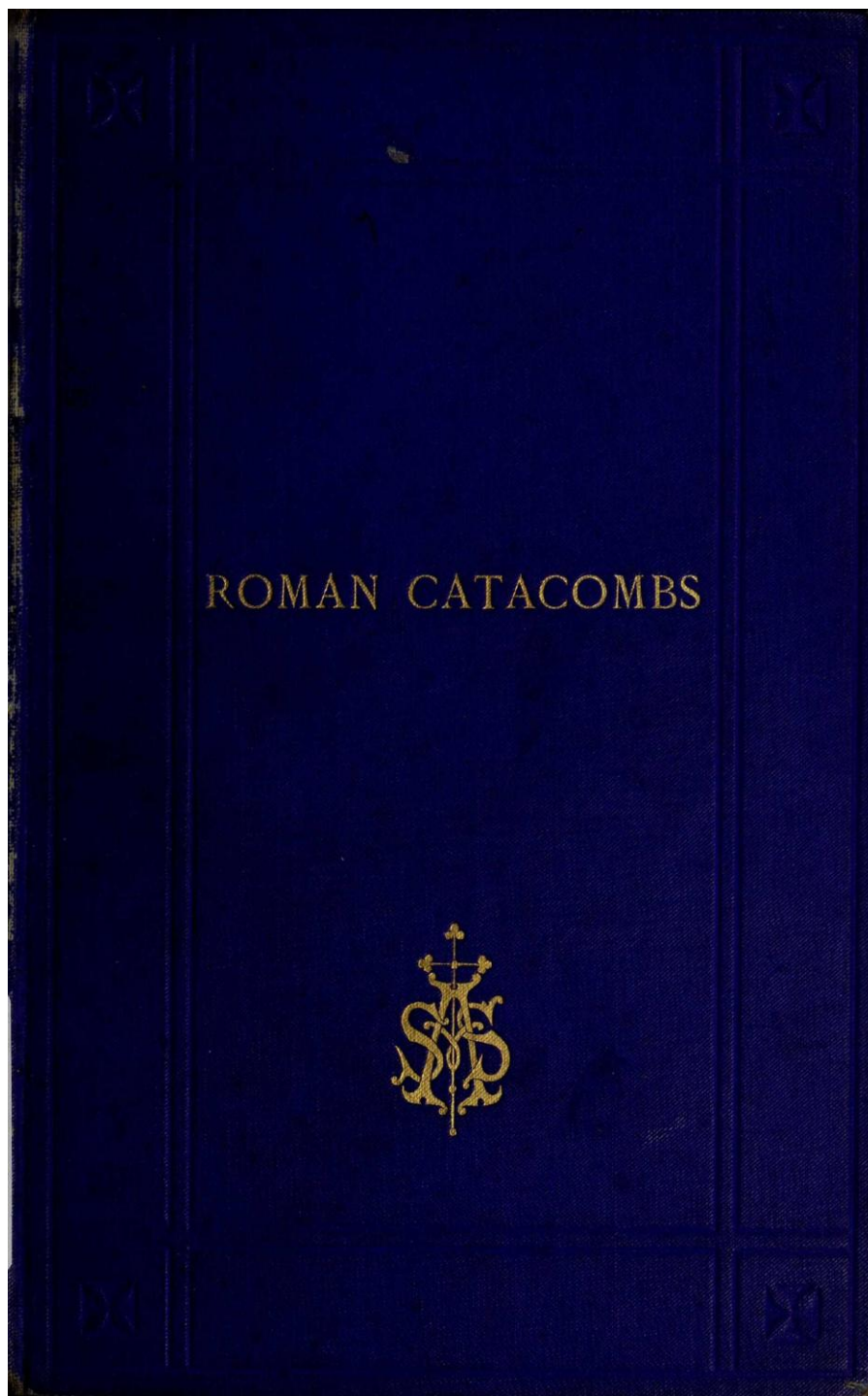

Посещение римских катакомб

Дж. Спенсер Норткот

The Project Gutenberg eBook of A visit to the Roman catacombs.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Посещение римских катакомб

Автор: Дж. Спенсер Норткот

Дата выхода: 21 октября 2023 года [eBook #71927].

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: S. Anselms's Society, 1891

Авторские права: deaurider и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A VISIT TO THE ROMAN CATACOMBS ***

ПОСЕЩЕНИЕ РИМСКИХ КАТАКОМБ

ПОСЕЩЕНИЕ РИМСКИХ КАТАКОМБ.

BY REV. ДЖ. СПЕНСЕРОМ НОРТКОТОМ, Д.Д.
ПРОРЕКТОРА БИРМИНГЕМА.

ЛОНДОН: ОБЩЕСТВО СВЯТОГО АНСЕЛЬМА,
9 AGAR STREET, CHARING CROSS.
1891.

[Все права защищены.]

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мое изучение римских катакомб началось в 1846 году. Два года спустя я опубликовал серию писем на эту тему в "Рамблере", и их содержание, с некоторыми дополнениями и

исправлениями, было собрано в небольшой том в 1856 году. Он был переведен на французский и немецкий языки, а в 1859 году вышло второе английское издание.

Но в 1864 и 1867 годах вышли первые два тома большого труда Де Росси, которые не только дополнили наши знания о Катакомбах, но и произвели полный переворот во взгляде на их историю и заложили новую основу для их дальнейшего изучения. Ранее считалось само собой разумеющимся, что христиане прибегали к такому способу захоронения своих мертвых только ради возможностей сохранения тайны, и для христианских археологов было сложным вопросом, как можно было провести работу такого масштаба под пристальным вниманием языческих властей без разоблачения. Де Росси отбросил эти домыслы и доказал, что ранним христианам не было необходимости принимать исключительные меры предосторожности в отношении погребения своих умерших, поскольку многие обычаи их соседей-язычников в этом вопросе были такими, которыми они могли воспользоваться сами, и при обычных обстоятельствах их кладбища были достаточно защищены законом.

Таким образом, руководство 1859 года оказалось не только неполным, но и неверным. Поэтому в 1869 году преподобный У. Р. Браунлоу и я опубликовали гораздо больший том, основанный на новых открытиях. Он также был благосклонно принят публикой; первое английское издание вскоре было исчерпано, а во Франции и Германии были сделаны переводы. Сейчас готовится второе, расширенное издание, в которое войдут наиболее интересные и важные части третьего тома Де Росси, который только что вышел в свет. Тем временем, однако, существует потребность в кратком руководстве, которое будет надежным путеводителем для тех, кто желает ознакомиться с основными чертами предмета в соответствии с нынешним состоянием наших знаний о нем; и с этой целью я составил следующие страницы, в то время как плохое здоровье потребовало приостановить более напряженную работу. Они не претендуют на то, чтобы дать полный отчет о прошлой истории или нынешнем состоянии катакомб, а лишь правильно изложить общую картину, так что тем, кто продолжит исследование, по крайней мере, не придется ничего упускать.

Я назвал этот том "Посещение римских катакомб", потому что в нем описаны основные объекты, представляющие интерес, которые можно увидеть при посещении катакомб Святого Калликста, обычно посещаемых образованными путешественниками. К ней, однако, я приложил полдюжины глав, которые, по сути, составляют три четверти всей работы, и в которых я сжал информацию, которой должен обладать каждый посетитель, прежде чем спуститься в эти подземные склепы. Если он не будет иметь общего представления о том, что на самом деле представляют собой катакомбы, как они появились, когда и как использовались и что в них содержится, он получит мало удовольствия и пользы от того, что увидит в них. Поэтому я надеюсь, что этот том станет не только ценным руководством для тех, кто имеет возможность посетить катакомбы, но и полезным введением в предмет для всех классов. Те, кто желает изучить его более глубоко, должны прибегнуть к эрудированным томам Де Росси или к их английскому сокращению.

Св. Доминика, Стоун, *сентябрь 1877 г.*

P.S. - Любая прибыль, полученная от продажи этой книги, будет направлена коммендатору де Росси для содействия раскопкам, которые томятся из-за отсутствия средств. Более чем в одном месте Катакомб Комиссия по священной археологии, секретарем которой является де Росси, имеет самые веские основания верить в существование исторических памятников большой ценности, и очень желательно, чтобы эти памятники были восстановлены, пока среди нас есть столь компетентный толкователь их. Но средств не хватает. Покойный монсеньор де Мерод был самым щедрым благотворителем этой работы, и его смерть стала

невосполнимой утратой. Меньшие пожертвования, однако, будут с благодарностью приняты; благодаря доброте друзей или посредством моих собственных публичных лекций, я смог отправить две или три сотни фунтов в течение последних нескольких лет. Любые другие суммы, которые могут быть доверены мне для той же цели, будут немедленно направлены в Рим.

J. C. H.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАНИЦА

Часть I.

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАТАКОМБ.

Описание катакомб святым Иеронимом -
более подробное описание их галерей, камер
и гробниц, их глубина, протяженность и
количество - они не были заброшенными
песочницами или каменоломнями, но были
специально созданы для погребения
христиан - это было легко осуществимо
благодаря римским законам и практике
погребения - языческие погребальные клубы
в Риме - совершенная свобода и
безопасность христианских кладбищ в
самом начале

1

ГЛАВА II.

ИХ ИСТОРИЯ В ЭПОХУ ГОНЕНИЙ.

Самые ранние места христианского
богослужения в Риме - их положение перед
законом - эдикт Валериана против собраний
в катакомбах - неповиновение и
последующая мученическая смерть святого
Сикста - расширение катакомб - изменения в
их архитектурных формах - *фоссоры* и их
клерикальный характер - истории мучеников,
относящихся к этому периоду - святой
Ипполит и другие - свв. Хрисанф и Дарья -
Святой Тарсций - Святая Агнесса и Святая
Эмерентиана

26

ГЛАВА III.

ИХ ИСТОРИЯ С 310 ПО 850 ГГ. Н.Э.

Постепенное отказ от захоронений в
катакомбах - другие кладбища, не подземные
- покупка могил, особенно рядом с

41

гробницами святых - базилики, построенные над некоторыми из них - работа папы Дамаса и фурия Дионисия Филокала - захоронения прекратились в катакомбах в 410 году - повреждения, нанесенные готами - реставрации последующих пап - новые повреждения лангобардов - Последующие переводы тел святых, и постепенное запустение катакомб - посещались только те, к которым были прикреплены церкви или монастыри, особенно кладбище *ad Catacumbas*, которое теперь дало название остальным

ГЛАВА IV.

ИХ УТРАТА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

Катакомбы, потерянные из виду на 700 лет, случайно обнаруженные в 1578 году - труды и научный метод Бозио, которым несовершенен следовали его преемники - возрождение интереса к предмету благодаря отцу Марчи, С.Ж.-коменданту Г.Б. де Росси

51

ГЛАВА V.

ИХ ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА.

Первобытное христианское искусство - почти новый предмет христианской археологии - Большинство картин в катакомбах, и лучшие из них, относятся к первым четырем векам - Сходство между древнейшими образцами и современными произведениями языческого искусства - Свободное использование языческих форм орнамента, но христианские сюжеты - Добрый Пастырь - Особенности в способе обработки - Символический характер раннехристианского искусства; Типичные изображения Крещения и Святой Евхаристии, за которыми следует Воскресение, в сакраментальных капеллах св. Калликста - Библейские сюжеты, Ной, Иона и т.д. - Изображения Христа и его апостолов, а также его Святой Матери - Три последовательных периода в развитии христианской живописи до эпохи Константина - характеристики каждого - Скульптура не так свободно использовалась христианами вначале - Сюжеты, вырезанные на саркофагах

61

ГЛАВА VI.

ИХ НАДПИСИ.

Количество и значение древних христианских надписей - уничтожение многих из них - сохранение других римскими папами - сходство с языческими эпитафиями - различия - отсутствие признаков социальных различий - зарождение христианской эпитафики - Активная любовь - ее главная характеристика - молитва за умерших - молитва святым - примеры - другие характеристики позднейших эпитафий - возраст - дата смерти - бессмысленные хвалебные титулы - слова, используемые для обозначения смерти, *in pace, contra votum* и т. д.

108

Часть II.

ГЛАВА I.

ПАПСКИЙ СКЛЕП.

Вход на кладбище святого Калликста - Кладбище над землей - *Граффити* у входа в папский склеп - Оригинальные эпитафии нескольких пап третьего века - Надпись папы Дамаса с пояснениями

125

ГЛАВА II.

КРИПТА СВ. ЦЕЦИЛИИ.

Древние упоминания о погребении святой Цецилии рядом с папой - Открытие крипты - Описание ее орнамента - Опровержение претензий катакомбы в церкви Святого Себастьяна на то, чтобы считаться местом погребения святой Цецилии

139

ГЛАВА III.

СКЛЕП СВ. ЕВСЕВИЯ.

Меры предосторожности, принятые папой Дамасом и другими, чтобы направить паломников к конкретной гробнице, которую они хотели посетить - Копия эпитафии в честь святого Евсевия - Фрагменты оригинала, установленного Дамасом - Важное историческое откровение, которое можно извлечь из него - Дисциплина Церкви в отношении *лапси* - Звание мученика, данное Евсевию - Перенесение его тела

150

ГЛАВА IV.

ГРОБНИЦА СВ. КОРНЕЛИЯ.

Св. Корнилий похоронен в другой катакомбе - Интересные объекты, которые можно увидеть *по пути* - Семейный склеп диакона Севера в

157

конце третьего века - Изображения доброго пастыря в сопровождении двух апостолов и нескольких овец - Моисей снимает обувь, ударяет по скале и т.д. - Гробница св. Корнилия и ее эпитафия - Надписи над и под ней пап Дамаса и Сириция - Изображения св. Корнелия и Киприана; Св. Сикста II. и Оптата - Очень древние картины в двух соседних камерах - Заключение

ROMA SOTTERRANEA.

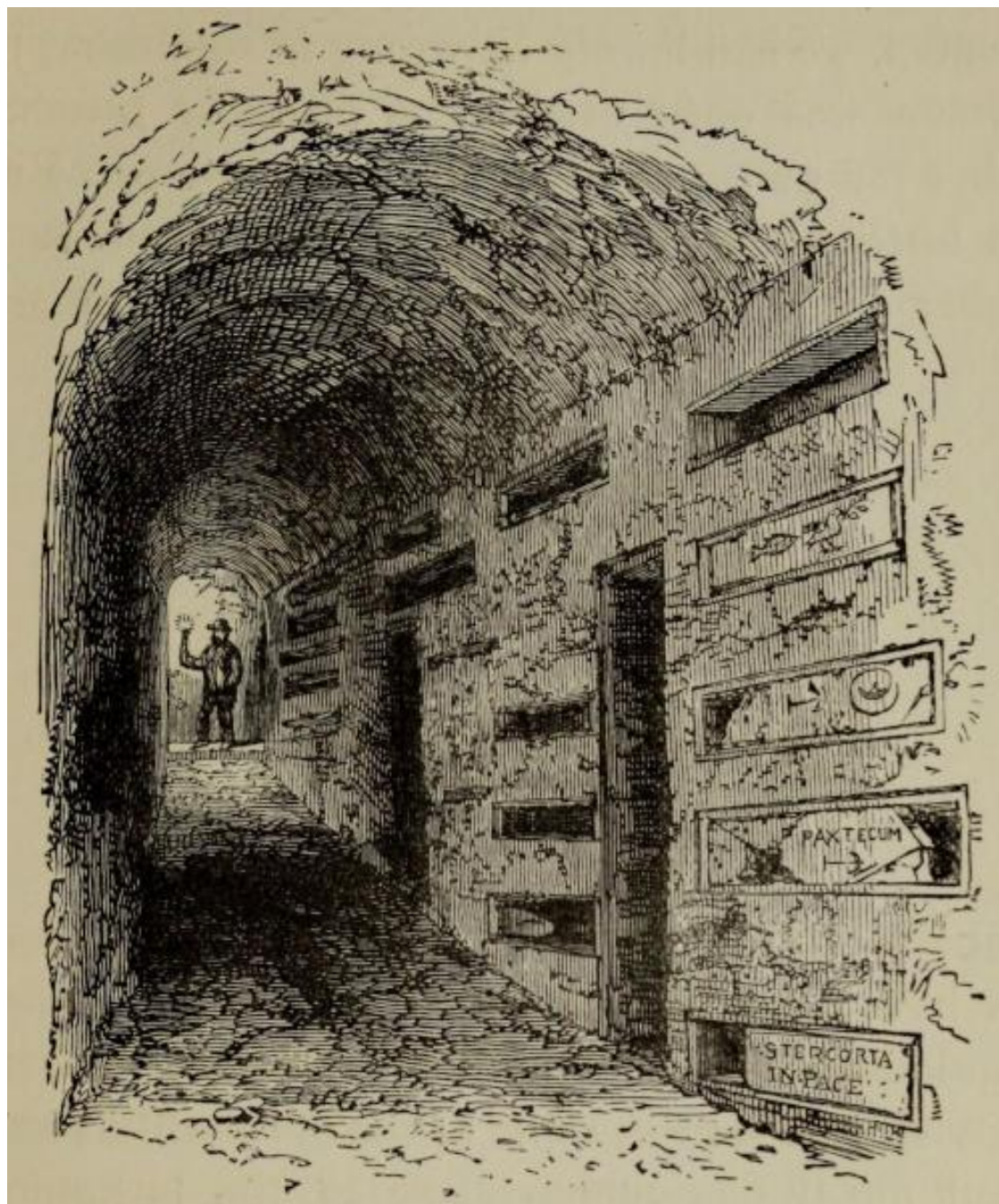
Часть первая.

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАТАКОМБ.

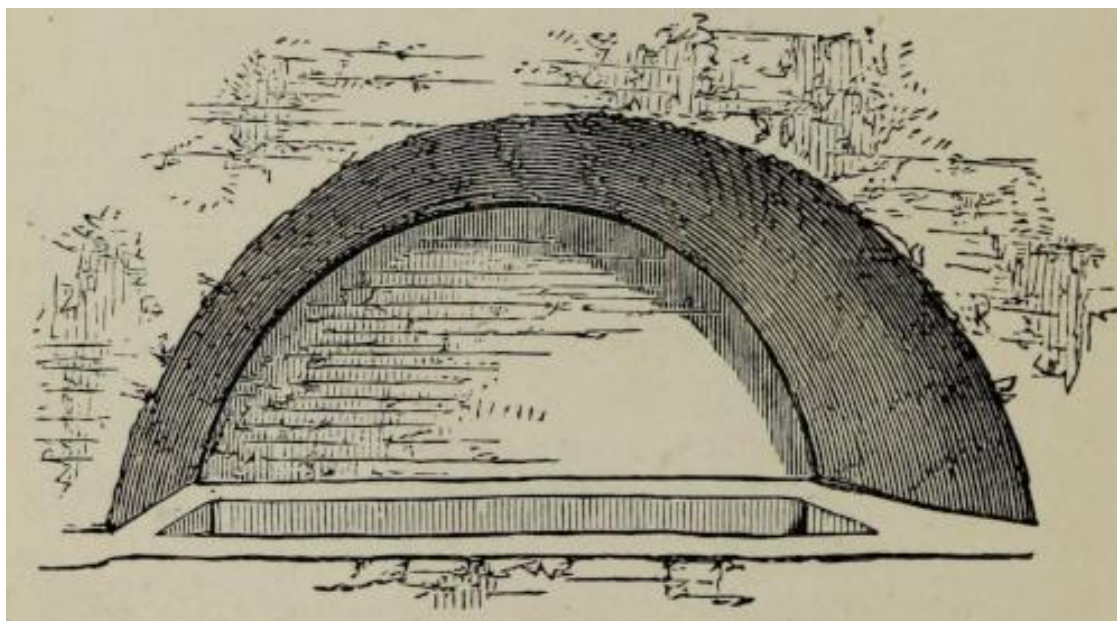
Великий святой Иероним, писавший около 1500 лет назад, рассказывает, что когда он был школьником в Риме, то каждое воскресенье в компании с другими мальчиками своего возраста и вкусов ходил к гробницам апостолов и мучеников и спускался в склепы, вырытые там в недрах земли. "Когдаходишьтуда, - рассказывает он, - то видишь, что стены по обеим сторонам завалены телами умерших, а кругом такой мрак, что кажется, будто исполнились слова пророка: "Пустьсойдутживыми в Аид". Тотут, тотам пробивающийся сверху свет на мгновение ослабляет ужас темноты, но, пройдядальше, вы снова погружаетесь в абсолютную черноту ночи, и на ум невольно приходят слова поэта: "Сама тишина наполняет душу ужасом". Любой, кто побывал в римских катакомбах, признает справедливость этого описания; а если он знаком с Вергилием и псалмами Давида не хуже святого Иеронима, то, возможно, использовал нечто похожее для описания собственных впечатлений. Но мы пишем для тех, кто вообще никогда не видел катакомб, и поэтому должны вдаваться в более подробные детали.

Для начала попробуем составить общее представление о том, что такое Катакомбы. Для этого перенесемся в воображении в город Рим и, пройдя около двух-трех миль (больше или меньше) почти по любой из четырнадцати больших консульских дорог, которые вели из старого центра мира в его самые отдаленные провинции, спустимся по современной лестнице или через случайную трещину в почве в недра земли. На глубине пятнадцати или двадцати футов мы, вероятно, окажемся в темной узкой галерее, похожей на ту, что представлена здесь, - галерее шириной около трех футов и высотой, возможно, семь или восемь футов, вырубленной в живом камне, стены которой с обеих сторон пронизаны рядом горизонтальных полок, расположенных одна над другой, как полки книжного шкафа. Вряд ли стоит говорить, что на каждой из этих полок когда-то лежало мертвое тело, а затем они были закрыты длинными плитками или плитами из мрамора, надежно скрепленными цементом и надписанными, возможно, именем усопшего или какой-нибудь христианской эмблемой. Вероятно, в поле нашего зрения может попасть какая-нибудь еще не тронутая могила, или же мы увидим кости и прах в некоторых открытых могилах.

Галерея с гробницами.

Если мы сделаем шаг вперед и войдем в один из дверных проемов, расположенных по обеим сторонам, то окажемся в небольшой камере, площадью, возможно, двенадцать или четырнадцать футов. Если в стенах этой камеры, как и в галереях, нет ничего, кроме могил, мы можем смело предположить, что это был всего лишь семейный склеп. Но если мы найдем скамью, вырубленную в скале по всему периметру комнаты, а также стул (или, возможно, два), раскопанный таким же образом, мы вряд ли ошибемся, предположив, что когда-то эта комната использовалась как место для собраний, будь то для публичного псалмопения или религиозного обучения. Или, если главная гробница в камере имеет форму алтаря, если две или три камеры выходят одна из другой, и если одна из них имеет абсидальное завершение, с креслом в конце и низким сиденьем, идущим вокруг сторон, как это все еще можно увидеть в некоторых старых базиликах над землей для размещения епископа и духовенства, никто не может справедливо обвинить нас в опрометчивости, если мы подозреваем, что мы стоим в месте, которое было предусмотрено для празднования христианских тайн в дни гонений.

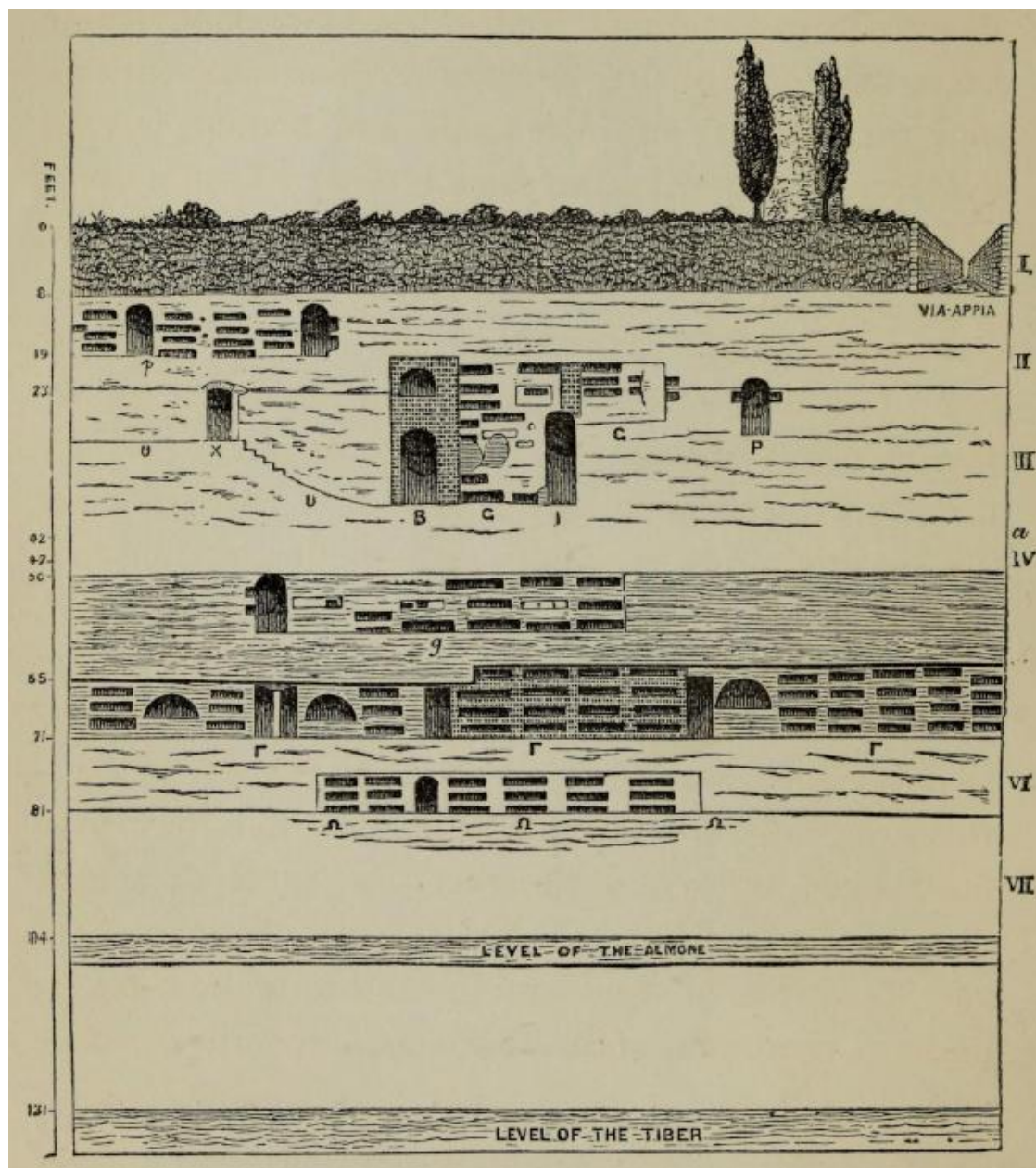

Аркосолиум, или гробница в форме алтаря.

Часть катакомбы Святой Агнессы.

Если бы мы были достаточно смелы, чтобы покинуть галерею, в которую мы впервые вошли, и продолжить свой путь вглубь, мы бы вскоре заблудились в каком-нибудь лабиринте, как это представлено здесь. Эта схема - подлинная карта небольшой части (возможно, не более одной восьмой) катакомб на улице Номентана, широко известной под именем Святой Агнессы. Его длина составляет около 230 ярдов при ширине 180; однако если бы все галереи этого небольшого участка катакомб были вытянуты в одну непрерывную линию, то их длина составила бы почти две английские мили. И не стоит забывать, что почти во всех этих подземных кладбищах одно и то же повторяется на двух или трех разных уровнях, а в некоторых из них даже на пяти. В катакомбе Святого Калликста, расположенной на Via Appia, мы можем спуститься по последовательности лестниц на пять различных *этажей*, так сказать; и, возможно, экскаваторы могли бы сделать даже шестой и седьмой, если бы к этому времени они не оказались на уровне воды, где любые галереи, которые они могли бы прорыть, вскоре превратились бы в простые подземные каналы.

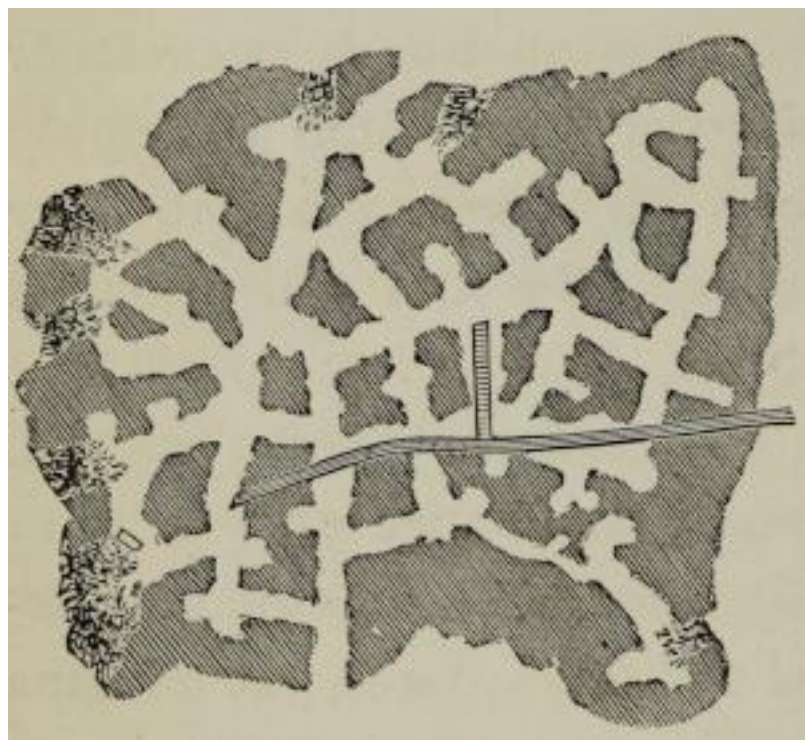

Участок кладбища Святого Калликста.

Но мы еще даже не закончили наш рассказ о чудесах. Один такой раскоп был бы выдающимся произведением, а его история заслуживала бы изучения. Но на холмах вокруг Рима их сорок или пятьдесят, самых разных размеров, у каждого свое название и своя история, но все они, очевидно, вдохновлены одной идеей и являются частью одного общего плана. Что это был за план? С какой целью были так кропотливо вырыты эти лабиринты длинных узких галерей и маленьких камер?

На этот вопрос сама их форма, кажется, дает единственно возможный ответ. Они были сделаны для того, чтобы хоронить мертвых. Это, несомненно, первое и основное назначение, для которого они использовались. Не менее очевидно, что именно для этого они и предназначались. Было время, когда ученые люди уклонялись от этого вывода и предполагали, что, хотя, несомненно, они использовались как места для захоронения, но, возможно, это было лишь последователем, а первоначально они могли быть предназначены для чего-то другого. Строительство Рима, говорили они, должно было потребовать огромного количества камня и песка для изготовления цемента; возможно, поэтому в римских

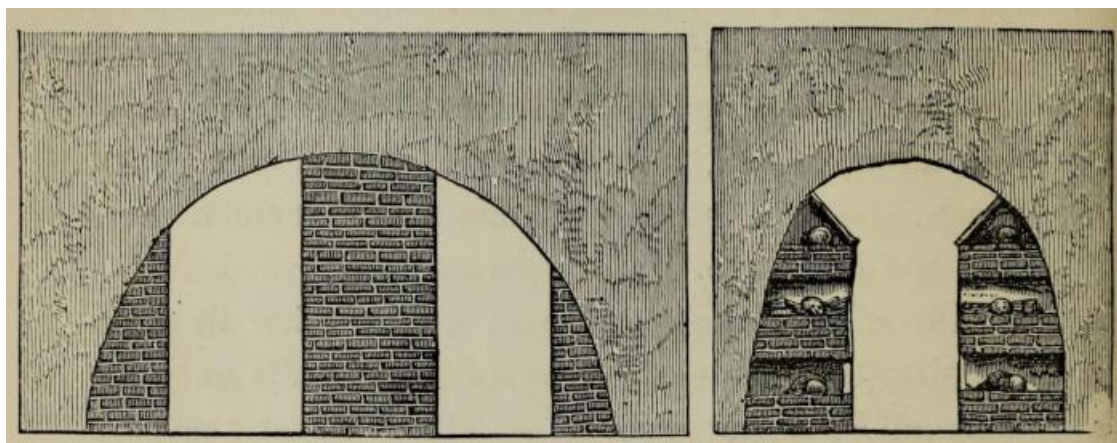
катакомбах мы видим лишь некоторое количество истощенных или, скорее, заброшенных песчаных карьеров и каменоломен, которые последующие поколения использовали в целях экономии как места для захоронений.

План Аренария в церкви Святой Агнессы.

Эта теория звучит очень правдоподобно на расстоянии от самих мест, но при ближайшем рассмотрении на месте обнаруживаются фатальные возражения против нее. Одно из них заключается в том, что раскопки ведутся не в песке или камне, а в породе промежуточной консистенции, слишком твердой для использования в качестве песка, но слишком мягкой и рыхлой для использования в качестве строительного камня; и, возможно, это можно было бы принять в качестве безусловного опровержения данной теории. Но мы добавим еще один аргумент, не менее простой и не менее убедительный, вытекающий из различия форм двух видов раскопок. Сравните прилагаемый план с тем, который был приведен ранее на странице 5. Эти два раскопа находятся в одном и том же месте. Они накладываются друг на друга на Виа Номентана, и здесь они нарисованы в совершенно одинаковом масштабе. Можно ли перепутать один с другим? Похожи ли они на части одного и того же плана? Одна из них представляет собой длинные, узкие, прямые улицы или галереи и отдельные камеры катакомб; другая - широкие, извилистые и неровные выемки песочницы. Создатели обеих систем преследовали определенную цель, но эти цели были отличны и даже противоположны друг другу, и поэтому обе системы имеют различные и даже противоположные характеристики. Единственный общий момент между ними заключается в том, что обе они велись под землей, и обе стремились как можно меньше нарушать поверхностный слой почвы. Но каменоломщик стремился извлечь как можно больше материала с наименьшими трудностями, в то время как христианский *ископаемый* хотел извлечь как можно меньше материала, чтобы обеспечить сотни или тысячи могил. Поэтому в песочнице мы находим широкие дороги, позволяющие использовать лошадей или повозки, и эти дороги хорошо закруглены по углам, чтобы можно было пройти туда и обратно; тогда как дорожки кладбища пересекаются друг с другом под прямым углом, чтобы каждая часть их стен была доступна для целей захоронения, в то время как они настолько узкие, что два человека едва ли могут идти по ним в одну сторону. Кроме того, в песочницах крыша

арочная, и свод арки выходит из самой земли; в то время как в катакомбах стены галерей сделаны строго перпендикулярными, чтобы в них можно было безопасно прорезать горизонтальные полки, способные тела умерших, и чтобы закрывающие их плитки имели достаточную опору. Одним словом, эти два вида раскопок вряд ли можно спутать друг с другом. Катакомбы можно было сделать похожими на песочницу или каменоломню, только уничтожив все могилы, расширив дорожки и закруглив их углы; словом, уничтожив все признаки катакомб; а песочницу можно было превратить в кладбище, напоминающее катакомбы, только установив такое количество каменной кладки, которое должно было остаться, чтобы рассказать свою историю. Реальные примеры такой метаморфозы можно найти в трех или четырех местах катакомб; вот изображение одной из них, из катакомбы святого Гермеса на улице Салара. Сколько труда и средств потребовалось для осуществления этого изменения, и в конце концов результат оказался таким неуклюжим и неудовлетворительным по сравнению с теми местами, которые были вырыты непосредственно и в первую очередь для целей захоронения, - настолько неудовлетворительным, что в скором времени христиане прекратили работу даже здесь, где они ее начали. Хотя огромные пространства песочницы все еще оставались незанятыми, они предпочли вести раскопки по своему усмотрению в нетронутой скале внизу. Таким образом, мы можем без тени сомнения заключить, что те раскопки, которые мы называем римскими катакомбами, были сделаны исключительно для того, чтобы хоронить мертвых.

Секции галереи в Святом Гермесе.

Но кем? И для погребения каких мертвецов? Мы отвечаем, и снова без колебаний: христианами, и только для того, чтобы хоронить христиан. И если нас спросят, на каком основании сделано это заявление, мы можем указать на тысячи христианских надписей, которые были найдены в них, и на полное отсутствие доказательств в пользу какого-либо другого мнения о них. Однако наши читатели, вероятно, будут настаивать на том, что ранние христиане, небольшое и гонимое общество, скрытно и замаскированно передвигавшееся среди языческой толпы, не могли выполнить столь масштабную работу.

Во-первых, позвольте мне сказать - хотя это замечание вряд ли уместно здесь, но, поскольку оно может помочь рассеять предубеждение, позвольте мне немного предвосхитить и сказать, что работа в ее полном масштабе, как мы ее описывали, была делом (если говорить грубо) трех столетий труда. Есть свидетельства того, что катакомбы использовались в качестве христианского кладбища еще до конца первого века, и они, безусловно, продолжали использоваться в большей или меньшей степени вплоть до первого десятилетия пятого. Среди найденных в них надписей есть одна, относящаяся к 72 году от Рождества Христова; есть и другие - 107, 110 и так далее, вплоть до 410 года; таким образом, весь

период их использования включает в себя почти столетие мира Церкви, а также все время ее гонений.

Однако здесь, как и в других местах, трудность заключается не в конце работы, а в ее начале. Как христиане первого и второго веков могли выполнить хотя бы часть той великой работы, которую мы описали? Как они могли начать и как продолжить ее? Была ли эта работа нарушением закона и, следовательно, тайной? Или она была публичной и известной, и такой, что их соседи-язычники, хотя они и были врагами, не могли законно вмешиваться в нее? Ответы на эти вопросы следует искать в томах древнеримского права и в сотнях латинских языческих надписей, которые, однако, не могут быть перенесены на эти страницы. Для нашей цели их содержание можно кратко изложить.

Обычная практика римских джентльменов и богатых дам состояла в том, чтобы в своих завещаниях очень подробно оговаривать условия для своих гробниц, а также определенные обряды и церемонии, которые должны были совершаться на их могилах после смерти. Обычно они выделяли часть поля или сада у дороги, точно отмеряя столько-то футов по фронту и столько-то футов в поле позади; И в середине этого участка они приказывали воздвигнуть памятник - часто это была камера значительных размеров, с алтарем из камня или мрамора, в который должны были быть положены их кости или прах, и скамьями из того же материала, с подушками и всем остальным, что было необходимо для удобства гостей, которых они приглашали прийти и принять участие в пиршестве в их память, как в годовщину их смерти, так и по другим поводам. Стоимость гробницы часто указывалась в завещании и заносилась в эпитафию; а расходы на пиры покрывались частично за счет взносов иждивенцев покойного, которые должны были принять в них участие, частично за счет аренды определенных домов или садов или процентов с денег, завещанных самим покойным или другими лицами для этой цели. Исполнение этой части завещания обычно поручалось одному или нескольким верным вольноотпущенникам, которые были напрямую заинтересованы в ее выполнении; в случае пренебрежения наследники подвергались крупным штрафам.

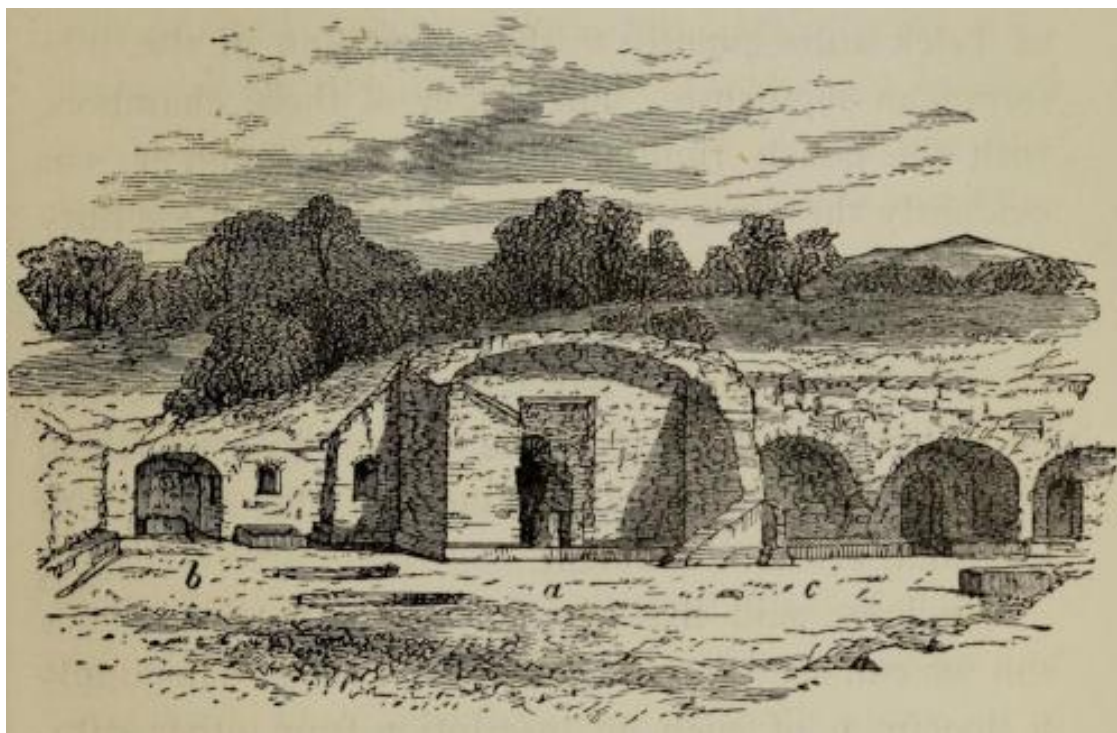
Мотив этих завещательных распоряжений очевиден: они были сделаны в тщетной надежде, что с их помощью имя и память об умершем не погибнут окончательно. И римский закон сделал все возможное, чтобы обеспечить исполнение столь естественного желания; он оградил каждое место погребения вокруг различными гарантиями и наказал их нарушение самыми суровыми санкциями. Прежде всего, захоронение одного трупа (или внесение маленькой урны с прахом, если тело было сожжено) придавало месту, где эти останки были положены для последнего упокоения, некий религиозный характер, если только захоронение было совершено с согласия владельца земли. Отныне это место больше не относилось к категории обычных земельных владений, а подчинялось новым и особым законам. Оно не переходило по завещанию как часть наследства; никакое предписывающее право не имело силы отчуждать его; если в любой момент какой-нибудь непослушный потомок тайно уничтожал все видимые признаки его использования в качестве места погребения и обманным путем совершал продажу имущества, как будто это была обычная земля, закон вмешивался, чтобы аннулировать договор, как только это обнаруживалось, независимо от того, сколько времени прошло; Он обязывал покупателя отказаться от своей покупки, а продавца или его наследников вернуть деньги, уплаченные за покупку, вместе с процентами по очень высокой ставке; а деньги, уплаченные таким образом, направлялись на какие-либо общественные нужды. Но даже это суровое наказание не соответствовало тому, что закон предписывал в случае с теми, кто сам нарушил гробницу. Это считалось настолько ужасным преступлением, что каралось изгнанием или вечными работами в шахтах, в

зависимости от состояния жизни преступника; а действия, за которые полагалось наказание, были следующими: вскрытие гробницы, проникновение в нее чужого трупа, т.е. чужого, т.е. не принадлежащего к семье или не включенного в список тех, кому завещатель предоставил право на погребение, перенос любого камня, столба или статуи, или даже стирание эпитафии.

Таков был общий закон в императорском Риме; и самое примечательное в нем то, что, за исключением времен гражданской войны и больших общественных волнений, он защищал могилы не только богатых и знатных, но и тех, кого закон презирал или даже презирал, таких как рабы и преступники. Было принято специальное постановление о том, что тела публичных преступников, погибших от рук палача, должны быть отданы по ходатайству их друзей, чтобы их похоронили там, где они пожелают; и когда это было сделано, гробница попадала под опеку понтификов с той же эффективностью, что и любая другая гробница. Конечно, иногда принимались исключительные законы по этому вопросу, как, например, в отношении некоторых христианских мучеников; но эти исключения были редки и вызваны особыми причинами; они не отменяют ни общей истинности сделанных заявлений, ни вывода, который можно законно сделать из них; а именно, что в то самое время, когда римский закон был наиболее суров против христианства как религии, стремясь не иначе как к его уничтожению, этот же закон, тем не менее, распространял свою защиту на христианские кладбища, если таковые существовали.

Да и как им было не быть? Ведь христиане умирали, как и другие люди, и нуждались в погребении; и что мешало какому-нибудь богатому "брату" отдать часть своего поля, расположенного в таком месте, где ему заблагорассудится - ведь чем ближе к большой дороге, тем больше это соответствовало бы практике его соседей-язычников, - и позволить своим братьям-христианам быть похороненными там? Он мог ограничить его использование членами своей семьи, или сделать его общим для всех верующих, или установить любые другие ограничения на его использование. Он мог также построить на земле какой-нибудь дом, или палату, или заметный памятник; он мог выделить столько земли, сколько пожелает, вокруг него для его поддержки; и под этим домом и землей работы по выемке грунта могли продолжаться без помех; не было необходимости в сокрытии, и нет никаких доказательств того, что при первом основании Церкви пытались скрыть что-либо.

Напротив, тенденция всех современных открытий была противоположной. Теперь, когда мы научились отличать одну часть кладбища от другой и прослеживать несколько периодов их раскопок в хронологическом порядке, стало ясно, что каждая из этих частей изначально представляла собой отдельную *территорию*, столь же четко определенную, как и территория любого языческого памятника, и ее границы, как и их границы, определялись руслом прилегающей дороги и стенами ограждения, построенными с этой целью. Например, мы видим, что то, что сейчас называется Катакомбой Святого Калликста, состоит из восьми или десяти таких *ареалов*, каждый со своей лестницей и своей системой раскопок, проводимых с порядком и экономией. *Площадь*, которая впервые была использована для христианских захоронений, составляла 250 римских футов на 100, а в ее галереи вели две лестницы, которые смело входили с поверхности, на виду у всех прохожих на Аппиевом пути, и вели прямо к своей точке. Со временем к ней добавилась вторая, таких же размеров, третья, 150 футов на 125, четвертая, таких же размеров, и так далее.

Вход в древнейшую христианскую усыпальницу в Тор Маранчиа.

Внутреннее устройство некоторых из этих *ареалов* претерпело столь значительные изменения в течение веков, что уже невозможно восстановить точную форму их первоначальных входов. Но то, что не найдено в одном месте, найдено в другом; одним из недавних открытий стал вход в знаменитую катакомбу на Виа Ардеатина, недалеко от кладбища, о котором мы только что говорили. Она вырублена в склоне холма недалеко от шоссе и имеет фасад из очень тонкой кирпичной кладки, с карнизом из терракоты и обычным местом для надписи, которая теперь, к сожалению, исчезла. Усыпальница, к которой он нас приобщает, украшена христианской живописью очень классического характера, и можно считать доказанным, что она когда-то принадлежала семье Флавиев, той императорской семье, которая возвела на трон Веспасиана и (как мы узнаем даже из языческих авторов) подарила христианской церкви мученика и нескольких исповедников. Кладбище было начато во времена Домициана, *то есть* в конце первого века, и известно по имени его родственницы, святой Домитиллы, на территории которой (есть все основания полагать) оно было раскопано. Вход с обеих сторон окружен камерами, построенными из кирпича после раскопок подземной усыпальницы. Большая из этих камер со скамьей, идущей по всему периметру, очевидно, была местом встречи тех, чьим долгом или привилегией было собираться здесь в назначенные годовщины, чтобы почтить память усопшего; меньшее пространство слева с колодцем, цистерной и фрагментами лестницы, не менее очевидно, было занято жилищем *хранителя*, или опекуна памятника.

Мы уже говорили, что надпись исчезла, но мы видим, где она когда-то была, и можем привести примеры подобных надписей из других катакомб; *например*, это могло быть просто *Sepulcrum Flaviorum*, как *Eutychiorum*, недавно обнаруженный в катакомбе святого Калликста, или более длинная и четкая надпись, как на кладбище святого Никомеда, найденном несколько лет назад на другом конце Рима. Недалеко от входа на это кладбище лежал камень, на котором было написано, кому принадлежит памятник, а именно: некоему Валерию Меркурию и Юлитте (которая была, вероятно, его женой); затем назван еще один господин, одна или две дамы, и, наконец, их вольноотпущенники и вольноотпущенницы; но добавлено важное условие: *AD RELIGIONEM PERTINENTES MEAM*, - "если они принадлежат к

моей религии". Правда, на этом камне нет христианской эмблемы, чтобы заявить о вере писавшего, но кладбище, на котором он найден, несомненно, христианское; и среди тысяч или десятков тысяч языческих надписей, дошедших до нас, мы не найдем ни одной, которая содержала бы замечательное выражение, которое я процитировал. Действительно, сомнительно, чтобы оно имело какое-либо значение для языческого слуха; но христианин или иудей прекрасно бы его понял. И это напоминает нам о другой очень древней надписи, которую еще можно увидеть в катакомбе святой Домитиллы, где она служила для присвоения определенной камере статуса семейной усыпальницы ее владельца. Надпись гласит: "М. Аврелий Рестут сделал эту подземную камеру для себя и тех членов своей семьи, которые верят в Господа".

Ограниченное пространство не позволит нам привести другие доказательства свободы и публичности христианских кладбищ в их начале; но другие доказательства и не нужны, поскольку их нет с другой стороны. Невозможно доказать, что римское правительство когда-либо вмешивалось в дела катакомб до середины третьего века, и даже тогда не в отношении их первоначального и более обычного использования в качестве мест захоронения, а скорее в отношении более позднего, но очень важного использования, которому они тогда подвергались - как места собраний и религиозного поклонения.

Однако есть одно возражение против нашего аргумента, которое нельзя обойти молчанием - оно, несомненно, уже пришло в голову некоторым из наших читателей. Они вспомнят свидетельство святого Павла о том, что среди первых учеников веры было не так уж много сильных и знатных, а значит, то, что было возможно для Флавия Клеменса, Домитиллы или Цецилии, было недоступно для более скромной и многочисленной части христианской общины. Совершенно верно; но есть множество свидетельств того, что погребение мертвых считалось одним из высших дел христианского милосердия, в котором богатые считали долгом и удовольствием помогать бедным. Более того, там, где эта работа не выполнялась состоятельными людьми, она легко могла быть выполнена с помощью объединения людей, и это тоже было бы защищено законом.

По законам старой Римской республики право граждан на объединение почти ничем не ограничивалось; но со времен Юлия Цезаря на частные клубы или корпорации (*collegia*) смотрели с большим подозрением, а право на собрания предоставлялось сенатом или императором крайне редко. Ярким примером такой подозрительности является отказ императора Траяна на прошение его друга и доверенного лица Плиния. Плиний просил разрешения сформировать в одном из городов своей провинции отряд пожарных в количестве 150 человек и заверил своего императорского повелителя, что будет тщательно подбирать людей и следить за их поведением. Но Траян категорически отказался, сославшись на политические беды, которые, по его словам, как показывает опыт, обычно приносят даже самые безобидные объединения. Однако в этой политике жестких репрессий было сделано одно важное исключение. Бедным слоям населения было разрешено создавать клубы для покрытия расходов на погребение; им разрешалось собираться раз в месяц для уплаты взносов и принимать необходимые правила для управления своими делами с целью достижения этой цели. До наших дней сохранилось огромное количество любопытных и интересных памятников, показывающих, насколько широко римские бедняки пользовались этой привилегией во втором и третьем веках нашей эры, и какой здравый практический смысл они проявляли, устанавливая законы и условия членства в этих погребальных клубах. Это очень заманчивое поле, на котором, однако, мы не должны останавливаться подробно. Мы можем лишь обратить внимание на высказывания Тертуллиана в работе, специально адресованной римскому правительству, в которой он,

используя почти самые слова закона об этих клубах, объясняет, как христиане в определенный день месяца делают добровольные взносы на определенные благотворительные цели, одной из которых он называет погребение мертвых.

Поэтому мы не можем сомневаться, что некоторые из римских катакомб могли быть частной работой и даже оставались частной собственностью отдельных людей или семей, но другие, возможно, с самого начала, несомненно, уже в конце второго века, принадлежали христианской общине коллективно и управлялись для общего блага должным образом назначенными должностными лицами. Самым ранним примером этого, о котором до нас дошли письменные свидетельства, является кладбище, о котором мы уже говорили на Виа Аппиа, и которое папа Зефирин поручил заботам своего архидиакона Калликста, чье имя оно с тех пор и носит. На нем до сих пор можно увидеть памятник, показывающий, как столетие спустя это же кладбище оставалось под непосредственной юрисдикцией папы и управлялось его дьяконом, ибо так было принято. Епископы были законными владельцами кладбищ, церквей и других религиозных мест; но было хорошо понятно, и сам язык императорских указов часто признает, что они действительно принадлежат всему телу христиан, а не какому-либо частному лицу; и диаконы действовали как *quæstores*, или представители и агенты этого тела.

Христианам не было необходимости получать специальное разрешение на создание *коллегии* или добиваться каких-либо особых привилегий. Обычные свободы каждого римского гражданина были достаточны для их целей. Большинство языческих погребальных клубов действительно имели или делали вид, что имеют определенный религиозный характер, поскольку обычно располагались под призывом тех или иных богов. Но это не было обязательным условием их существования. Поэтому не было необходимости, чтобы христиане вообще выдвигали какие-либо религиозные убеждения или даже принимали название *коллегии*. Они могли сохранять, и, вероятно, сохраняли, свое любимое и характерное название *Fratres*; и, если предполагаемым мотивом их объединения было обеспечение средств для погребения своих членов, они могли безнаказанно проводить собрания и владеть имуществом. Таким образом, во времена правления более справедливых и милосердных императоров для них был установлен своего рода практический *modus vivendi*. На религиозный характер их собраний, хотя и хорошо известный, все же можно было не обращать внимания, поэтому их терпели, как и многие египетские, греческие и азиатские религиозные братства (*erani*, или *thiasì*), которым не препятствовали до тех пор, пока они не вызывали возмущения правительства; а законы, запрещающие исповедание христианской религии, в те времена ограничивались применением к отдельным случаям обвинения по мере их возникновения, как мы знаем, по крайней мере, из предписаний Траяна. Тем не менее, эти законы оставались в силе; и когда наступал час гонений, обвинение в исповедании *religio illicita* могло быть настойчиво выдвинуто, а все христианские собрания запрещены.

Давайте теперь подведем краткий итог сказанному и посмотрим, какой свет это бросает на происхождение римских катакомб. Было показано, что привычки языческого Рима в отношении погребений и усыпальниц в первые века христианской эры неосознанно, но очень эффективно ограждали работу младенческой Церкви. Обширный *участок*, который так часто прикреплялся к памятникам богатых людей; дом или палата, построенные на нем; передача имущества для его содержания избранным друзьям с наложением штрафов в случае пренебрежения; неотчуждаемость любой земли, которая когда-то использовалась для целей погребения; право принимать друзей и исключать посторонних по одной лишь

воле завещателя; право на объединение или создание клубов для обеспечения и поддержания таких мест погребения посредством ежемесячных взносов; привычка посещать памятник, есть и пить там в торжественной памяти об усопших; - все эти факты или принципы, гарантированные римским правом и практикой как привилегия каждого гражданина, были восхитительно удобны для создателей и посетителей христианских катакомб. Они представляли собой настоящий юридический экран для защиты христианского общества в вопросе, который был очень близок их сердцам. Если бы несколько христиан увидели, как они направляются к тому или иному кладбищу и входят в прилегающую к нему *келью*, то для язычников они были бы всего лишь членами погребального клуба или родственниками, друзьями и иждивенцами большой семьи, отправляющимися на назначенное место, чтобы отметить день рождения или другую годовщину умершего благодетеля; и если бы они были склонны давать уклончивые ответы на неудобные вопросы, некоторые, возможно, даже осмелились бы сказать, что это действительно было их поручением. Конечно, было бы замечено, что они не использовали погребальную сваю; но к ним нельзя было бы придраться, поскольку только обычай, а не закон, предписывал ее использование. На эти возражения они могли бы смело ответить вместе с Минуцием Феликсом: "Мы следуем лучшему и более древнему обычаю погребения!" Язычники также могли ворчать, но вряд ли могли наказывать за то, что они пренебрегали осыпанием могил умерших розами или фиалками. Но что касается основных внешних особенностей дела, то мы повторяем, что обычные действия язычников по обустройству мест погребения своих умерших во многом совпадали с тем, что хотели сделать христиане; и под ширмой этого сходства зародились римские катакомбы.

ГЛАВА II. ИХ ИСТОРИЯ В ЭПОХУ ГОНЕНИЙ.

Как долго римским христианам было позволено хоронить своих мертвых там, где им заблагорассудится, и спокойно посещать их могилы, мы вряд ли сможем сказать. В начале третьего века в Африке произошло народное возмущение против христианских кладбищ и требование их уничтожения; то же самое, возможно, произошло и в Риме в ту же или даже более раннюю дату. Однако первое достоверное свидетельство о каком-либо юридическом вмешательстве в дела римских катакомб относится к периоду пятьдесят лет спустя, к тому времени они должны были стать многочисленными и обширными; также должно было быть очень известно, где они расположены. Мы видели, насколько публичным был вход в катакомбу святой Домитиллы в I веке, и нет причин полагать, что это было исключением из общего правила. *Saemeterium Ostrianum* на улице Номентана была такой же древней и, вероятно, такой же известной, поскольку именно в ней крестили святого Петра; катакомбы святой Присциллы, знатного рода Пуденс на улице Салара и некоторые другие.

Мы читаем о святом Анаклете, который был епископом Рима около 160 г. н. э., что он построил своего рода памятник над гробницей святого Петра в Ватикане, и его предшественники и некоторые из его преемников до конца века были похоронены в этом же месте, *juxta corpus Beati Petri*, как гласят старые записи. Вокруг гробницы святого Павла на улице Остиенсис также образовалось кладбище, от которого до сих пор сохранилось несколько памятников, датируемых первым десятилетием второго века. Поэтому священник, писавший в том же веке, называет эти гробницы апостолов "трофеями", или триумфальными памятниками, "тех, кто заложил основание Церкви в Риме". Примерно сто лет спустя мы

читаем о святом Фабиане - папе римском 236-250 годов - что "он приказал построить множество зданий на всех кладбищах". И это выражение, похоже, подразумевает, что кладбища больше не были частной собственностью (как, несомненно, было вначале), а принадлежали Церкви в ее корпоративном качестве, и, следовательно, управлялись под руководством ее правителей. У нас есть современное свидетельство того, что именно в таком состоянии находилось кладбище на Виа Аппия с начала третьего века, когда папа Зефирин поставил над ним своего главного диакона Калликста; и очевидные преимущества такой организации, возможно, привели к ее всеобщему, если не универсальному, принятию. Во всяком случае, мы не можем сомневаться, что "многочисленные здания, которые он приказал построить по всем кладбищам", были либо ораториями для общественного богослужения, или палатами для празднования *agapæ*, которые он приказал построить по образцу *scholæ* языческих погребальных клубов, в тех *местах* кладбищ, где их раньше не было; И мы можем легко понять, как это увеличение количества мест для собраний стало необходимым из-за быстрого умножения верующих во время долгого мира, которым Церковь наслаждалась со времен правления Каракаллы.

В самом начале существования Церкви в Риме христиане, конечно же, собирались вместе только в частных домах, "под покровом той великой свободы, которая наделяла римский дом своего рода священной независимостью"; но по мере роста их численности этого уже не могло быть достаточно. Поэтому очень рано в третьем веке, а возможно, и гораздо раньше, в городе появились места общественного христианского богослужения; и кажется несомненным, что верующим также разрешалось собираться (по крайней мере, при обычных обстоятельствах) в общественных *местах* на кладбищах вплоть до середины того же века. Язык Тертуллиана, жалующегося на то, что язычники "узнали дни их собраний, и поэтому их постоянно осаждали, предавали и заставляли врасплох в их самых тайных общинах", скорее наводит на мысль о собраниях в подземных тайниках, чем о публичных собраниях. Но он также рассказывает, что некоторые общины покупали себе неприкосновенность, выплачивая дань правительству, и что для этого их заносили в полицейские реестры, где, как он заботится напомнить, они оказывались в любой, но не респектабельной компании. У них, конечно, должны были быть общественные места для собраний; но под каким названием они могли собираться, если только это не были погребальные клубы, как описано в нашей последней главе, предположить нелегко. Они не могли быть зачислены просто как исповедующие христианскую веру; ведь со времен первых гонений Нерона римское правительство упорно отказывалось признавать "новое суеверие". Некоторое время, правда, иудеи и христиане считались исповедующими одну и ту же религию, и это было большим преимуществом для христиан, поскольку был издан указ Цезаря о том, что иудеям на всей территории Римской империи должно быть позволено сохранять свои древние обычаи без каких-либо препятствий и ограничений. Сами иудеи вскоре энергично осудили своих мнимых единоверцев, и когда христианство уже утвердило свою независимость от иудаизма, оно попало под запрет как незаконная религия. В дальнейшем, хотя христиан не всегда преследовали, они всегда были подвержены гонениям, так что даже когда было запрещено обвинять их, но если они представляли перед судом и признавали себя христианами, было запрещено отпускать их. Так обстояли дела во времена правления Аврелиана и Коммода, во второй половине второго века, когда мы читаем о некоем сенаторе по имени Аполлоний, что он был обвинен в христианстве и, признав вину, был обезглавлен, а человек, который донес на него, был также приговорен к смерти, но более жестоким и бесславным способом - разбиванием о колесо. Прекрасная история святой Цецилии также относится (как теперь выяснено) к более активному периоду гонений примерно в это же время. Эту историю нет необходимости повторять, но на одну из ее деталей стоит обратить внимание, поскольку она, вероятно, дает верное представление о

том, что нередко происходило в те дни, а именно: некоторые священнослужители скрывались в катакомбах, а дознавателей истины надежные проводники вели в их убежище. Однако мы не должны полагать, что большое количество верующих когда-либо укрывалось там на длительное время; это было бы физически невозможно. Христиане собирались там для богослужения, когда им мешали публично исповедовать свою религию; и тогда эта секретность, жестоко навязанная им, была брошена им в зубы, и их называли "скрытым, любящим темноту народом".

В конце концов, в 253 году Валериан издал указ, в котором попытался закрыть для них даже это подземное убежище; он запретил им "проводить собрания или входить в те места, которые они называют своими кладбищами". Эдикт, конечно же, был нарушен, и папа Сикст II с некоторыми из своих дьяконов был застигнут врасплох и замучен в катакомбе Претекстата. Эта катакомба находилась в винограднике на противоположной стороне дороги от катакомбы святого Калликста, и, возможно, она была выбрана местом встречи потому, что была менее известна публике, чем это главное христианское кладбище. Однако секрет был выдан, и (как мы узнаем из надписи папы Дамаса) святой понтифик был задержан в разгар религиозной церемонии. Верующие, присутствовавшие при этом, соревновались друг с другом в том, чтобы принести себя в жертву мученичеству, если не вместо него, то хотя бы в его компании, но только дьяконы получили желанную привилегию. Самого епископа привели на трибунал, осудили, а затем вернули на место его "преступления", где он принял мученический венец либо на самом понтификальном кресле, либо, по крайней мере, так близко к нему, что оно было окроплено его кровью. Обвинение, по которому он был осужден, заключалось в том, что он "свел на нет повеления Валериана". Но в следующем году эти повеления были отменены, и в течение следующих пятидесяти-шестидесяти лет катакомбы предстают перед нами в сменяющих друг друга периодах церковной истории то добрыми, то злыми, в зависимости от переменчивой судьбы самой Церкви, для которой они стали одним из главных полей битвы. Если Валериан запрещал их, то Галлиен, его сын, восстанавливал их; и так они терпели и запрещали, запрещали и снова терпели, в зависимости от воли правительства, пока наконец, перед концом века, они не были полностью конфискованы.

С момента начала строительства катакомб прошло уже более двух столетий, и они достигли степени развития, намного превышающей все, что можно было предположить. В ходе работ постепенно вносились различные изменения, о которых стоит рассказать. В качестве примера мы возьмем кладбище Святого Калликста; ведь хотя почти в каждой катакомбе есть некоторые отличия в деталях от остальных, вызванные либо какими-то местными особенностями, либо просто вкусом или капризом тех, кто ее делал, но, по крайней мере, в общих чертах, процесс развития должен был быть одинаковым во всех. По всей видимости, он был примерно таким. Сначала участок земли в подходящем месте либо дарился его владельцем-христианином, либо приобретался путем покупки и закреплялся с соблюдением всех необходимых юридических формальностей - возможно, также огораживался стеной или другой оградой - в качестве места для захоронения. Затем был определен план раскопок, и работа началась. Пока у *фоссоров* не было опыта работы с консистенцией материала, из которого им предстояло произвести погребение, и пока они представляли себе, что будут хоронить лишь нескольких человек, они, естественно, работали свободно и без особой оглядки на экономию места. Но со временем необходимость экономии становилась очевидной, и тогда они прибегали к различным приспособлениям для ее обеспечения. Они опускали полы как в склепах, так и в галереях, чтобы они могли вместить больше ярусов могил. Галереи сделали несколько более узкими, чем раньше, и ближе друг к другу. На углах их пересечения, где рыхлость породы не позволяла вырезать полноразмерные могилы, они сделали меньшие могилы для младенцев, чтобы место не пропадало зря. Так же поступали и

с полками из камня, которые оставляли в качестве необходимой опоры между несколькими ярусами могил. Везде не жалели лишнего труда; не снимали больше земли, чем было абсолютно необходимо для нужной цели. Могилы делались более широкими у головы и плеч и более узкими у ног; и если два тела должны были быть похоронены в двойной могиле (*locus bisomus*), земля выкапывалась только в точной пропорции: ноги одного из них обычно укладывались у головы другого.

Однако эти меры не могли существенно расширить пространство, отведенное под могилы, и *фоссоры* были вынуждены вырыть еще одну площадку (так сказать) либо выше, либо ниже первой. И здесь им было легче обеспечить камеры, в которых верующие могли бы собираться во время гонений. Первые подземные палаты были маленькими и простыми, прямоугольной формы - просто семейные склепы; но на втором и третьем этажах мы видим их более многочисленными, более просторными и разнообразными по форме, снабженными также *люминариями*, или шахтами, сообщающимися с поверхностью земли, через которые свет и воздух поступали к тем, кто собирался внизу. Некоторые из них были украшены карнизами, колоннами, пилястрами, кронштейнами и стульями, вырубленными из твердой породы. К периоду гонений относятся и те галереи, которые соединяют части важных кладбищ с песочницами в непосредственной близости от них - соединения, которые были как тщательно скрыты, так и, по крайней мере, в некоторых случаях, специально сделаны опасными для использования посторонними.

Диоген Фоссор.

Другие особенности в развитии архитектуры катакомб должны быть пропущены, поскольку их нельзя оценить иначе, как при личном осмотре на месте или с помощью более обширных планов и рисунков, чем позволяют наши нынешние рамки. Однако мы не должны упустить возможность сказать несколько слов о благородной группе рабочих, которых велись эти грандиозные раскопки. Кое-что о них мы узнаем даже из самих катакомб. То тут, то там среди украшений некоторых склепов можно увидеть фигуры людей, вооруженных кирками, лампами и другими инструментами, необходимыми для подземных раскопок, а несколько эпитафий сохранили до нас официальное название этих людей: они назывались *fossores*, или землекопы. Их работа должна была быть чрезвычайно трудоемкой, поэтому в императорских законах четвертого и пятого веков они фигурируют под названием, происходящим от этого обстоятельства. Там их называют *copiatæ*, или рабочими *высшего разряда*; но во всех надписях, обнаруженных до сих пор в катакомбах, они никогда не назывались иначе, чем *fossores*, или *fossarii*. Их жизнь также должна была быть связана с постоянными опасностями и самопожертвованием. Это была не просто продажная служба, которую они оказывали Церкви, а дело настоящей преданности. Более того, они непременно пользовались доверием церковных правителей, знали точное место погребения каждого мученика и исповедника, время и место празднования святых тайн и так далее. Поэтому мы не удивляемся, когда слышим от святого Иеронима, что их причисляли к *клиру*; и хотя они не упоминаются в списке римского духовенства, присланном святому Киприану около 240 года н. э., мы находим их перечисление в официальном документе первого десятилетия IV века, где они следуют сразу после епископа, священников, дьяконов и иподьяконов. В списке, предоставленном святому Киприану, они, вероятно, включены в число *остиариев*, чьи обязанности должны были частично совпадать с их обязанностями до тех пор, пока христиане продолжали поклоняться в катакомбах. Однако, как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что в первые века существования Церкви *фоссоры*, как и остальные ее служители, поддерживались добровольными пожертвованиями верующих; и вся работа в катакомбах велась за счет взаимной спонтанной либеральности всего тела христиан, а не за счет какого-либо фиксированного налога, взимаемого за каждое требуемое захоронение.

Мы завершили очерк внешней истории катакомб в эпоху гонений. Мы отметили превратности их судьбы в разное время, проследили постепенный процесс их архитектурного развития и отдали дань восхищения тем, кто их создал. Если бы можно было добавить к этому достоверный реферат хроники этих почтенных святых в те богатые событиями годы! Должно быть, многие нежные и волнующие сцены, свидетелями которых они были, но, увы, о большинстве из них все письменные воспоминания исчезли. Даже из тех, что дошли до нас, повествование, как правило, было испорчено позднейшими приукрашиваниями, так что очень немногие из них опираются на достаточно достоверные свидетельства, чтобы оправдать их приведение в этом месте. Однако следующие являются исключением из этого правила, и они слишком ценны, чтобы их можно было опустить.

Наша первая история относится к понтификату святого Стефана, а значит, к 256 году или около того. Мы узнаем его частично из Деяний мучеников, а частично из надписей, которые были сделаны на их гробницах до того, как были написаны эти Деяния, или, конечно, до того, как было написано то издание Деяний, которое сохранилось только сейчас. История такова: богатая греческая семья, состоящая из джентльмена, его жены и двоих детей, а также его брата, отправилась в Италию. Во время плавания их застал шторм, во время которого они дали обет Плутону и, наконец, благополучно добрались до места назначения. Во время

пребывания в Риме брат (Ипполит) отрекся от идолопоклонства и обратился в христианскую веру, после чего посвятил себя трудоемкой и героической работе *фоссора*. Вероятно, это произошло в тот период, когда катакомбы находились под запретом правительства, поскольку мы читаем, что местом его трудов был *аренарий* или песочница, и что он жил, а также работал в ней. Конечно, условия жизни в песочнице были бы гораздо более терпимыми, чем в настоящей катакомбе; и мы видели, что во времена гонений между кладбищами и соседними песочницами часто устанавливали связь, чтобы облегчить вход и выход для бедных охотящихся христиан. О том, что Ипполит вел уединенную жизнь в песочнице, упоминается как о чем-то необычном, чего, собственно, и следовало ожидать; и добавляется, что его племянница и племянник в возрасте девяти и тринадцати лет посещали его и приносили ему туда еду, пока в конце концов, по предложению Стефана, Ипполит не задержал их однажды и не заставил их родителей искать их в его убежище, где они в конце концов были обращены в веру с помощью чуда, свидетелями которого они стали. Затем, получив должное наставление и крещение, они раздали свое богатство бедным; и, приняв мученический венец, были похоронены в том же *аренарии*, в котором собирались при жизни. Это был *аренарий*, связанный с третьим этажом катакомбы святого Калликста, к которому когда-то была сделана большая лестница, спускавшаяся прямо с поверхности земли, для удобства многочисленных паломников, приходивших почтить память Ипполита, Адриаса и Паулины, Нео и Марии. Лестница была обнаружена вновь, но чрезвычайно рыхлая почва до сих пор пресекала все попытки тщательно исследовать песочницу.

Мы уже рассказывали, как эта катакомба Святого Калликста была освящена кровью Сикста II, преемника Святого Стефана. Примерно тридцать лет спустя, во время понтификата святого Кая, которому самому пришлось несколько лет скрываться в катакомбах, мы читаем о нескольких верующих, которых видели входящими на кладбище на Виа Салара, чтобы посетить гробницы свв. Хрисанфа и Дарии; как по приказу императора (Нумериана) вход был сразу же закрыт, а перед ним насыпана огромная куча песка и камней, чтобы все они были погребены заживо, как и мученики, которых они пришли почитать. Святой Григорий Турский рассказывает, что когда гробницы этих мучеников были вновь открыты после прекращения гонений, в них были найдены не только мощи тех богомольцев, которые были так жестоко преданы смерти - скелеты мужчин, женщин и детей, лежащие на полу, но и серебряные кружки, которые они взяли с собой для празднования святых тайн; и де Росси питает надежду, что некоторые следы этой драгоценной святыни могут быть восстановлены даже до нашего поколения. Ведь мы знаем, что папа Дамас (при котором она была обнаружена) воздержался от тех изменений, которыми иногда украшают гробницы мучеников, но довольствовался тем, что установил историческую надпись и открыл окно в соседней стене или скале, чтобы все могли видеть, не беспокоясь, памятник, столь уникальный и трогательный; и это все еще было видно во времена святого Григория в шестом веке.

Из другой надписи папы Дамаса мы узнаем историю благородного молодого аколита и мученика святого Тарсиция, который однажды был схвачен, когда выходил из катакомбы, где только что совершались святые таинства, и тайно нес при себе Святое Таинство, чтобы передать его некоторым из отсутствующих верующих, которые были либо больны, либо не осмелились выступить перед лицом закона, запрещающего христианские собрания. Юноша скорее пожертвовал жизнью, чем предал языческим глазам бесценное сокровище, доверенное ему на хранение. Затем они растерзали его труп, но их грязное любопытство не было удовлетворено, и святой мученик был похоронен на кладбище святого Калликста, откуда он, вероятно, и отправился в путь.

Святая Агнесса также относится к тому же периоду, который мы пытаемся проиллюстрировать, но она принадлежит к самой последней его стадии, во время гонений Диоклетиана, когда, как мы уже говорили, катакомбы были полностью конфискованы. Однако это не привело к строгому исключению верующих. Из неопровержимых свидетельств датированных надписей мы знаем, что даже в такие времена христианам удавалось получить доступ и хоронить там. Поэтому нет ничего странного или противоречащего истории в рассказе о том, что ее родители молились у ее гробницы через два дня после ее мученической кончины, когда их утешило видение ее славы на небесах, а также в другом рассказе о том, что ее приемная сестра, святая Емерентиана, была в том же месте крещена в своей собственной крови.

ГЛАВА III.

ИХ ИСТОРИЯ С 310 ПО 850 ГГ. Н.Э.

Гонения Диоклетиана закончились в 306 году, но только в 311 году катакомбы были возвращены их естественным владельцам и покровителям, епископам Рима. В том же году папа Мелькиад через нескольких своих дьяконов отправил префекту города письма от императора Максенция, чтобы тот восстановил законное владение всеми "церковными местами", которые были разграблены христианами; среди этих мест кладбища были самыми ценными. Примерно в это время, если не раньше, были сделаны и другие кладбища, более простые и дешевые, над землей, а не под ней; и в течение следующих ста лет использовались оба места погребения. Если мы можем принять датированные надписи за руководство при оценке относительных пропорций, в которых они использовались, мы должны сказать, что захоронения в катакомбах оставались в наибольшем фаворе до второй половины века. Начиная с 364 года и до конца, баланс значительно меняется в другую сторону; только одна треть захоронений, по-видимому, приходилась на подземные кладбища, а две трети на наземные. Затем, с 400 по 410 год, захоронения в катакомбах становились все более редкими, пока в этом году не прекратились совсем.

Части Катакомб, которые были раскопаны в IV веке, значительно отличаются по своему характеру. В некоторых частях все необычайно грандиозно; камеры не только двойные, по одной с каждой стороны галереи, но даже тройные и четверные, и великолепных пропорций. В других частях, напротив, нет ничего, кроме ряда жалких галерей, выполненных с большой экономией и лишенных всяких украшений; очевидно, они были необходимы для удовлетворения растущих потребностей многочисленного христианского населения. Именно в этот же период мы встречаем надписи, фиксирующие контракты на покупку могил, и множество других, которые, не вдаваясь в подробности, просто сообщают, что покойный при жизни обеспечил место погребения для себя одного или для себя и своей жены, а возможно, и для некоторых других родственников. В более древних частях катакомб они встречаются крайне редко. В самом деле, такие покупки могли бы стать плодотворным источником неудобств во времена гонений, когда *фосфоры* часто использовали галереи, стены которых уже были заполнены могилами, в качестве удобного места для складирования грунта, вынутого из новых галерей, которые они раскапывали, а иногда даже хоронили трупы в проходах, которые они таким образом заполняли. Но этого нельзя было бы сделать, если бы было необходимо зарезервировать определенные места как частную собственность тех, кто впоследствии будет там похоронен.

В самых ранних надписях, фиксирующих покупку могил, *фоссоры* выступают в качестве продавцов; более того, к концу четвертого века создается впечатление, что все управление катакомбами перешло в их руки. Каждый *фоссор* теперь работал либо самостоятельно, либо с партнером, если он предпочитал это; по крайней мере, обычно говорится, что покупка совершалась у одного *фоссора*, иногда у двух; а если добавляются имена других представителей того же класса, то только для того, чтобы сказать, что они помогали в качестве свидетелей контракта. Однажды мы даже видим, как семья *фоссора* продает могилы, которые раскопал их отец. В нескольких надписях названа цена, а также имена договаривающихся сторон; некоторые авторы пытались определить на основе этих примеров обычную стоимость могилы в Катакомбах. Их расчеты, однако, не могут быть приняты по нескольким причинам. Во-первых, зафиксированные цены в каждом случае совершенно не соответствуют труду, затраченному на создание могилы; во-вторых, они сильно варьируются, но не в соответствии с каким-либо фиксированным принципом. Поэтому представляется более безопасным заключить вместе с де Росси, что цена в каждом случае была пропорциональна средствам и доброй воле покупателя, чтобы таким образом можно было обеспечить безвозмездное погребение бедных за счет избыточных платежей богатых.

Еще одно и более важное изменение, чем все те, о которых мы уже упоминали, произошло в катакомбах в четвертом веке. Уже упоминалось, что набожность верующих естественно заставляла их смотреть на гробницы мучеников с чувством самой нежной и благочестивой привязанности; поэтому они желали проявить свою любовь какими-то внешними знаками - поменять примитивную простоту их скромных могил на что-то более подходящее к их собственному изменившемуся состоянию. С самого первого момента, когда это стало возможным, даже в эпоху Константина, над гробницами наиболее прославленных святых, святых Петра, Павла, Агнессы, Себастьяна и других, были построены грандиозные базилики. Во всех этих случаях они стремились заключить гробницу, которую хотели почитать, в пределы церкви; разумеется, это была центральная точка поклонения в новом здании. Но невозможно было вырыть фундамент и возвести стены таких огромных сооружений, не разрушив при этом подземные могилы и галереи по всей округе. Вероятно, всегда находились те, кто сожалел об этой необходимости и предпочел бы, чтобы эти памятники первобытного христианства остались в своем первоначальном виде. Конечно, в конце пятидесяти или шестидесяти лет, около 370 года, на кафедре Петра сидел тот, кто, похоже, испытывал подобные чувства и кто посвятил себя работе по их сохранению с особым рвением и благоразумием.

Папа Дамас (а мы говорим именно о нем) усердно искал все исторические гробницы, которые были спрятаны во времена гонений и до сих пор не восстановлены. У него не было ни средств, ни желания увенчать их царственными базиликами, подобными тем, что построил Константин; но он сделал то, что мог, и то, что считал необходимым, как для того, чтобы избежать скандала и опасности среди бесчисленных паломников, которые теперь стекались со всех концов света, чтобы посетить гробницы мучеников, так и для того, чтобы сохранить память о них для будущих поколений. Поэтому сначала он сделал новые лестницы и дополнительные шахты в верхний мир, чтобы впустить больше света и воздуха; он перекрыл некоторые проходы, чтобы предотвратить беспорядочные блуждания в подземном лабиринте и направить паломников к тем святыням, где они хотели отдать дань уважения. Он укрепил стены из рыхлого туфа в некоторых галереях, которые нуждались в поддержке, с

помощью арок из кирпича и камня. Он расширил некоторые камеры и украсил многие другие; иногда он обкладывал их стены сверху донизу мрамором, иногда - "не довольствуясь парианским мрамором", как говорит Пруденций, - даже используя много чистого серебра для украшения особых святынь. Наконец, он сочинил короткие наборы стихов в честь некоторых героев, которых он хотел почитать, - стихи, в которых он либо рассказывает о некоторых интересных обстоятельствах их истории, которые в противном случае были бы утеряны, либо записывает ремонт или украшения, которые были его собственной работой. Эти надписи оказали огромную помощь в определении географии кладбищ, а значит, и в реконструкции их истории. Все они изысканно выгравированы на мраморе и установлены на тех местах, которым они принадлежат; выгравированы они неизменно одной и той же рукой, рукой искусного художника Фурия Дионисия Филокалуса, который посвятил себя этой работе из особой любви, как кажется, к понтифику, которому он так умело служил.

Преданность папы Дамаса катакомбам была столь же разумной, сколь и пылкой. Как он сам рассказывает, ему очень хотелось быть похороненным в них, в камере, где уже покоились многие его предшественники-мученики и другие святые; но он слишком уважал неприкосновенность их гробниц и поэтому приготовил себе место для погребения в другом месте. Он построил для этой цели надземное место, в котором были похоронены он сам, его мать и сестра. Для христианской археологии было бы счастьем, если бы и другие были столь же щепетильны; но многочисленные эпитафии рассказывают нам о мужчинах и женщинах, которые путем покупки добились для себя права на могилу "за святыми" (*retro sanctos*) или "рядом" (*ad*) с таким-то и таким-то святым, *то есть* рядом с его гробницей; и многие подземные часовни до сих пор свидетельствуют, разрушая свои первоначальные украшения, о частом удовлетворении этого естественного желания. Не исключено, что папа Дамасус запретил потворствовать этому желанию другим, как он, несомненно, запрещал это и себе. Как бы то ни было, во второй половине его понтификата наблюдалось быстрое сокращение числа тех, кто был похоронен в любой части катакомб.

Затем наступил роковой 410 год, год, когда Рим был взят Аларихом, - год, когда, как говорит святой Иероним, "погас самый прекрасный свет мира: Римская империя была обезглавлена, и, если подытожить все одним словом, в разрушении одного города погиб весь мир". В этом году использование катакомб в качестве христианского кладбища закончилось и больше никогда не возобновлялось. То тут, то там, в редкие промежутки времени, можно найти несколько исключений, вплоть до середины пятого века; но, говоря в целом, можно сказать, что теперь они перестали быть местом погребения и отныне были только местом паломничества.

В 557 году готы, привлеченные, возможно, сообщениями о парианском мраморе и серебре, о которых с таким энтузиазмом писал Пруденций, нанесли в них большой ущерб. Беда была исправлена частично благодаря щедрости народа, частично благодаря заботе пап. Папа Вигилий (550 г. н. э.) восстановил некоторые монументальные надписи папы Дамаса, которые были разбиты. Следует признать, что его реставрация не была очень успешной, но это произошло не по его вине. Это были дни непрерывной тревоги и насилия, а литература и изобразительное искусство не расцветают в такой атмосфере. Поэтому художники, которыми распоряжался Вигилий, не были достойными преемниками Филокалуса; они были и невежественны, и неумелы. Иногда они, кажется, не знали латинских слов, которые им приходилось воспроизводить, а если и знали, то часто не могли их написать. Они совершили множество преступлений против законов просодии и орфографии. Тем не менее, мы должны поблагодарить Папу за то, что он сделал все, что мог, ведь он сохранил для нас некоторые ценные записи, которые в противном случае погибли бы.

В течение последующих двухсот лет ситуация не улучшилась. Мы читаем о многих постановлениях пап, направленных на защиту кладбищ и совершение на них мессы. Но когда в 756 году на Рим напали лангобарды, дело разрушения пошло быстрее и быстрее, и, по сути, вскоре было завершено. Эти люди были арианами, они ворвались в город и унесли некоторые тела святых, чтобы увезти их в свои церкви на севере Италии, так что сразу после этого папа Павел I, оказавшись не в состоянии эффективно защитить столько кладбищ, расположенных по всему городу и так далеко от его стен, решил перенести тела мучеников для более безопасного хранения в церкви в пределах города. Эта работа по переводу, как ее называли, хотя и не была продолжена ни одним из его ближайших преемников, была возобновлена папой Пасхалием I. в 817 году и продолжена другими, самый поздний случай относится ко временам Льва IV. (848 Г. Н.Э.). Все эти папы называют причиной перевода состояние разрухи, до которого дошли кладбища, и ужасное осквернение, которому они постоянно подвергались; некоторые из них даже использовались крестьянами Кампании для стойла своих овец и волов. С этого времени настоящая живая история катакомб закончилась. Как в начале пятого века они перестали использоваться в качестве места погребения, так в первой половине девятого их перестали посещать для целей набожности. Отныне ничто не могло удержать их в умах и сердцах людей. Ими стали пренебрегать, а затем и вовсе забыли.

Из этих замечаний следует сделать несколько исключений. На некоторых кладбищах с самого начала существовали религиозные общины мужчин или женщин. Эти дома были созданы для пения Божественных славословий днем и ночью, в продолжение первобытной практики, когда духовенство и миряне несли вахту и пели псалмы и гимны у могил мучеников. Пока это делалось, прилегающие кладбища оставались хотя бы частично доступными и сохранялись от полного забвения. Именно поэтому мы читаем о периодических посещениях катакомб святой Агнессы, святого Кириака, святого Себастьяна и еще нескольких, даже в XI и XII веках. Многочисленные надписи, которые появились в результате строительства современного *Кампо Санто* в Риме, свидетельствуют о том, что уже в IV веке рядом с Сан-Лоренцо *фуори ле муре* существовал женский монастырь. Еще со времен Константина существовал монастырь при базилике Святой Агнессы; и папа Сикст III основали мужскую конгрегацию при базилике Святого Себастьяна на Аппиевой улице. Последний случай имеет интересную связь с нашей темой; ведь кладбище при базилике Святого Себастьяна, где временно покоились тела апостолов Петра и Павла, было известно как Кладбище *Катакомб*. Как оно стало так называться и каково значение этого названия, ученые не знают; решение этого вопроса не прибавит нам знаний о самих катакомбах, так же как если бы мы узнали, почему другое кладбище называлось "Кладбище у двух лавров" (*ad duas lauros*), а другое - "Кладбище у огуречного холма" (*ad divum cucumeris*). Однако название этого конкретного кладбища имеет случайное значение, потому что теперь оно присвоено и всем другим подземным кладбищам Рима, и даже кладбищам Неаполя, Парижа и Мальты, Сицилии и Египта, некоторые из которых почти не имеют с ними общих черт.

ГЛАВА IV.

ИХ УТРАТА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

С середины девятого века и почти до конца шестнадцатого римские катакомбы не имели истории и были практически неизвестны. В разные периоды пятнадцатого века несколько монахов и странников из Шотландии, Сицилии и севера Италии каким-то образом попали в

один из уголков катакомб святого Калликста; несколько образованных людей примерно в то же время посетили и это, и некоторые другие кладбища. Все эти посетители оставили свои имена на стенах; но ни монахи, ни археологи, похоже, не осознали ценности того, что увидели, и не позаботились о том, чтобы сообщить о своем открытии другим. Весь этот предмет лежал в полной темноте, когда в 1578 году случайное обстоятельство пролило на него свет.

В последний день мая того года несколько рабочих, копавших *луццолану* в винограднике на Виа Салара, случайно проникли в галерею могил, украшенных христианской живописью, греческими и латинскими надписями и двумя или тремя скульптурными саркофагами. Такое открытие в эпоху великой интеллектуальной активности, естественно, вызвало большое любопытство, так что посмотреть на него стекались люди всех сословий. "Рим был поражен, - пишет один из современных авторов, - обнаружив, что под его пригородами скрыты другие, неизвестные ему города, и начал понимать то, о чем раньше только слышал или читал"; "и в тот день, - говорит де Росси, - родилось имя и знание *Roma Sotterranea*". Если бы в то же самое время в высших кругах Церкви родилось достаточное понимание важности этого открытия, чтобы они взяли его под свой непосредственный контроль и с осторожностью и усердием продолжили исследования, к которым оно их побуждало. Если бы церковные власти Рима с самого начала приняли такие меры по охране катакомб и их содержимого, как папа Пий IX в 1851 году, поручив их Комиссии священной археологии, или как Климент IX в 1688 году, запретив все, что связано с катакомбами. в 1688 году, запретив все раскопки и вынос реликвий из них частными лицами, они стали бы для нас почти христианскими Помпеями - настоящим "городом мертвых", но с такими обильными и достоверными записями о первых веках Римской церкви, которые позволили бы нам составить очень правдоподобное представление о наших предках в вере.

Но, увы, работа по уничтожению началась почти сразу же, как только было обнаружено, что есть что-то для уничтожения; и труды тех немногих, кто ценил найденное и хотел бы передать потомкам точные сведения о нем, едва поспевали за разрушителем. С самого начала было несколько избранных, которые усердно трудились на этом новом поприще христианской археологии - в частности, испанский монах-доминиканец и два молодых фламандских мирянина; но плоды их трудов так и не были представлены публике; и когда Бозио взялся за работу, всего через пятнадцать лет после даты первоначального открытия, росписи в склепах на Виа Салара уже были уничтожены.

Первый раз Бозио посетил катакомбы в компании с ученым антикваром Помпео Угонио и некоторыми другими 10 декабря 1593 года. Они проникли в катакомбы, расположенные примерно в миле от собора Святого Себастьяна, и, найдя путь на нижний уровень через отверстие в полу одной из часовен, неосторожно зашли так далеко, что, когда захотели вернуться, не смогли узнать путь, по которому пришли. К их недоумению и тревоге добавился свет, так как они оставались под землей гораздо дольше, чем намеревались, и "я начал бояться, - говорит он, - что оскверню своим мерзким трупом гробницы мучеников". Однако это происшествие не ослабило его мужества и не отвлекло от задуманного; он лишь принял меры предосторожности против его повторения, а затем посвятил оставшиеся тридцать шесть лет своей жизни тщательному продолжению начатого им дела. Он с неутомимой энергией отдавался исследованиям в недрах земли, с одной стороны, и среди старых книг и манускриптов - с другой. Его трудолюбие в обоих случаях было поразительным. Что касается его литературных трудов, то до наших дней сохранилось несколько тысяч листов, исписанных его собственным почерком, показывающих, с какой тщательностью он читал Отцов, греческих, латинских и восточных; собрания канонов и соборов, церковные истории,

жития святых, огромное количество богословских трактатов, включая школьные; в общем, все доступные ему работы, в которых, по его мнению, можно было найти что-нибудь в качестве иллюстрации к своей теме. Он также переписал множество Деяний мучеников, особенно тех, кто пострадал в Риме, а также все другие древние записи, которые могли пролить свет на топографию христианских кладбищ. И когда он таким образом узнавал кое-что о вероятном расположении катакомб, то начинал беспокойную, утомительную и даже опасную работу своих подземных исследований. Он с величайшим усердием обследовал все соседние поля и виноградники, чтобы обнаружить, если возможно, какой-нибудь вход, через который можно было бы проникнуть внутрь; и часто, возвращаясь снова и снова на одно и то же место, его труды так и оставались без награды. В другое время он слышал о том, что в катакомбах случайно открыли отверстие, выкопав новый погреб или колодец, и, поспешив туда, обнаруживал, что все место настолько завалено руинами, что проникнуть туда невозможно. Даже если вход удавалось сделать, ему приходилось пробиваться, часто собственными руками, через вековой мусор; не стоит полагать, что первопроходцы, исследовавшие Катакомбы после их открытия, находили галереи чистыми и пустыми, какими их видят обычные посетители в наши дни; Напротив, некоторые из них были до самой крыши заполнены землей, вымытой в течение стольких веков через открытые *люминарии*; другие стали местом умышленных повреждений, нанесенных готами или лангобардами, или соседями, искавшими запретные сокровища, или просто желавшими воспользоваться пещерами и подвалами, которые они нашли готовыми к их услугам. В некоторых местах крыши галерей и камер провалились под ударами землетрясений или из-за постоянного нарушения поверхности земли в целях строительства или сельского хозяйства. Одним словом, работа по исследованию была сопряжена с реальной опасностью, так что ни один христианский археолог не может говорить об Антонио Бозио - Колумбе, как его часто и заслуженно называют, этого нового мира подземного Рима - без восхищения и энтузиазма.

Он готовился поделиться с миром плодами своих трудов, когда его оборвала смерть в раннем возрасте пятидесяти четырех лет. Однако его труд был опубликован другими людьми пятью или шестью годами позже, в 1635 году. Вскоре она была переведена на немецкий и латинский языки; ее сокращенное изложение также было опубликовано в Голландии, и сразу же Катакомбы вернули себе свое древнее место одной из замечательных достопримечательностей Рима, которую должны посетить все разумные путешественники. Однако посетителей привлекали скорее религиозные, чем научные мотивы, ведь книга Бозио помогла некоторым вернуться к католической вере, и было очевидно, что голос, доносящийся из могил самых первых исповедников христианства, имеет право претендовать на то, чтобы быть услышанным среди шума религиозных распри, которые тогда бушевали. Кроме того, набожность верующих возбуждалась надеждой найти тела святых и мучеников, все еще лежащие в своих могилах; поэтому некоторым религиозным общинам и даже благочестивым людям были сделаны поблажки в их поисках. Таким образом, раскопки велись сразу в нескольких местах, совершенно независимо друг от друга, и ни об одном из них не велось достоверных записей. Наконец, в 1688 году все частные концессии были окончательно отменены, и отныне это дело полностью перешло в руки официальных властей. Однако и в этом случае научная история катакомб оказалась едва ли лучше, чем прежде. Появившаяся на эту тему литература, за редким исключением, была скорее спорной или апологетической, чем археологической. Никто не следовал исторической и топографической системе Бозио, так что со времени его смерти и до 1740 года мы не имеем хроники каждого нового открытия, а только ряд независимых трактатов, возможно, об отдельных эпитафиях или о каком-то особом классе древних памятников, из которых прилежный читатель может кропотливо извлечь для себя некоторые очень несовершенные отчеты о результатах проводившихся раскопок. Затем последовала еще одна сотня лет, в

течение большей части которой катакомбы оставались почти в той же неизвестности, в которой они были погребены в течение стольких веков до рождения Бозо.

В начале нынешнего века признаки возрождающегося интереса к ним можно проследить в трудах Римского археологического общества. Но только в 1840 году этот интерес распространился на широкие круги. Основным импульс ему придал отец Марчи, С.Дж., который был назначен *хранителем* катакомб и посвятил себя их изучению. В 1841 году он начал публиковать труд о памятниках раннехристианского искусства. Однако в свет вышел только первый том, посвященный архитектуре, а затем работа была заброшена, отчасти из-за политических неурядиц того времени, от которых так серьезно пострадал его собственный орден, но главным образом потому, что благодаря новым открытиям, которые были сделаны, он осознал ее серьезные недостатки. Он увидел, что начал публиковаться преждевременно. Однако он передал свой энтузиазм одному из своих ученых, который сначала был частым спутником в его подземных экспедициях, а вскоре признал в нем ценного соратника и, наконец, самым настоятельным образом убедил его взяться за работу, которая казалась ему слишком большой для его собственных слабеющих сил. Этим ученым был Джованни Баттиста де Росси, римский джентльмен из хорошей семьи, который вот уже более тридцати лет посвящает свои средства, время и таланты выполнению возложенной на него задачи.

Было хорошо сказано, что "археология, закаленная и направляемая философским духом, оживленная жизнью и энергией девятнадцатого века, сильно отличается от археологии наших предков и имеет так же мало общего с их антиквариатом, как современная химия и современная астрономия с их прежними прототипами, алхимией и астрологией"; и нигде справедливость этого замечания нельзя оценить более остро, чем при сравнении работ де Росси о катакомбах со всеми, что были до них. Правда, у него были некоторые преимущества, которых не было у его предшественников; он имел доступ к недавно восстановленным или более тщательно отредактированным документам, среди которых есть даже древние путеводители по этим святилищам или, по крайней мере, их точные описания, прежде чем они были заброшены и их священные сокровища вывезены. Кроме того, ему помогал, столь же разумно, сколь и неутомимо, брат, чей механический гений изобрел прибор, с помощью которого процесс съемки и картирования любых подземных раскопок стал бесконечно более простым и точным, чем раньше. Но, в конце концов, главный секрет замечательного успеха Де Росси следует искать скорее в его собственном терпеливом труде, скрупулезной осторожности и совершенстве его научного метода, чем в каком-либо экстраординарном превосходстве его литературного или физического аппарата. Он изучил каждый памятник на своем месте. Он своими глазами изучил каждую деталь подземного рельефа, куда только можно было проникнуть, а затем записал свои наблюдения с такой тщательностью анализа, за которой иногда почти утомительно следить в печати и которую ничто, кроме самой восторженной любви к истине и самого нескгибаемого упорства, не могло бы позволить ему осуществить на деле. Таким образом, его выводы сделаны на основе самих памятников; вернее, они представляют собой не более чем *резюме* наблюдений, которые ему пришлось записать на этих памятниках. У него перед глазами и, насколько это возможно, он представляет читателям точное расположение и размеры всех склепов и галерей на разных уровнях и даже тысяч и тысяч отдельных гробниц в этом христианском некрополе; он отмечает место и характеристики каждой надписи, картины и других памятников, которые ему попадаются в них; Затем, бок о бок с этой огромной массой *данных*, столь важных и столь заслуживающих доверия, он помещает каждый клочок старых исторических документов, которые ему известны и которые, по его мнению, способны пролить на них свет; и, наконец, приступает к их интерпретации в соответствии с самыми лучшими правилами археологической критики. Результатом стала реконструкция истории

катакомб, а отчасти и их географии, в таком полном соответствии со всеми фактами и явлениями, что, вероятно, нет группы древних памятников, которые можно было бы классифицировать более точно и с большей уверенностью, чем те, что находятся в римских катакомбах.

ГЛАВА V. ИХ ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА.

Нет такой отрасли христианской археологии, в которой труды де Росси произвели бы более поразительный переворот, чем в истории христианского искусства. Когда реформаторы шестнадцатого века выступили против использования картин и изображений в церквях и смело заявили, что это противоречит практике первобытных веков, у католиков не было памятников, к которым можно было бы обратиться в опровержение такого заявления. Остатки христианской литературы тех времен были скудны и более или менее молчаливы по этому вопросу, а картины в катакомбах были погребены во тьме. Даже когда их удалось обнаружить, было нелегко сразу же утвердительно говорить об их хронологии. Постепенно, по мере того как Катакомбы становились все более изученными и появлялась возможность сравнивать росписи одного кладбища с росписями другого, а все они - с росписями Помпеи, бань Тита, гробницы Насонов и других новооткрытых языческих памятников, возраст которых был известен, католические писатели начинали брать более смелый тон и утверждать большую древность христианского использования живописи, чем они делали до этого. Тем не менее, невозможно было точно установить какие-либо даты до тех пор, пока люди ограничивались изучением отдельных памятников, иллюстрируя их, возможно, с большой ученостью, но без учета места, где каждый памятник был найден, обстоятельств, при которых он был выполнен, его связи с историей того периода, а также внутреннего и внешнего развития христианской общины в то время и в том месте, к которому он принадлежал.

Теперь римские катакомбы - это огромная галерея древнего христианского искусства. Единичные образцы, конечно, могут существовать и в других местах, и где бы они ни были найдены, они заслуживают внимательного изучения; но очевидно, что самая большая и ценная коллекция в мире находится в подземном Риме; и здесь, как нигде, эта тема может быть тщательно просеяна и решена. Именно тщательности топографических исследований Де Росси мы обязаны тем прочным фундаментом, на котором теперь могут покоиться самые ранние главы истории христианского искусства. Его план здесь, как и в любой другой области его предмета, заключался в том, чтобы просто отмечать все, что он видит; а затем, когда он собрал достаточно материалов, упорядочить и обобщить, не в соответствии с какой-либо предвзятой теорией классификации, но абсолютно в соответствии со строгими, суровыми фактами, находящимися перед ним. Если эти факты, расположенные в их истинном историческом и географическом порядке, представляют собой гармоничное целое и предлагают или поддерживают теорию, которую можно показать как вероятную, он принимает ее с радостью; если нет, он довольствуется тем, что оставляет факты говорить за себя, и доверяет дальнейшим открытиям или изобретательности будущих комментаторов, чтобы внести свет и порядок туда, где в настоящее время может показаться хаос. Ведь он никогда не уклоняется от признания своей неспособности объяснить то или иное явление и предпочитает оставить сомнения, а не догматизировать на основе недостаточного авторитета. Такая сдержанность, естественно, внушает доверие; и, возможно, еще одним свидетельством в пользу беспристрастной точности его утверждений может служить тот

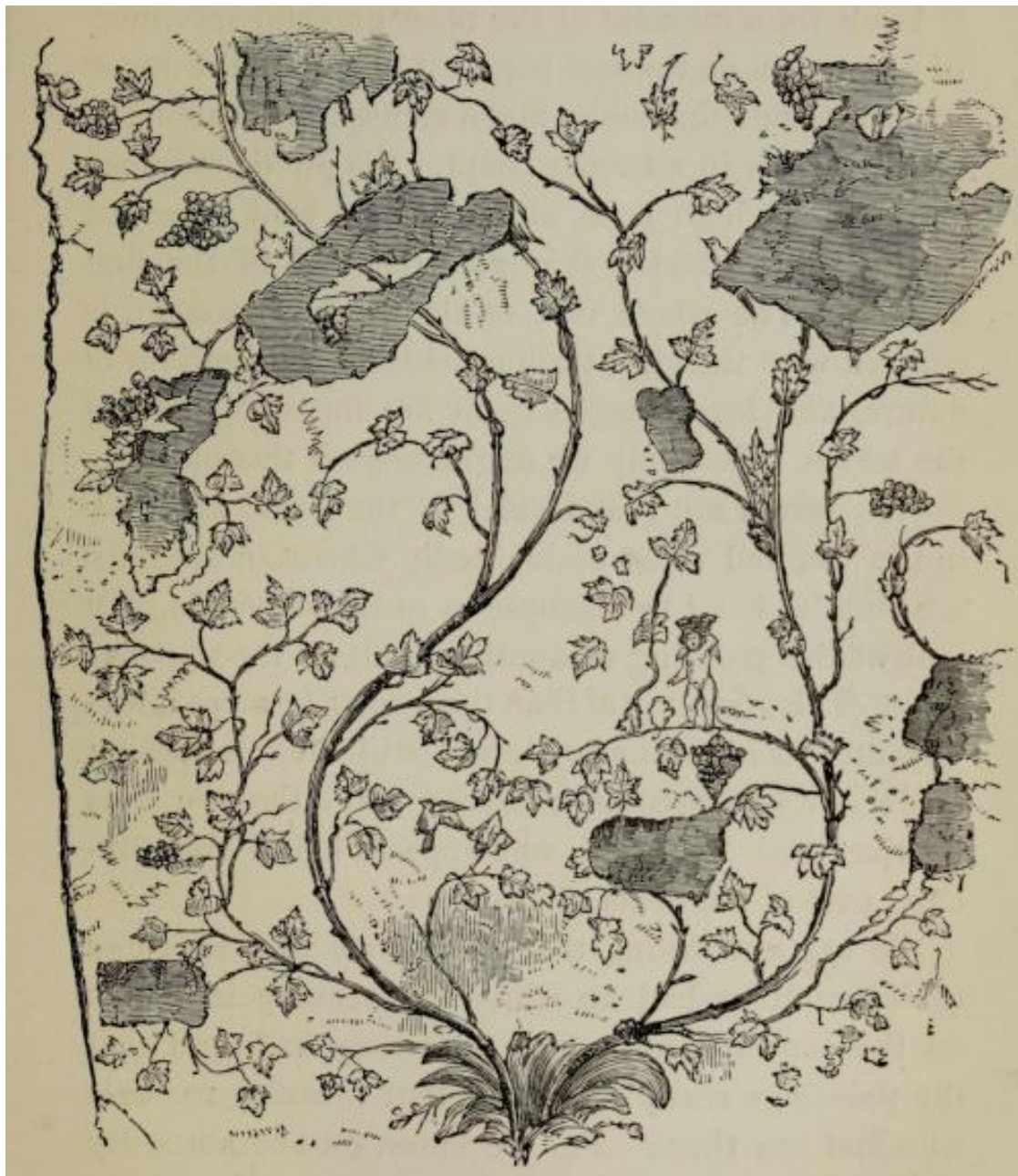
факт, что иногда они противоречат теориям тех, кто хотел бы приписать каждому памятнику большую древность, чем ему полагается, а иногда - теориям противоположной и более многочисленной школы. В целом, однако, каким бы ни было его мнение относительно возраста того или иного памятника, который ставится под сомнение, его свидетельство о свободном использовании живописи ранними христианами является четким и положительным и подкреплено неопровержимыми доказательствами.

"Можно спросить, - говорит он, - правдоподобно ли, что верующие в эпоху апостолов или их учеников, когда Церковь, только что вышедшая из лона ненавидящей изображения синагоги, находилась в смертельной схватке с идолопоклонством, должны были так быстро и так повсеместно принять и (так сказать) окрестить изобразительное искусство?" И он отвечает: "Я могу только сказать, что всеобщее использование картин на всех подземных кладбищах, богатство, разнообразие и свобода более древних типов, когда они контрастируют с циклом живописи, который, как я вижу, становится более жестким по манере и более бедным по концепции к концу третьего века, - эти вещи показывают невозможность принятия гипотезы тех, кто утверждает, что использование картин было введено постепенно, как бы тайком, и вопреки практике первобытной Церкви." Он также указывает на то, что (сравнительно) процветающее состояние изобразительного искусства и большое количество его преподавателей в Риме во время правления Траяна, Адриана и Антонинов значительно способствовало раннему внедрению и развитию живописного искусства среди верующих; и что обращение в христианство богатых людей и даже членов императорской семьи, таких как Домитилла и Флавий Клеменс, убедительно свидетельствует в том же направлении; "тогда как, напротив, упадок изящных искусств в третьем и четвертом веках, увеличение стоимости работ живописцев и скульпторов по мере того, как их число уменьшалось с каждым днем, постепенное, но постоянное обеднение общественных и частных состояний, побуждавшее даже сенат и императоров создавать свои новые памятники за счет других, более древних, - все это не могло способствовать умножению новых произведений христианского искусства в этот период; Так что, даже если верующие выигрывали в количестве новообращенных, во власти и свободе, они теряли, если можно так выразиться, в условиях, необходимых для расцвета христианского искусства."

Читатель заметил, что в этих отрывках де Росси настаивает на превосходстве христианской живописи первых двух веков над живописью третьего и четвертого; в его аргументацию здесь не входит упоминание о картинах, выполненных в более поздний период, когда катакомбы перестали использоваться как места погребения и посещались только из соображений благочестия. В наши планы также не входит подробное рассмотрение этих более поздних росписей. Мы лишь отметим, что такие росписи, конечно, есть, поскольку нельзя было ожидать, что христиане перестанут украшать места, где до сих пор покоятся мощи мучеников; но они немногочисленны по сравнению с огромной массой росписей по всем катакомбам, и к тому же настолько не похожи на росписи пракопстантиновской эпохи, что ни один разумный человек не смог бы принять одну за другую. Пока же перейдем к более внимательному изучению картин более раннего периода.

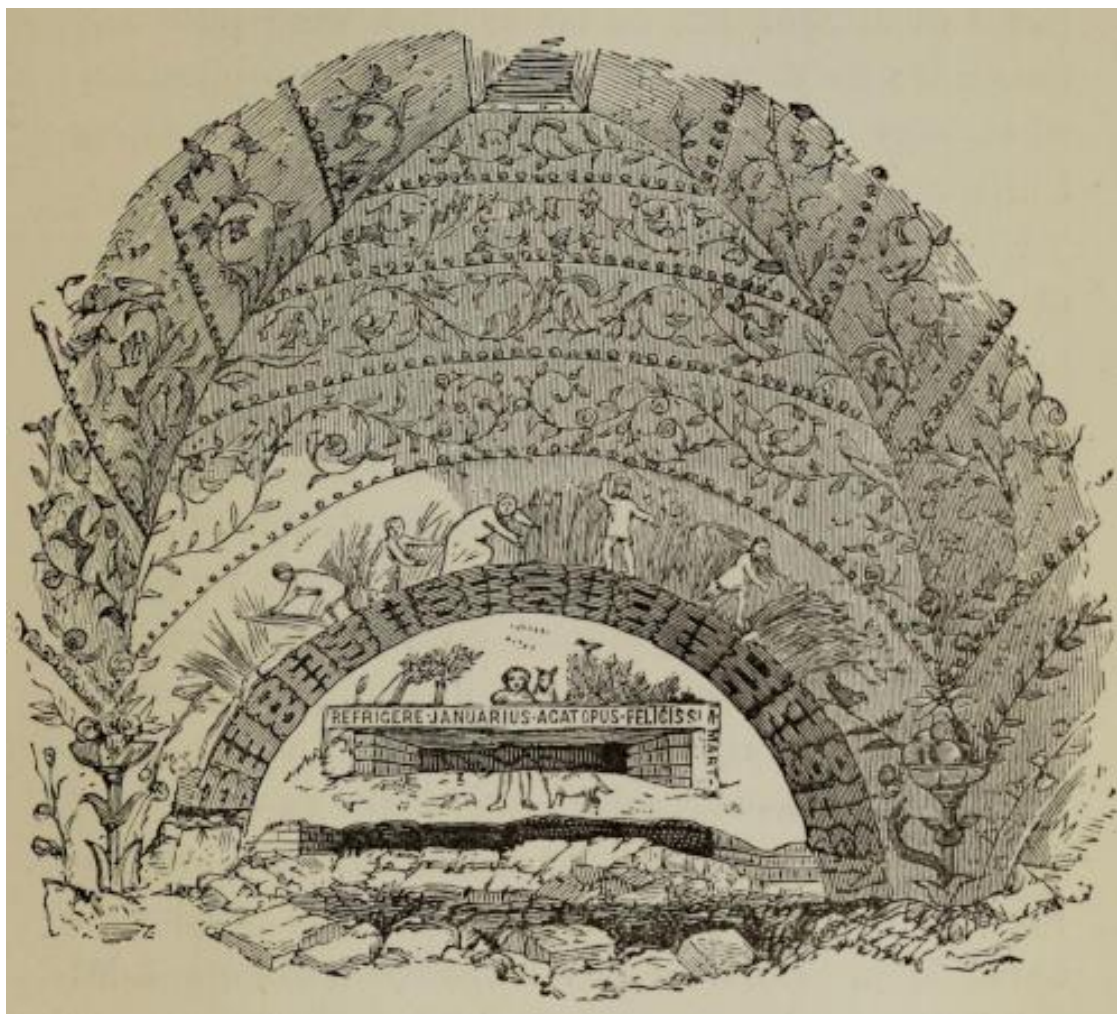
Плиний рассказывает, что во времена Веспасиана, *то есть* в первом веке христианской эры, искусство живописи в Риме приходило в упадок, что больше не создавалось никаких великих и оригинальных произведений, а почти все ограничивалось украшением квартир. Именно для этой отрасли искусства в катакомбах был самый большой спрос - можно сказать, единственная возможность. Какие же камерные украшения были в моде в языческих домах и гробницах (ведь язычники тоже украшали свои гробницы) в это время? Как в Помпеях, так и в окрестностях Рима сохранилось немало образцов, на основании которых можно составить

мнение. Но за неимением копий здесь, давайте прочтем их общее описание, данное компетентным и беспристрастным критиком. Мюллер (в своей работе "Древнее искусство и его остатки"), поддержав только что процитированное суждение Плиния, продолжает, что "даже в своем вырожденном состоянии искусство демонстрировало неисчерпаемую изобретательность и продуктивность. Пространства на стенах, - говорит он, - разделены и расположены со вкусом; затем в эти пространства вводятся арабески с восхитительным богатством фантазии; крыши часто выполнены в виде беседок, увешанных гирляндами, перемежающимися с порхающими крылатыми формами, и все это в живых цветах, четко и приятно расположенных и выполненных". Любой, кто знаком с катакомбами, знает, что именно это можно видеть там снова и снова, и что на тех кладбищах, которым мы *по другим причинам* вынуждены приписывать наибольшую древность, мы находим все эти вещи в высшей степени совершенства и с наименьшей примесью чего-либо отчетливо христианского. Это настолько верно, что один протестантский спорщик даже осмелился сказать, что, войдя в некоторые из самых древних камер Катакомб, мы на мгновение засомневались, языческий или христианский характер того, что мы видим. Здесь то же геометрическое деление крыши, те же изящные арабески, птицы и цветы, точно такие же, как описывает Мюллер; и только когда мы узнаем фигуру Доброго Пастыря, или Даниила в логове львов, или какой-нибудь подобный сюжет, занимающий центральное отделение всего помещения, наши сомнения рассеиваются.

Роспись на крыше самой древней части кладбища Святой Домициллы.

Взгляните на самый изящный образец декора на последней странице; он один из самых древних в Катакомбах, и происходит из той, в которой мы видели в предыдущей главе общественный вход рядом с большой дорогой, и которая, как мы говорили, принадлежала знатной семье Флавиев в конце первого века. Вся крыша сводчатого прохода покрыта виноградной лозой, стелющейся со всей свободой природы, а среди листьев порхают маленькие крылатые гении. Конечно, можно было бы заподозрить в этом язычество, если бы не Даниил в логове львов, Ной в ковчеге и другие, несомненно, христианские сюжеты, расположенные поблизости, чтобы отвести от нас подозрение. Или посмотрите на роспись другого свода на противоположной странице. Она более строгая, чем первая, поскольку была выполнена почти на столетие позже; тем не менее, ничто не указывает на ее христианский характер, пока взгляд не остановится на Добром Пастыре, который появляется под основной частью декора.

Роспись на своде аркосолия на кладбище Пртекстатуса.

Мы не хотим сказать, что художники, выполнившие эти картины, не вкладывали в них христианский смысл; напротив, мы верим, что они вкладывали его, и что картины действительно внушали этот смысл тем, кто впервые их увидел. Ведь мы знаем со слов Тертуллиана, что "весь вращающийся порядок времен года" (который изображен на второй картине) рассматривался христианами как "свидетельство воскресения мертвых". Поэтому, вероятно, именно по этой причине они были нарисованы здесь; и никому из христиан не нужно напоминать, что наш Господь говорил о Себе под образом виноградной лозы, что достаточно хорошо объясняет первую картину. Тем не менее, факт остается фактом: сами изображения являются такими, которые могли быть использованы как христианскими, так и языческими художниками. Если кто-то из наших читателей разочарован тем, что первые работы христианского художника не имели более отчетливого христианского характера, он должен помнить, что новое искусство не может быть создано в одно мгновение. Если христианская религия в зачаточном состоянии должна была вообще использовать искусство, у нее не было другого выбора, кроме как использовать для своих целей формы древнего искусства, насколько они были чисты и невинны; постепенно она должна была устранить то, что не имело смысла, и заменить чем-то христианским.

Некоторые авторы предполагают, что христиане сначала использовали языческие сюжеты, а также языческие формы орнамента; они указывают на фигуру Орфея, которая появляется в трех или четырех местах катакомб, а также на фигуру Психеи, которую можно увидеть примерно так же часто. Однако столь незначительное число исключений едва ли хватило бы для утверждения общего положения, даже если бы они сами по себе были необъяснимы. Но,

по правде говоря, фигура Орфея вообще не имеет права считаться исключением, поскольку некоторые ранние отцы считали его прообразом нашего Господа; некоторые из них даже верили, что он, подобно сибилле, пророчествовал о Нем. Климент Александрийский называет нашего Господа Божественным чародеем душ, явно ссылаясь на сказку об Орфее; та же мысль приходила в голову каждому классическому ученому, когда он слышал слова Псалмопевца о том, что нечестивые "отказываются слушать голос чародея, прельщаясь, что он никогда так не мудрствует". Поэтому, когда мы видим Орфея с его лирой и зверей, очарованных его песней, изображенных на стенах или крышах катакомб, мы вправе заключить, что художник хотел дать христианское толкование своему произведению; аналогичное объяснение можно дать и любым другим сюжетам языческой мифологии, получившим там признание.

Если бы нас попросили назвать сюжет, который, похоже, чаще всего использовался в ранних украшениях катакомб, мы бы отдали пальму первенства Доброму Пастырю; и это предпочтение не должно вызывать удивления. Любой, кто вдумается в слова, в которых наш Пресвятой Господь назвал Себя так, легко поймет, почему первые христиане, жившие среди языческих гонителей, должны были с удовольствием держать перед собой столь трогательный образ. Поэтому они грубо выцарапывали его на надгробном камне, когда опускали в могилу близкого человека; они вырезали его на своих чашах, особенно на священном потире; они гравировали его на перстнях и носили на пальцах; они помещали его в центре картин, которыми покрывали потолок своих подземных часовен, или отводили ему главное место непосредственно над алтарем. Мы встречаемся с ним повсюду, и каждый может его узнать.

Однако в его трактовке есть одна или две особенности, которые требуют пояснения. Пастух обычно представлен как молодой человек, легко одетый, с туникой, высоко подпоясанной на чреслах, что свидетельствует о его неустанной деятельности; он окружен овцами или несет одну на плечах, возвращая ее домой, - самое нежное действие в его должности. И в этом нет ничего, кроме того, что мы могли бы естественно ожидать. Но иногда он также изображается с козой вместо овцы на плечах; а на более поздних картинах у него есть пасторальная дудочка или мелодичная труба, которая либо висит на дереве рядом с ним, либо он играет на ней. Последняя особенность не имеет места в евангельской притче, а первая кажется прямо противоположной ей, поскольку козел является общепринятым символом злых, а овца - только добрых. Поэтому эти моменты были восприняты некоторыми критиками либо как признаки бездумной небрежности христианских художников, либо как доказательство того, что их работы, сознательно или бессознательно, были просто скопированы с какого-то языческого оригинала. Ни одно из этих замечаний не представляется справедливым. Изображения пастуха в языческом искусстве, за редким исключением, совсем другого рода; и те детали, против которых возражают, не только могут получить христианское толкование, но даже выражают утешительные христианские истины. Св. Григорий Назианзен говорит о тревожной заботе пастуха, когда он сидит на склоне холма, наполняя воздух мягкими нотами своей трубы, и собирает свою рассеянную паству; и он замечает, что подобным образом духовный пастырь, желающий вернуть души к Богу, должен следовать примеру своего Божественного учителя и использовать свою трубу чаще, чем свой посох. Что же касается замены козла на овцу, то она, вероятно, была задумана как явный протест против нехристианской суровости тех еретиков, которые в очень ранние времена отказывали в примирении некоторым категориям кающихся грешников.

Однако не многие из древнейших христианских картин имеют такой же простой и очевидный характер, как "Добрый пастырь". Главная особенность большинства из них заключается в

том, что под видом художественных символов или исторических типов они выражают религиозные идеи или доктрины. Одна из доктрин, занимающая в них особое место и наиболее уместная на кладбищах, - это доктрина о воскресении и вечной счастливой жизни, которая ожидает души праведников после смерти. Именно в этом смысле мы должны понимать не только частые повторения историй об Ионе и Лазаре - тип и пример воскресения, но и о Данииле в логове львов, и о трех детях в огненной печи. Последние, действительно, очень вероятно, имели отношение к гонениям, которым подвергались в то время христиане, и были призваны вселить в них мужество и уверенность в том, что Бог избавит их, как избавил Своих избранных слуг в древности; но, поскольку о них говорится в очень древних христианских документах (*напр*, в гимнах святого Ефрема и в Апостольских конституциях) как о предвестии будущей победы тела над смертью, от которой они тоже были в некотором роде избавлены, мы предпочитаем, повинаясь этим древним руководствам, дать им такое толкование; во всяком случае, несомненно, что такое толкование нельзя исключать. Изображения усопших с распростертыми в молитве руками, иногда с их именами, или стоящих посреди сада, или, опять же, фигуры птиц, клюющих плоды и цветы, мы понимаем как образы души, еще живущей после смерти, принятой в райский сад и питающейся бессмертными плодами.

Иногда могут возникать разногласия по поводу правильности того или иного толкования, предложенного для той или иной символической картины; но сама по себе правильность принципа толкования не может быть поставлена под сомнение, как и серьезные трудности в его применении среди тех, кто изучает этот предмет с усердием и искренностью. Язык Священного Писания и первых Отцов изобилует символами, и вполне естественно, что самые ранние образцы христианского искусства должны демонстрировать ту же особенность. Они означали нечто большее, чем то, что поначалу воспринималось внешними чувствами; без этого ключа к их смыслу картины едва ли можно понять, а с ним все становится ясно и просто.

Надгробие из очень древнего склепа святой Люцины, ныне объединенного с катакомбой святого Калликста.

Возьмем, к примеру, фигуру якоря, столь часто изображаемую на надгробиях и других памятниках катакомб; столь редко, если вообще когда-либо, встречающуюся на языческих памятниках. Что повлияло на первых христиан при выборе такой фигуры? Какой смысл они вкладывали в нее? Этот вопрос напрашивается сам собой, если мы разумные студенты христианской археологии, желающие понять то, что мы видим: и если мы также благоразумны и начеку, чтобы нас не сбила с пути простая фантазия, мы будем вести расследование по тем же законам и принципам, которые мы должны применять к толкованию какой-нибудь загадки в языческом искусстве. Сначала мы должны изучить литературу той эпохи и того народа, к которому, как предполагается, она принадлежала, и посмотреть, можно ли пролить на нее свет из этого источника. В данном случае мы обратимся к священной литературе христиан и найдем там отрывок, в котором говорится об обязанности "твердо держаться предлежащей нам надежды, которую мы имеем как якорь души, надежный и твердый". Мы предполагаем, что якорь, возможно, использовался в качестве эмблемы христианской надежды. Продолжая поиски в тех же священных книгах, мы обнаруживаем, что в христианском вероучении существовала особая связь между надеждой и состоянием умерших. Написано, что христиане не печалются о тех, кто умирает, "как другие, не имеющие надежды". Вывод очевиден: упоминание о надежде - одна из тех вещей, которые не без оснований можно было бы искать на могильном камне христианина, поскольку это было то, чем они гордились как отличием себя от других. Это значительно подтверждает наше предположительное толкование символа, и мы с некоторой уверенностью начинаем применять его к каждому примеру его использования, который нам встречается; ведь если это правильный ключ, он не может не открыть все проблемы, которые встанут перед нами. При этом нас прежде всего поражает тот факт, что в нескольких случаях сами имена усопших, на эпитафиях которых выгравирован якорь, означали одно и то же. Их называли *Spes*, *Elpis*, *Elpidius*, *Elpizusa*; все имена происходят от латинского или греческого слова, означающего надежду. Далее, мы замечаем, что многие из этих якорей сделаны таким образом, что содержат скрытое, но безошибочное изображение креста; и, учитывая, что единственным основанием надежды христианина является крест Христа, мы считаем, что это также служит дополнительной поддержкой нашей теории. И снова мы видим, что многие эпитафии содержат одну и ту же идею, выраженную отдельными словами, написанными обычным алфавитом, а не иероглифами, как их называют, - мы находим *Spes in Deo*, *Spes in Deo Christo* и т. д. Наконец, мы часто находим якорь, соединенный с одним или несколькими другими символами, которым, в результате аналогичного, но независимого процесса, мы можем придать определенное значение. Тогда мы проверяем, будет ли наше толкование якоря как эквивалента "надежды" *иметь смысл*, как сказал бы школьник, пытающийся перевести кусок греческого или латинского языка на английский, во всех этих других местах; и если да, то мы удовлетворены тем, что наше толкование больше не может быть оспорено. Ложное прочтение одного символа может случайно соответствовать одному памятнику, или двум, или трем; но утверждать, что любое ложное прочтение будет соответствовать сотням отдельных памятников, соответствовать всем одинаково хорошо, и преуспевать в извлечении последовательного смысла из каждого, значит утверждать то, во что не может поверить ни один здравомыслящий человек.

Те, кто знает, как интерпретация египетских иероглифов была сначала угадана, а затем триумфально утверждена против всех сомневающихся с помощью аналогичного процесса рассуждений, не будут оспаривать обоснованность аргументов, с помощью которых было найдено значение якоря. Мы не можем пытаться обосновать наше толкование всех других символов, используемых христианами художниками, с такой же тщательностью, да это и не нужно. Все примут голубя как подходящий символ простоты, мягкости, чистоты и

невинности христианской души, ушедшей в свой покой, а овцу - как подходящий символ ученика Христа.

Другая эмблема, рыба, требует больше слов для объяснения, потому что она способна принимать двойной смысл. На первый взгляд, наши мысли сразу же возвращаются к словам нашего Пресвятого Господа, обращенным к святому Петру и его брату: "Следуйте за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков", и, несомненно, это в достаточной степени объясняет многие старые христианские картины или скульптуры, на которых изображена рыба. Приняв эту идею за руководство к действию, мы можем понять, почему человек, ловящий рыбу, должен найти место на стенах церкви, будь то надземной или подземной. Такое изображение в этих священных местах было вдохновлено тем же доктринальным учением и наводило на те же мысли, что и древнехристианские проповедники, когда они говорили о том, что люди пойманы на приманку благотворительности и крючок проповеди и извлечены из горьких вод этого мира не для того, чтобы у них отняли жизнь, что является участью, которая ожидает естественную рыбу, когда она поймана, но чтобы они могли стать причастниками новой и небесной жизни. Это, однако, не позволит нам расшифровать другие символические картины, в которые входит рыба и которые с такой же частотой встречаются среди украшений христианских кладбищ. Необходимо узнать еще одно, и, казалось бы, более распространенное использование рыбы. Как голубь может обозначать Святого Духа, а также душу, освященную Святым Духом, как агнец или овца могут обозначать Агнца Божьего или тех, кто является "народом пастбища Его и овцами руки Его", так и рыба использовалась не только для обозначения христианина, но и, возможно, даже чаще, Самого Христа. Чтобы понять, как это возможно, мы должны немного изучить греческий язык, который, однако, может быть легко понят даже теми, кто не является ученым, если они на несколько мгновений сосредоточат свое внимание на прилагаемом плане:-...

Ι ΗΣΟΥΣ = Иисус

Χ ΡΙΣΤΟΣ = Христос

Θ ΕΟΥ = Божий

Υ ΙΟΥ = Сын

Σ ΩΤΗΡ = Спаситель

Греческое слово "рыба" здесь написано перпендикулярно, одна буква над другой, ΙΧΘΥΣ; видно, что эти пять букв являются начальными буквами пяти слов, которые вместе содержат достаточно полное описание того, что есть Христос. Он - Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. Таким образом, это одно слово, ιχθυσ, или рыба, прочитанное таким образом, говорит очень многое об имени и титулах нашего Господа; это почти миниатюрное вероучение, или, как выражается один из Отцов, "оно содержит в одном имени целое множество святых имен". Нам потребовалось бы слишком много времени, чтобы выяснить происхождение этого приспособления для выражения имени и титулов нашего Господа в столь многозначительной и тайной форме. Ясно, что кто бы ни придумал его, он был очень изобретателен и особенно удобен в те времена и в тех местах, где люди не смели говорить о Нем свободно и открыто. Мы не можем сказать, когда она возникла, но она была в повсеместном употреблении во всей Церкви в течение первых трехсот лет ее жизни, а затем, когда она наслаждалась миром и свободой, она постепенно исчезла, сначала из виду в христианских памятниках, а затем и в христианской литературе. Но в эпоху гонений оно глубоко вошло в привычки христианской мысли и языка; оно стало как бы частью самого Катехизиса, - каждый крещеный христианин, кажется, был знаком с ним, жил ли он на берегах Тибра или По, Луары, Евфрата или Нила. Во всех этих частях света писатели в книгах,

поэты в гимнах, проповедники в проповедях, художники в живописи, сами каменщики на надгробиях использовали его без единого слова объяснения, причем таким образом, который совершенно мистифицировал бы любую современную христианскую общину. Кому сегодня придет в голову вырезать или нарисовать рыбу на надгробии в христианском храме? А ведь десятки могил в Катакомбах были отмечены таким образом, и на некоторых из них не было ни слова, ни эмблемы. Или какое значение мы могли бы придать изображению голубя или ягненка, стоящего на спине рыбы, если бы не понимали, что рыба представляет Христа, а голубь или ягненок - христианина, так что весь символ означает христианскую душу, поддерживаемую Христом сквозь волны и бури жизни? Или, опять же, только представьте себе христианина в наши дни, похоронившего вместе с собой или носившего на шее при жизни маленькую фигурку рыбы, вырезанную из слоновой кости, или хрусталя, или перламутра, или еще какого-нибудь более дорогого материала? Однако многие из тех, кто был похоронен в катакомбах, так и поступали; а на некоторых из этих рыбок даже была сделана надпись, призывающая рыбку быть Спасителем!

Необходимо было дать такое объяснение некоторым символам и обосновать его достаточным количеством примеров, прежде чем мы перейдем к изучению более сложных росписей в катакомбах. Но теперь, с этими мыслями в голове, давайте войдем на кладбище Святого Калликста и посмотрим на фигуру, изображенную два или три раза на стене одной из его самых древних камер: рыба плывет и несет на спине корзину с хлебом, а посреди хлебов - стеклянный сосуд с красной жидкостью. Что это, как не хлеб и вино, элементы Таинства Любви, и Иисус Христос, Его реальность? Святой Иероним, рассказывая о святом епископе Тулузы, который продал золотые и серебряные сосуды своей церкви, чтобы оказать помощь бедным, говорит: "Что может быть богаче человека, который несет Тело Христово в плетеной корзине, а Кровь Христову - в стеклянном сосуде?" Здесь, несомненно, находятся плетеная корзина и стеклянный сосуд; и кто может сомневаться, что у нас есть и другой, завуалированный под фигурой рыбы?

Освящение Святой Евхаристии.

Перейдем в другую часть того же кладбища и рассмотрим картину, которая с некоторыми вариациями повторяется в трех или четырех последовательных камерах, выходящих из одной из примитивных галерей. На трехногом столе лежат хлеб и рыба, на полу перед ним расставлены несколько корзин с хлебом, а по бокам стола стоят мужчина и женщина. Женщина простирает руки в форме креста - древняя позиция христианской молитвы; мужчина тоже простирает руки, но по-другому: он держит их вперед, особенно правую руку, над хлебом и рыбой, таким образом, чтобы натолкнуть каждого католика на мысль, что он благословляет или освящает то, что находится перед ним. Для современных глаз, действительно, его облачение не выглядит достойным того, кто участвует в высшем акте христианского поклонения; возможно, на первый взгляд, оно кажется нам едва ли приличным. Тем не менее, для христианского археолога именно это облачение является убедительным подтверждением того, что мы видим истинный смысл картины. Ведь это греческий *паллиум*, или философский плащ; и мы знаем, что в то время, к которому относится эта картина (конец второго или начало третьего века), было принято проповедовать Слово Божье именно в этом костюме. Тертуллиан, живший в то же время, написал трактат *De Pallio*, в котором, в своем особом стиле, защищал его использование и поздравлял *паллиум* с его продвижением в качестве христианского облачения. Только через пятьдесят лет святой Киприан выступил против него, как против недостаточно скромного самого по себе и тщеславного по своему значению.

Если и оставалась какая-то неуверенность в том, действительно ли эти фигуры имели отношение к Святой Евхаристии, или же наше толкование их могло быть причудливым и произвольным, то достаточно взглянуть на другие украшения тех же покоев, чтобы устранить ее. Ибо мы увидим, что, хотя в тесной связи с ними находятся другие подходящие эмблемы или фигуры того же Божественного Таинства, им также единообразно предшествуют

изображения посвяtitельного Таинства христианского завета, без которого ни один человек не может быть допущен к участию в Евхаристии; А за ними следует образ Воскресения, которое Сам наш Господь самым решительным образом связывает с вкушением Его Плоти и питием Его Крови, говоря: "Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день". Эти три предмета, Крещение, Святая Евхаристия и Воскресение, занимают три идеальные стороны палаты, четвертая сторона, конечно, нарушена входом; и, взятые правильном порядке, они верно изображают новую жизнь христианина; жизнь божественной благодати, сначала переданную крещением, затем питаемую Святой Евхаристией, и, наконец, обмененную на вечную жизнь в славе.

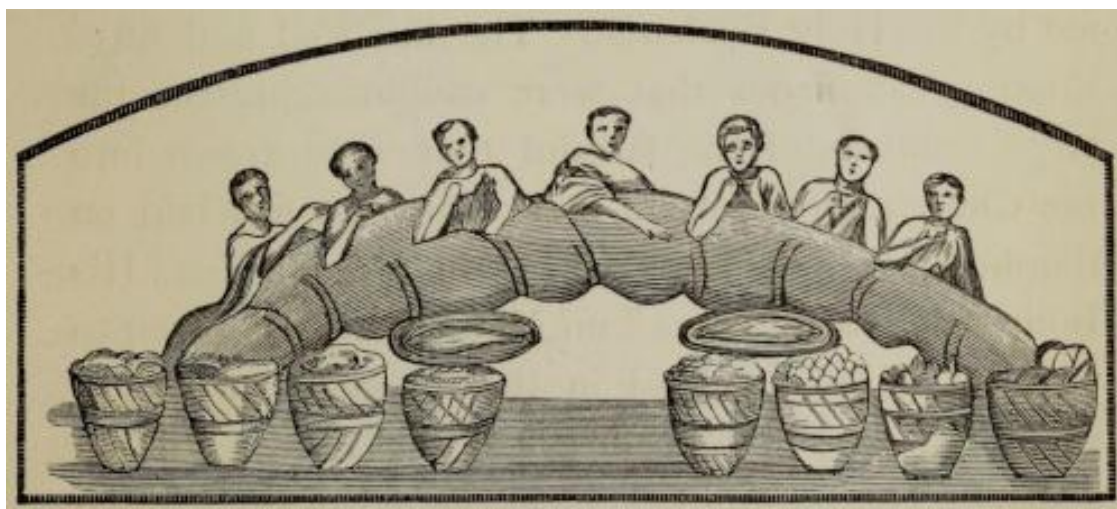

Сраженная скала.

Давайте рассмотрим фигуры этих субъектов в деталях и увидим, как они здесь представлены. Во-первых, у нас есть Моисей, ударяющий камень, сцена, которая снова и снова встречается в Катакомбах, и которая в этих покоех начинает серию картин, которые мы рассматриваем; ее можно увидеть на левой стене, когда мы входим. Святой Павел говорит нам, что "скала была Христова"; вода, которая текла из нее, должна быть теми потоками Божественной благодати, которыми Его ученики освежаются и поддерживаются во время их паломничества по пустыне этого мира, и эта благодать впервые дается в водах крещения. Далее мы видим человека, который ловит рыбу, что уже объяснялось; и (по крайней мере, в одном случае) за этим следует другой человек, совершающий сам акт крещения над юношей, который стоит перед ним; юноша стоит в воде, а человек льет воду ему на голову. Наконец, на той же стене изображен паралитик, несущий свою постель на плечах - несомненно, тот самый, который был чудесным образом исцелен в Вифсаидской купальне, которую отцы Церкви единодушно толкуют как типичную для целебных вод христианского таинства.

Таинство Крещения.

Евхаристический праздник.

На стене напротив дверного проема центральной сценой является пир, на котором семь человек сидят за столом, вкушая рыбу и хлеб; в последней главе Евангелия от Иоанна есть история, которую можно воспринимать как буквальное представление. Это было, когда Господь "явил Себя ученикам Своим при море Тивериадском, и явил Себя так. Были вместе Симон Петр и Фома, называемый Дидимом, и Нафанаил, родом из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и еще двое из учеников Его" - всего семь человек. "И пошли они ловить рыбу, но ничего не поймали. Тогда Иисус явился им на берегу". Затем следует чудесное вычерпывание рыбы; и как только они вышли на сушу, то увидели "горячие угли, лежащие, и рыбу, положенную на них, и хлеб. Иисус говорит им: принесите сюда рыб, которых вы поймали. И приходит Иисус, и берет хлеб, и дает им, и рыбу так же". Такова буква евангельского повествования; но на самом деле это повествование - мистическое и пророческое представление о Церкви, собранной из вод мира и питаемой Святой Евхаристией. Сто пятьдесят три большие рыбы, которые были пойманы, представляют большое количество верующих, привлеченных в Церковь апостольской проповедью; рыба, положенная на раскаленные угли, - это Иисус Христос в Своих страстях, Его Тело, "преданное за нас" на горе Голгофе, данное и нам, чтобы быть нашей пищей в Пресвятом Таинстве, где "мы показываем смерть Господа, доколе Он придет". Верные, попавшие в сети Церкви, должны быть приведены к этой жареной рыбе (*Piscis assus, Christus passus*, говорит святой Августин), к этому распятому Господу, и они должны быть приобщены к Нему, причастившись живого Хлеба, сошедшего с Небес.

Жертвоприношение Исаака.

Воскрешение Лазаря.

Таков полный смысл сцены у Тивериадского моря, истолкованный в соответствии с единодушным согласием Отцов; и дополнения к этой картине показывают, что она была предназначена для такого понимания и здесь; ибо с одной стороны находится уже описанная фигура освящения; а с другой - жертвоприношение Исаака его отцом, которое, несомненно, было живейшим прообразом жертвы Христа на алтаре; где кровь на самом деле не проливается, но Агнец лишь "как бы заклан", подобно тому, как Исаак не был заклан на

самом деле, но был воскрешен из мертвых "для притчи". Наконец, как уже говорилось, на третьей стене той же палаты следует естественное дополнение к остальным: учение о воскресении, содержащееся в факте воскрешения Лазаря. Таким образом, вся эта серия картин, выполненная в конце второго века или в первые двадцать-тридцать лет третьего, и повторенная (как уже было сказано) в нескольких последовательных палатах, была непрерывной гомилией, как бы поставленной перед глазами верующих, в которой им напоминали о начале, ходе и завершении их новой и сверхъестественной жизни.

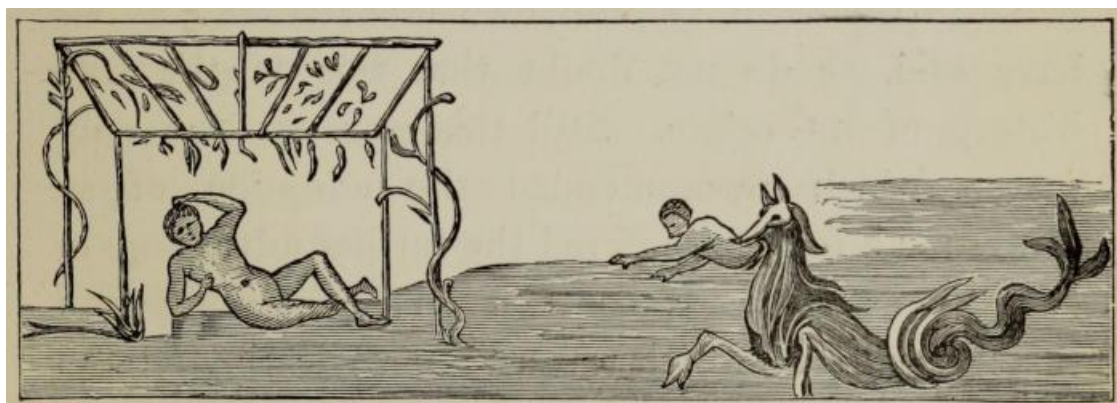
Мы не утверждаем, что каждый современный христианин, глядя на эти картины, сразу же прочтет их смысл; но мы верим, что все древние христиане так и поступали, потому что из трудов самих апостолов и их преемников ясно, что для христианского ума тех дней не было ничего более знакомого, чем символическое и пророческое значение фактов как Ветхого, так и Нового Заветов. Они верили, что сами факты происходили именно так, как они записаны, но они также верили, что они имеют таинственное значение, посредством которого намекаются или выражаются истины христианской веры, и что это и есть их высший и истинный смысл. "Пожалуй, нет ни одного записанного чуда нашего Господа, - говорит святой Григорий, - которое не было бы выбрано для записи потому, что оно было прообразом чего-то, что должно произойти в Церкви"; точно так же считалось, что это относится и к историям патриархальной и иудейской диспенсаций. "Все сие происходило с ними в образе, и написано для нашего исправления, на которое наступают концы мира".

Возможно, не всегда можно проследить так четко, как мы только что сделали это в одном случае, логический порядок и зависимость нескольких тем, которые были выбраны для представления в каждой камере катакомб; возможно, они не всегда были так прекрасно организованы, чтобы быть фактически эквивалентными, как это было, хорошо упорядоченному догматическому дискурсу. Тем не менее, только при таком прочтении украшение катакомб можно сделать вполне понятным; и несомненно, что какой-то такой смысл предполагался с самого начала. Чрезвычайно ограниченное число библейских сюжетов, выбранных для изображения, в то время как в Библии действительно содержится такое огромное разнообразие (и многие из тех, которыми пренебрегли, могли бы показаться одинаково подходящими для этой цели), а также совершенно неисторический способ, которым эти немногие сюжеты рассматриваются, ясно показывают, что принцип отбора был скорее теологическим, чем художественным. Художники не были предоставлены самим себе и своей фантазии, а работали под церковным надзором; и библейские истории, которые они изображали, не были представлены в соответствии с их исторической достоверностью, потому что они не были предназначены для того, чтобы быть сувениром прошлых фактов, но символизировать и предполагать что-то вне себя. Поэтому, чтобы понять их, необходимо столкнуть их лицом к лицу с христианскими доктринами, которые они предвещают.

Ной в ковчеге.

Посмотрите, например, на многочисленные изображения Ное в ковчеге, которые появляются в катакомбах: все они похожи друг на друга, но ни одно не соответствует действительности. Вместо сосуда высотой в три этажа, содержащего восемь человеческих существ и образцы всех видов животных, мы видим лишь узкий ящик, едва достаточный для того, чтобы вместить одного человека, да и тот иногда оказывается дамой, чье имя также начертано на нем, возможно, той самой дамой (как мы узнаем из надписи), которая покоится в соседней гробнице. Если бы вся древнехристианская литература исчезла, мы бы не смогли понять эту загадку; но как только мы узнаем, что Отцы Церкви говорят об этом как о признанном факте, в котором "никто не сомневается" (по словам св. Августина), что Церковь была прообразована ковчегом, луч света начинает рассветать для нас; и когда мы вспоминаем, что сам святой Петр говорит о водах крещения как о спасении душ людей, "подобно тому, как Ной и его семья были спасены водами потопа", все сразу становится ясным. Мы ясно видим, что друзья умершего хотели сказать, что он был принят в ковчег Церкви и стал христианином через крещение. И если они добавили к композиции, как это часто делали, фигуру голубя, приносящего оливковую ветвь человеку, стоящему в ковчеге, то это также входит в то же самое толкование; это символизировало тот Божественный мир, который приходит в душу в этом мире по вере и который является залогом мира, даруемого вечным счастьем в следующем.

Сцены из истории Ионы.

Частое повторение истории Ионы на христианском кладбище не нуждается в объяснении: сам Господь привел ее как прообраз Своего воскресения, а значит, и залог нашего. Однако конкретная форма, в которой предстает эта история, не была подсказана, как ковчег Ноя, местом, которое он занимал в цикле христианской доктрины, а скорее некой языческой моделью, с которой римляне того времени были хорошо знакомы. Мифологическая история об Андромеде и морском чудовище, которому она подверглась на побережье близ Иоппии (так гласила история), была излюбленной темой для украшения стен в римских виллах, храмах и других общественных зданиях. Его можно увидеть в Помпеях и, гораздо ближе к катакомбам, в самом Риме - *например*, в казармах одной из когорт императорской полиции, обнаруженных несколько лет назад в Трастевере; и в обоих случаях чудовище является точным аналогом того, которое всегда изображается проглотившим или извергнувшим Ионаса; это своего рода дракон с большой головой и ушами, длинной стройной шеей и очень извилистым телом. Конечно, в период становления христианского искусства было удобно иметь под рукой модель для изображения неизвестного чудовища, и, как мы уже говорили, мы не сомневаемся, что такова истинная история его происхождения. Однако это не единственная причина, побудившая принять столь гротескную форму; она давала еще одно преимущество - создать как можно более сильный контраст между этой "огромной рыбой", которая была символом смерти, и обычной рыбой, которая, как мы уже видели, была признанным символом Автора жизни.

Другой случай из жизни Ионы, который часто изображался в катакомбах, - это его отдых на восточной стороне города Ниневии под тенью некоего растения, которое Бог заставил вырасти для его защиты и которое Он же заставил так же внезапно увянуть. Во времена святого Иеронима и святого Августина между этими учеными докторами возник спор о точной природе этого растения, и в ходе его святой Иероним апеллировал к этим картинам как к свидетельству в пользу своего собственного толкования еврейского слова. Нам нет нужды вдаваться в суть спора, но важно отметить сам факт апелляции, поскольку он убедительно опровергает нелепые утверждения некоторых современных авторов, которые приписывают этим и подобным картинам в катакомбах очень недавние даты. Мы знаем, что святой Иероним в детстве очень любил посещать эти места, и интересно услышать, как он апеллирует к картинам, которые он видел в них, как к "древним свидетелям". Было бы еще интереснее, если бы мы могли с уверенностью сказать, каковы были мотивы, побудившие древних христиан выбрать этот предмет для столь частого созерцания; читали ли они в нем только очень яркий урок бдительности Божественного Провидения, или же он имел более тонкий смысл, как прообраз милосердия Божьего, которое омрачает души верующих в долгом сне смерти, который наступает перед Солнцем Воскресения. Но там, где нет подсказки от современных или почти современных авторов, мы предпочитаем молчать, а не

настаивать на сомнительном толковании. Достаточно сказать, что такая картина, безусловно, не была неуместна в христианской церкви или на кладбище, как и история Адама и Евы или любое другое библейское повествование, которое имеет отношение к доктринам или обещаниям, провозглашенным христианством миру.

Мы не претендуем на то, чтобы перечислить здесь все сюжеты из Ветхого и Нового Заветов, которые были нарисованы в катакомбах. Мы лишь называем те, которые использовались чаще всего, которые кажутся наиболее интересными или значение которых можно определить наиболее точно. Те, кто видел сами катакомбы, вспомнят и другие, о которых мы не говорили, но мы считаем, что их значение в целом очевидно и не нуждается в пояснениях. Мы назовем только один класс этих картин: те, на которых изображены Господь и Его Пресвятая Матерь. Наши читатели вряд ли ожидают найти что-либо, претендующее на роль портрета одного или другого. Мы видели, что в первобытном христианском искусстве было принято изображать факты, а не людей, и тайну, которую эти факты обозначали, а не сами факты. Поэтому Христос чаще всего предстает в типичном образе Доброго Пастыря, и как таковой изображается в соответствующей форме и с подходящими аксессуарами, или же Он восседает посреди Своих апостолов, с сундуком томов у ног, как Великий Учитель мира. Однажды Его голова и бюст образуют медальон, занимающий центр крыши в камере кладбища Святой Домициллы, той самой, в которой изображен Орфей с лирой. Это работа третьего века; здесь больше свидетельств намерения придать определенный индивидуальный тип лица, да и сам тип совершенно не похож на тот, который практика более поздних веков освятила традиционным использованием. Тем не менее другие изображения четвертого века явно не являются копиями одного и того же образца, так что очевидно, что в те ранние времена не было единого мнения по этому вопросу.

Б. Дева и Исайя, с кладбища св. Присциллы.

Богоматерь появляется главным образом в сцене Поклонения волхвов. Двое, трое или четверо из них (в зависимости от расположения группы и имеющегося в распоряжении художника пространства) стоят в восточных одеждах, поднося свои дары Христу, сидящему на коленях Марии. Один или два раза также Святой Младенец появляется на руках у Матери или у ее груди, не имея, по-видимому, отношения к какому-либо конкретному событию в их жизни, но либо совершенно один, либо стоя напротив Исайи, как бы представляя собой исполнение его пророчеств. Одна из этих картин в катакомбе на улице Номентана относится к четвертому веку; но другой, гораздо более высокой художественной ценности, которую можно увидеть в катакомбе Святой Присциллы, самые компетентные судьи без колебаний утверждают почти апостольскую древность; и это утверждение подкреплено многими и весомыми аргументами. Однако мы не можем обсуждать их здесь, поскольку уже вышли за рамки, которые сами себе предложили.

Б. Дева и волхвы.

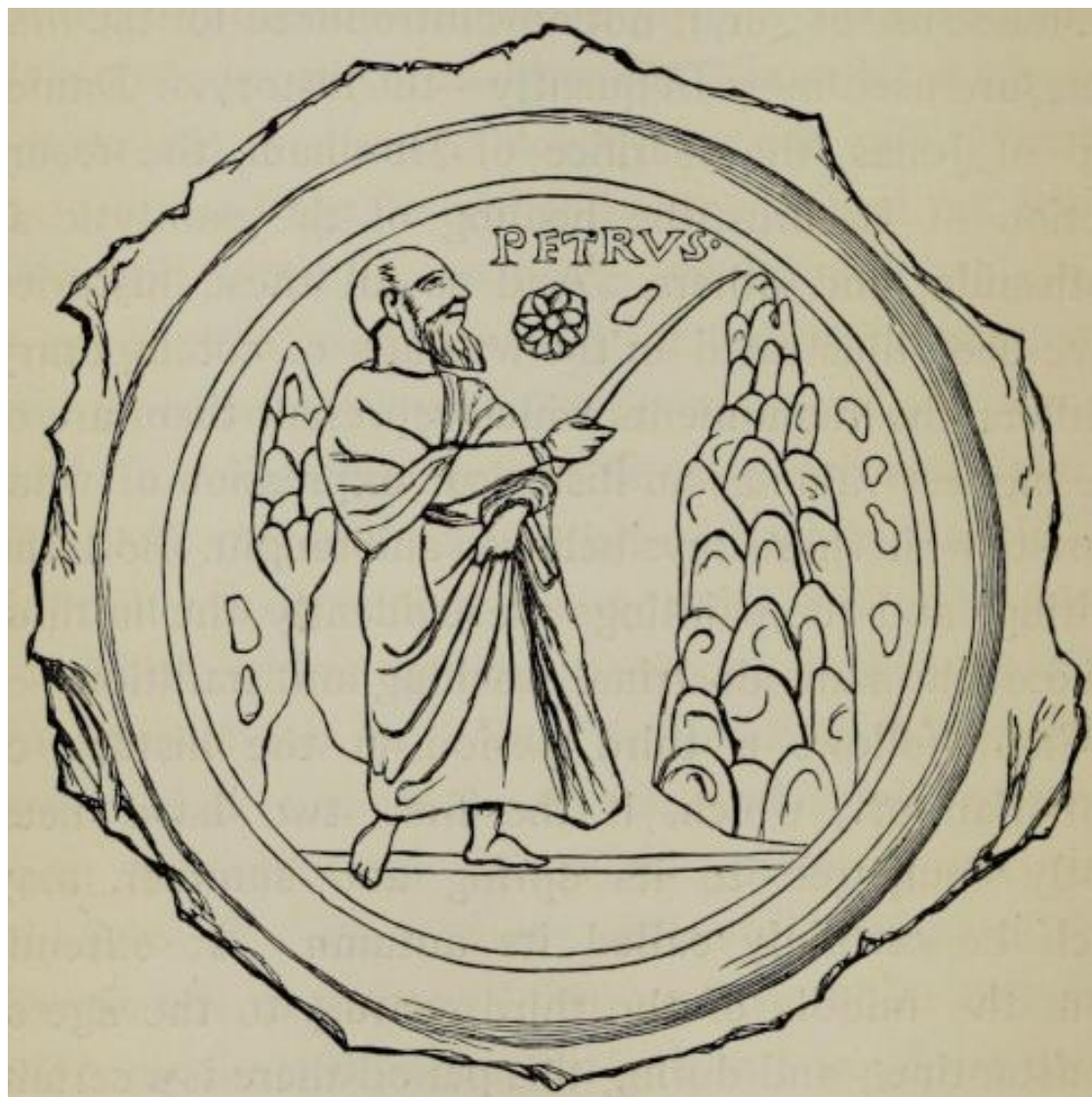
Б. Дева, с кладбища на улице Номентана.

В заключение мы дадим небольшой очерк последовательных фаз развития христианского искусства в пределах первых трех веков; благодаря почти микроскопическому исследованию Де Росси всех доступных уголков подземного Рима теперь это стало возможным. Поскольку каждый из этих этапов вытекал из своего предшественника путем естественной последовательности идей, мы не претендуем на то, что они отделены друг от друга строгими хронологическими границами, которые никогда не преступаются; однако характеристики нескольких периодов в основном достаточно отчетливы, чтобы можно было следовать им как надежным ориентирам при определении, хотя бы приблизительно, возраста любого конкретного класса или даже отдельного образца орнамента.

Мы уже видели, что первобытное христианское искусство возникло из союза древних форм с новыми идеями; по своей внешней физиономии оно непосредственно, по стилю и методу исполнения, исходило из школы языческого декоративного искусства, но было одушевлено новой жизнью; поэтому оно сразу же начало создавать для себя живописный цикл, взятый

отчасти из исторического, отчасти из аллегорического материала. Поначалу аллегорический элемент значительно преобладал. В качестве наиболее ярких примеров можно назвать рыбу и якорь, агнца и голубя, пастуха и рыбака; и все они в первый, или, как его еще называют, иероглифический или идеографический период христианского искусства, отличались предельной простотой. Главная фигура обычно стояла одна: рыбак ловит рыбу или пастух несет на плечах овцу, и больше ничего.

Во второй период - то есть с середины второго до середины третьего века - Добрый Пастырь встречается реже и изображается менее просто; он несет козу или играет на своей трубе; он стоит среди деревьев в саду или посреди своей паствы, и несколько членов его паствы стоят в разных позах по отношению к нему, отмечая разницу внутреннего настроения. Другие фигуры также претерпевают подобные изменения; различные эмблемы или различные типичные истории смешиваются вместе, и результат получается более художественным; более блестящий перевод, так сказать, дается тем же мыслям и идеям, с которыми мы были знакомы в более элементарной форме с самого начала. Эта перемена, или, скорее, этот рост, на самом деле был лишь естественным результатом времени и благочестивого размышления сменяющих друг друга поколений христиан над историей своей веры и над внешними представлениями ее тайн, которыми их предки всегда восхищались. Бутон распустился, и распутившийся цветок показал новые красоты - красоты, которые действительно существовали раньше, но были невидимы. Таким образом, мы снова встречаемся с апостольским рыбаком, но река, в которой он ловит рыбу, теперь мистическая, образованная водами, вытекающими из скалы, которую ударил Моисей. Используется больше библейских историй; или, если они не вводятся впервые, то используются чаще - история Даниила и Ионы, жертвоприношение Авраама, воскрешение Лазаря, исцеление паралитика в Вифсаиде и другие. И поскольку все эти истории были проиллюстрированы в трудах современных отцов, памятники, на которых они изображены, представляют собой высочайшую ценность как историческое выражение того, во что верили и чему учили христиане тех дней. И писания, и картины, очевидно, являются верным отголоском одного и того же верования и традиции.

Стекло из катакомб, хранящееся в Ватиканской библиотеке.

Далее следует третий период в истории христианского искусства, который, если первые два справедливо сравнивать с его весной и летом, можно с уверенностью назвать его осенью. Он длится с середины третьего века до эпохи Константина; и в этот период происходит некоторое опадание листьев, сопровождающееся дальнейшим развитием цветка, без, однако, какого-либо добавления к его красоте. Символический элемент заметно уменьшается; то, что мы осмелились назвать христианскими иероглифами, почти или совсем заброшено; притчи также используются реже, и даже исторические типы представлены в более жесткой и буквальной форме. Если Моисей по-прежнему бьет по мистической скале, то буквальный или исторический Моисей находится рядом с ним, снимая обувь, прежде чем приблизиться к горящему кусту; или евреи в своих низких круглых шапочках пьют воду; или, если необходимо сохранить мистический смысл истории перед людьми, считается необходимым написать имя Петра над головой Моисея, как мы видим на двух или трех образцах позолоченных бокалов, найденных в катакомбах и относящихся, вероятно, к четвертому веку. Христос больше не предстает в образе Доброго Пастыря, а сидит или стоит посреди своих апостолов, или, что еще чаще, чудесным образом умножает хлебы и рыбу. Рыба больше не является мистической монограммой, "содержащей множество тайн", а появляется лишь как необходимая деталь при изображении того же чуда. Лазарь предстает перед нами закутанным, как мумия, что, как мы знаем, соответствует действительности; но

более ранние художники идеализировали его и делали его восставшим из гроба молодым, свободным и активным. Три ребенка, отказывающиеся поклоняться образу, установленному Навуходоносором, выдвинуты вперед и помещены в сопоставлении с тремя волхвами, поклоняющимися Младенцу Иисусу, что наводит на мысль о сравнении или, скорее, контрасте, очень подходящем к изменившимся обстоятельствам времени.

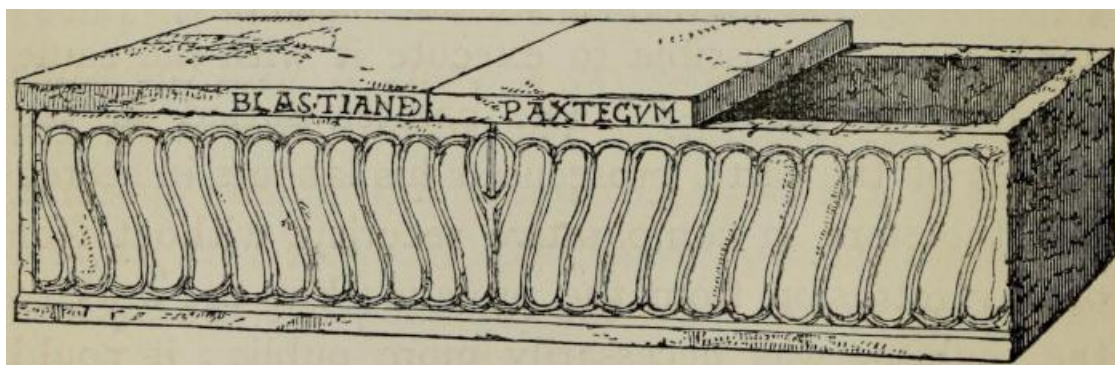
Однако это последнее замечание не должно вводить нас в заблуждение. Мы не должны думать, что хронологический очерк развития христианского искусства, который мы здесь попытались сделать, был каким-либо образом предложен на основе рассмотрения того, что, вероятно, должно было быть его течением в результате истории христианского общества. Эскиз является результатом очень тщательной индукции из кропотливых исследований, проведенных Де Росси в хронологии нескольких частей Катакомб; и если существует соответствие между последовательными изменениями характера произведений искусства, найденных там, и естественным прогрессом христианского разума или внешним состоянием христианской церкви, это чисто "незапланированные совпадения", которые могут быть справедливо приведены в подтверждение нашего заключения, хотя они не были частью предпосылок. Мы также можем осмелиться добавить, что выводы противоречат как предвзятому мнению их первооткрывателя, так и христианского мира в целом. Ничто, кроме ошеломляющих фактов, не заставило их принять, но от них никуда не деться. Когда выяснилось, что самые древние *участки* кладбищ как раз и богаты росписями и выполнены в лучшем стиле, в то время как в более современных *участках* росписей меньше, они беднее по замыслу и хуже по исполнению, Невозможно было не заподозрить справедливость распространенного мнения, что младенческая Церковь, вступив в смертельную схватку с идолопоклонством, отвергла всякое использование изобразительных искусств, и только в более поздний и менее благоразумный век они, как бы незаметно, прокрались к ней на службу; И поскольку в ходе раскопок появляются все новые и новые доказательства того же рода, в общественном мнении по этому вопросу произошел полный переворот. Даже протестантские писатели больше не отрицают, что христиане с самого начала украшали свои подземные кладбища живописью; только они настаивают, что это делалось "не потому, что христианству было свойственно так иллюстрировать веру, а потому, что таков был языческий обычай чествовать мертвых". Если под этим подразумевается только то, что христиане, хотя и обновленные внутренне благодатью крещения, все же продолжали во всем, где совесть не была непосредственно затронута, жить в соответствии обычаями своей прежней жизни, и что украшение могил умерших было одним из таких обычаев, то это, конечно, совершенно верно. Тем не менее, из приведенной здесь истории ясно, что самые ранние образцы христианского искусства были гораздо более заинтересованы в иллюстрации тайн веры, чем в почитании мертвых.

Наше пространство не позволяет, да и не нужно, подробно останавливаться на истории христианской скульптуры, поскольку в ней действовали те же общие законы развития, что и в живописи. Однако следует помнить, что скульптура использовалась гораздо реже и достигла своего полного христианского развития не так скоро, как родственные ей искусства. В катакомбах для нее не было места, кроме как на лицах и боках саркофагов, которые иногда использовались для погребения мертвых; не было и возможности исполнять ее с той же свободой, что и живопись. Художник, погребенный в недрах земли, выполнял свои работы в тайне и, следовательно, в сравнительной безопасности, не опасаясь вторжения профанов; работа же скульптора была неизбежно более публичной; ее нельзя было даже перенести из города на кладбище без помощи многих рук, и она всегда должна была подвергаться риску привлечь опасное всеобщее внимание. Поэтому мы не удивляемся, когда слышим, что некоторые из саркофагов, найденных в самых древних частях катакомб,

скорее куплены в языческих мастерских, чем выполнены христианами; например, те, на которых изображены сцены пастушеской жизни, земледелия, сбора винограда или погони, гении, дельфины или другие предметы, столь же безобидные. Иногда может показаться, что сюжеты были предложены христианином, но их христианский характер затушеван при исполнении рукой язычника, который добавил сомнительный или бессмысленный аксессуар, например, собаку рядом с пастухом. На некоторых других есть настоящие языческие сюжеты, но они либо тщательно замазаны резцом, либо замазаны штукатуркой, либо скрыты от глаз, повернуты к стене.

Саркофаг, который до сих пор можно увидеть на кладбище Сан-Каллисто.

Очень древний саркофаг, найденный в склепе Святой Лючины.

Когда, однако, с течением времени страх перед опасностью прошел, тот же ряд священных сюжетов, что и на фресках второго и третьего веков, воспроизводится в мраморных памятниках четвертого и пятого; только они предстают, конечно, в более поздней, а не в ранней форме; часто даже в еще более развитой и буквально исторической форме, чем в любой из подземных росписей. Так, Адам и Ева уже не стоят поодиночке, по обе стороны от рокового дерева, но три Лица Святой Троицы представлены в деле творения и обещании искупления. Адам получает сноп пшеницы в знак того, что в наказание за свой грех он должен возделывать землю, а Еве преподносится ягненок, прядение шерсти которого должно стать частью ее труда. Даниил не один стоит в логове львов, там же находится Аввакум, несущий в руке хлеб, а иногда и рыбу, чтобы пророк мог прокормиться. К воскрешению Лазаря добавляется фигура одной из его сестер, стоящей на коленях у ног Господа, как бы просящей о чуде. Господь стоит между святым Петром и святым Павлом и дает одному из них том, свиток или скрижаль, изображающую новый закон Евангелия. На позолоченных бокалах, относящихся к тому же периоду, добавлена легенда: *Lex Domini*, или *Dominus legem dat*. Выделяются апостолы: один - апостол иудеев, другой - язычников; и даже добавлены два небольших храма или церкви, из которых выходят овцы; над одним написан Иерусалим, над другим - Вифлеем. Это сцена, с которой мы знакомы по великим старым мозаикам римских базилик, дальнейшее развитие христианского искусства, по отношению к

которому, с точки зрения выбора сюжетов и способа их исполнения, скульптура может считаться своего рода промежуточным этапом после упадка живописи.

Стекло в Ватиканской библиотеке.

Изображение Христа между Св. Петром и Павлом; также Христос как Агнец, а верующие как агнцы - иудеи и язычники, идущие из Иерусалима и Вифлеема (*Бекле*) к горе Сион, откуда текут четыре евангельских потока, объединенные в мистическом Иордане.

Можно еще добавить, что цикл сцен из Священного Писания был несколько расширен скульпторами; , по крайней мере, мы не знаем ни одной картины в катакомбах, изображающей нашего Господа, дающего зрение слепым, или воскрешающего мертвого ребенка, или исцеляющего женщину, которая прикоснулась к подолу Его одежды; или Его Рождество, Его триумфальный въезд в Иерусалим, или некоторые сцены Его Страстей; однако все это, и некоторые другие, можно увидеть вырезанными на старых христианских памятниках, собранных в Латеранском музее в Риме и в других местах. Саркофаг с изображением Рождества Христова и традиционными волком и ослом у яслей имеет свою собственную дату - 343 г. н.э.; но поскольку мы не собираемся писать здесь полную историю христианского искусства, достаточно дать общее представление о его ранних работах как в живописи, так и в скульптуре.

ГЛАВА VI. ИХ НАДПИСИ.

Какой студент, изучающий древность, или просто интеллигентный наблюдатель людей и нравов может покинуть старую церковь или церковный двор, не бросив предварительно взгляд на ее монументальные надписи? Подобным образом, мы думаем, наши читатели будут справедливо недовольны, если мы попросим их покинуть катакомбы, не сказав ни слова об их эпитафиях. И если изучение любого значительного количества эпитафий в любом месте наверняка будет вознаграждено открытием чего-то более или менее интересного, то насколько большего мы не вправе ожидать от памятников римского христианства за период в три или четыре сотни лет!

И действительно, если бы все эти памятники были сохранены и собраны в одном месте, или, что еще лучше, оставлены на своих местах, они составили бы бесценную и неисчерпаемую библиотеку для христианского археолога. Однако этого не произошло. Сотни и тысячи из них были уничтожены теми, кто на протяжении последней тысячи лет время от времени проникал в катакомбы и черпал из них материалы для строительства. Другие, и среди них одни из самых ценных, были отданы ученым антикварам или благочестивым церковникам, которые жаждали заполучить их в свое личное владение и унести в свои далекие дома, не задумываясь о том, какой тяжкий вред они наносят тем, кто придет после них. Гораздо большее их количество было неосмотрительно помещено, даже теми, кто знал их ценность и заботился об их сохранении, на тротуары римских церквей, где они либо постепенно стирались постоянным шагом верующих, либо бездумно удалялись и терялись из виду по случаю последующей реставрации этой части церкви. Несколько экземпляров были надежнее помещены в музеи Капитолия и Римской коллегии, в портики некоторых римских церквей или в монастырские клуатры. Наконец, двенадцать или тринадцать сотен были собраны вместе, около восьмидесяти или девяноста лет назад, в библиотеке и лапидарной галерее Ватикана - количество достаточно большое, чтобы мы могли оценить их ценность и усилить наше сожаление о том, что так много других было рассеяно и потеряно.

Именно государям-понтификам мы в основном обязаны тем фрагментам, которые сохранились от общего крушения. Еще в середине пятнадцатого века папа Николай V, кажется, вынашивал идею собрать все лапидарные памятники раннего христианства, которые были обнаружены к тому времени; и Евгений IV, его непосредственный предшественник, и Каликст III, сменивший его, запретили, под страхом суровых наказаний, отчуждать или уничтожать что-либо, относящееся к этому классу памятников. Когда Лев X. также назначил Рафаэля руководителем работ по восстановлению собора Святого Петра, он дал ему особое поручение не повредить *res lapidaria*. В более поздние времена эти предписания становились более серьезными и более частыми, пропорционально растущему числу и важности надписей, которые становились известными. Однако ничего практического не было придумано до правления Бенедикта XIV, который назначил ученого Франческо Бьянкини собрать все камни с надписями, которые только можно было найти; именно он рекомендовал длинную узкую галерею, ведущую в Ватиканскую библиотеку и музей, как удобное место для их хранения. Уже тогда политические и другие трудности помешали осуществлению проекта, и только в конце прошлого века он был реализован Гаэтано Марини по приказу папы Пия VI. Приходится сожалеть, что он так мало позаботился о том, чтобы максимально использовать имеющиеся у него материалы. Он просто вставлял

памятники в стену, не указывая места, где они были найдены, и не делая попыток классифицировать их, не отделяя те немногие, которые содержат имена консулов, от тех, которые лишены этой хронологической пометки. Небольшая подборка была сделана уже в наше время де Росси, повинаясь приказу папы Пия IX, и помещена в галерею Латеранского дворца, примыкающую к Христианскому музею. Расположение этих образцов (сравнительно немногочисленных) делает его ценным пособием для тех, кто хочет изучить эту часть нашего предмета с пользой для себя.

Коллекции Ватикана и Латерана вместе не превышают двух тысяч. Сотни других, найденных в ходе более поздних раскопок, еще не нашли подходящего дома; многие были оставлены на своих местах. Тем не менее, всегда будет оставаться правдой, что число реально существующих предметов совершенно незначительно по сравнению с теми, которые были уничтожены или потеряны. Однако значительная часть даже из них не погибла полностью; они были скопированы, не всегда с точностью, но с похвальным усердием, различными учеными, даже начиная с восьмого и девятого веков; а после изобретения книгопечатания подобные коллекции, конечно, стали более частыми. Нам нет необходимости подробно описывать их; мы скажем лишь несколько слов о коллекции Де Росси, поскольку пока он опубликовал только первый том, содержащий все христианские надписи Рима первых шести веков, чья дата бесспорно установлена благодаря именам консулов, которые были приложены к ним.

Из них только одно относится к первому веку, два - ко второму, третье - к двадцати, а четвертое и пятое - примерно по пятьсот. Из этого последнего столетия, конечно, только те, которые относятся к первым десяти годам, могут претендовать на Катакомбы, потому что, как мы уже видели, после этого периода они перестали быть общим кладбищем верующих. Таким образом, получается, что все датированные надписи на надгробиях, найденных в Катакомбах до 1864 года, не достигают и шестисот: поэтому некоторые авторы утверждают, что в самые ранние века христиане не имели привычки писать эпитафии на своих могилах. Однако такой вывод явно нелогичен, поскольку мы не имеем права предполагать, что пропорция между датированными и недатированными надписями оставалась неизменной на протяжении первых четырех веков. Если есть только шестьсот эпитафий с именами консулов, то есть более чем в два раза больше тысяч без этих имен; и мы должны искать независимые процессы расследования, чтобы установить другие хронологические критерии, которые, если не будут столь же точными, все же могут быть показаны как заслуживающие доверия. Именно это и сделал де Росси, проявив рвение, сдержанное осторожностью, которая выше всяких похвал. Невозможно преувеличить, во-первых, медленную и терпеливую работу, с которой он накапливал наблюдения; затем тщательность и усердие, с которыми он сравнивает бесчисленные примеры, собранные им друг с другом, чтобы установить их сходство и различие; и, наконец, умеренность, с которой он сделал свои выводы. Они варьируются по своей ценности - от простого предположения до высочайшей степени вероятности или даже моральной уверенности. В такой популярной работе, как эта, нет места для дискуссий; мы должны ограничиться изложением некоторых наиболее достоверных и важных фактов, опирающихся на определенные хронологические каноны, которые, как свидетельствует ежедневно растущий опыт, теперь продемонстрированы с ощутимой и почти математической точностью.

Во-первых, де Росси отмечает как примечательный факт, подтвержденный содержимым всех катакомб, что древнейшие надписи на христианских гробницах отличаются от языческих "больше тем, что они не говорят, чем тем, что они говорят". Язык христианской эпиграфики создавался не за один день, так же как и христианское искусство. Существовали

настоятельные причины для изменения или исключения того, что было принято язычниками, но Церковь не сразу предоставила вместо него что-то другое. Поэтому на самых ранних христианских надгробиях записывалось только имя или имена усопших, к которым, в *очень редких* случаях, главным образом для дам, добавлялись одно или два слова или инициалы слов, чтобы обозначить ранг или титул, который им принадлежал, *например*, C.F., *clarissima femina*, или дама сенаторского ранга. В целом, однако, в этих эпитафиях полностью отсутствуют все те титулы, обозначающие ранг и достоинство, которыми так часто перегружены языческие памятники. То же самое следует сказать и о титулах, относящихся к другой крайности социальной шкалы, таких как *servus* и *libertus*. Нельзя изучить и десятка памятников языческого Рима, не наткнувшись на следы этого великого социального деления древнего мира на свободных и рабов. Однако среди христианских надписей в Риме, число которых превышает двенадцать или тринадцать тысяч, и все они относятся к векам, когда рабство еще процветало, едва ли найдется десять, и даже две или три из них сомнительны - они содержат хоть какое-то упоминание об этом фундаментальном разделении древнеримского общества. Не следует думать, что существовало какое-либо законодательство по этому вопросу; не было даже, возможно, намека со стороны духовенства; это был просто спонтанный эффект религиозных доктрин нового общества, отраженный в их эпиграфике, как в верном зеркале. Дети Первобытной Церкви не запечатлевали на своих памятниках титулы земного достоинства, потому что знали, что у Бога, которому они служили, нет уважения к личности; Они не заботились о том, чтобы упоминать факт своего рабства или освобождения от рабства какому-то земному господину, потому что думали только о той высшей и более совершенной свободе, "которую освободил их Христос", помня, что "призванный, будучи рабом, был еще свободным у Господа; так же и призванный, будучи свободным, был еще рабом у Христа".

Повторим, что древнейшие надписи на христианских надгробиях в Риме состояли только из имени усопшего, обычно только его *имени*, хотя в некоторых самых ранних надписях добавлялось и имя *рода*; не из тщеславия, а просто для идентификации. Большие группы надписей такого рода все еще можно увидеть в некоторых из древнейших частей подземного Рима; они прорисованы лаком на плитках, как в катакомбе Святой Присциллы, или выгравированы буквами красивейшей классической формы, как в *Saemeterium Ostrianum* и на кладбище Претекстата. Имена часто имеют классическое происхождение; около сотни примеров имен Клавдий, Флавий, Ульпий, Аврелий и других, относящихся к той же дате, возвращают нас к периоду между Нероном и первым из Антонинов. Очень часто после имен, как на языческих надгробиях, добавляются такие слова, как *filio dulcissimo*, *conjugi dulcissimo* или, *incomparabili, dulcissimis parentibus*, и больше ничего. На самом деле, эти эпитафии так мало отличаются от старого классического типа, что если бы Марини и другие компетентные свидетели - а некоторые из них даже сам Де Росси - не видели их в первоначальном положении, а на некоторых из них не был изображен христианский символ якоря, мы могли бы засомневаться, не следует ли отнести их к языческим памятникам; как и сейчас, мы уверены, что они принадлежат к самому раннему христианскому периоду; что это надгробия людей, умерших в апостольскую или сразу послеапостольскую эпоху.

Однако не стоило ожидать, что христианские эпитафии всегда будут столь краткими и скупыми. В свете христианского учения смерть полностью изменила свой характер; она перестала быть вечным сном, хотя то тут, то там можно найти христианскую эпитафию, называющую ее так; она перестала быть окончательной и вечной разлукой с теми, кто остался позади; она была признана необходимыми воротами, открывающими доступ к новой

и более благородной жизни; и поэтому было вполне вероятно, что некоторые признаки этого изменения в чувствах и убеждениях рано или поздно должны найти выражение в местах, где покоятся мертвые. Среди почти бесчисленных монументальных надписей языческого Рима, дошедших до нас, мы тщетно ищем хоть один знак веры в будущую жизнь. Вообще говоря, на эту тему царит полное молчание, а если молчание и нарушается, то лишь слабыми следами поэтических образов, а не отчетливыми высказываниями твердой надежды, а тем более ясной и определенной веры. Христианские эпитафии впервые нарушили это молчание частым использованием символа, якоря, обозначающего надежду, высеченного или грубо нацарапанного рядом с именем на могильном камне. Вскоре к ним добавились и слова - слова, которые были естественным излиянием сердец, полных христианской веры и любви. На нескольких надгробиях в тех частях катакомбы Святой Присциллы, о которых уже говорилось, мы читаем апостольское приветствие: *Pax tecum*, или *Pax tibi*; на одном в *Cœmeterium Ostrianum* - *Vivas in Deo*, и это первые зародыши, из которых выросла христианская эпиграфика.

Эпитафии на надгробиях второй половины II и III веков являются лишь развитием основных идей, заложенных в этих изречениях. Они по-прежнему умалчивают о мирском звании или христианских добродетелях усопшего; в большинстве своем они даже ничего не сообщают о его возрасте или родстве с тем, кто устанавливает камень; чаще всего они не указывают даже день его смерти или погребения. Но они с уверенностью сообщают, что его душа допущена к счастливому жребию, уготованному праведникам, которые с миром покинули этот мир, что он соединен со святыми, что он в Боге и наслаждается благами; или же возносят смиренную и любящую молитву о том, чтобы он вскоре был допущен к участию в этих благословениях. Они просят для усопшей души мира, света, обновления и покоя в Боге и во Христе. Иногда они также призывают помощь его молитв (поскольку он, как они знают, все еще живет в Боге) за оставшихся в живых родственников, чье время испытаний еще не закончилось. Одним словом, они исходят из того, что между этим и другим миром, между живыми и мертвыми происходит непрерывный обмен добрыми услугами; они представляют всех верующих как живых членов одного Тела, Тела Христова; как образующих одну большую семью, связанную самыми тесными узами любви; и эта любовь находит свое главное дело и счастье в молитве, молитве оставшихся в живых за тех, кто ушел, молитве блаженных за тех, кто остался позади. Мы приводим несколько примеров эпитафий, о которых мы говорим; чтобы обеспечить точность, мы приведем только те, которые мы сами скопировали с оригиналов, и которые каждый посетитель Рима может, таким образом, увидеть, если захочет. Цифры, которые мы приложили к некоторым из этих надписей, обозначают колонну и номер, под которым их можно найти в галерее Латерана; буквы К.М. относятся к Кирхерианскому музею в Римском колледже; а последние четыре можно увидеть там, где они были найдены, в катакомбе SS. Нерия и Ахилла.

1. Pax tecum, Urania, xviii. 17.
2. Spes, Pax tibi. xviii. 20.
3. ΥΓΙΕΙΑ ΖΗΣΕΣ ΜΕΤΑ ΙΣΤΕΡΚΟΡΙΟΥ
ΤΟΥ ΛΕΓΟΜΕΝΟΥ ΥΓΕΙΝΟΥ ΕΝ ΤΕΩ. xix. 23.
4. ΦΙΓΟΥΜΕΝΗ ΕΝ ΕΙΡΗΝΗ ΣΟΥ ΤΟ ΠΝΕΥΜΑ. ix.
28.
5. Lais cum pace. Ispiritus in bonu quescat. ix. 15.
6. Susanna vivas in Deo. xx. 30.
7. Semper in D. vivas, Dulcis anima. ix. 5.

8. Regina, vivas in Domino Zesu. ix. 17.
9. Bolosa, Deus tibi refrigeret quæ vixit annos xxxi.
ix. 12.
10. Amerimnus Rufinæ ... Spiritum tuum Deus
refrigeret. ix. 13.
11. Refrigerera Deus anima Ho.... ix. 14.
12. Kalemere Deus refrigeret spiritum tuum
Una cum sororis tuæ Hilare. K. M.
13. Lucifere ... meruit titulum
Inscribi ut quisqui de fratribus legerit roget Deu
Ut sancto et innocenti spirito ad Deum
suscipiatur. ix. 10.
14. Anatolius filio benemerenti fecit
Qui vixit annis vii mensis vii diebus xx
Ispiritus tuus bene requiescat
In Deo. Petas pro sorore tua. viii. 19.
15. Aurelivs agapetvs et aurelia
Felicissima alvmne felicitati
Dignissimæ qve vicsit anis xxx et vi
Et pete pro celsinianv cojvgem. viii. 21.
16. Pete pro parentes tvos
Matronata matrona
Qve vixit an. i. di. Liii. viii. 18.
17. ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ ΝΗΠΙΟΣ ΑΚΑΚΟΣ ΕΝΘΑΔΕ
ΚΕΙΤΕ ΜΕΤΑ ΤΩΝ ΑΓΙΩΝ ΜΝΗΣΚΕΘΕ
ΔΕ ΚΑΙ ΗΜΩΝ ΕΝ ΤΑΙΣ ΑΓΙΑΙΣ ΥΜΩΝ
ΠΡΕΥΧΑΙΣ ΚΑΙ ΤΟΥ ΓΛΥΨΑΤΟΣ ΚΑΙ ΓΡΑΨΑΝΤΟΣ.
K. M.
18. Gentianvs fidelis in pace qvi vix
It annis xxi menns viii dies
Xvi et in orationis tvis
Roges pro nobis qvia scimvs te in ☩ .
(Ватиканская галерея.)
19. ΔΗΜΗΤΡΙΣ ΕΤ ΛΕΟΝΤΙΑ
ΣΕΙΡΙΚΕ ΦΕΙΛΙΕ ΒΕΝΕΜΕΡΕΝ
ΤΙ ΜΝΗΣΘΗΣ ΙΗΣΟΥΣ
Ο ΚΥΡΙΟΣ ΤΕΚΝΟΝ Ε....
20. Виктория Холодильник
Ispiritus tus in bono.
21. ... VIBAS IN PACE ET PETE PRO NOBIS.
22. ΖΗΝΑΙΣ ΕΝ ΚΩ ΚΑΙ ΕΡΩΤΑ ΥΠΕΡ ΗΜΩΝ.
1. Мир тебе, Урания.
2. Мир тебе, Spes.
3. Гигея, да живешь ты в Боге со Стеркорием,
которого (также) называют Гигином.

4. Возлюбленный, да пребудет дух твой в мире.
5. Мир тебе, Лаис. Да упокоится дух твой в добре [т. е. в Боге].
6. Сусанна, да живешь ты в Боге.
7. Милая душа, да живешь ты всегда в Боге.
8. Регина, да живешь ты в Господе Иисусе.
9. Болоса, да освежит тебя Господь; прожила тридцать один год.
10. Америкнус... Руфине, да освежит Господь дух твой.
11. Освежи, Боже, душу ...
12. Калемера, да освежит Господь дух твой и сестры твоей Илары.
13. Люцифера... заслужила, чтобы ей была начертана эпитафия, чтобы тот, кто из братьев прочтет ее, мог молить Бога, чтобы ее святой и невинный дух был принят к Богу.
14. Анатолий поставил это своему достойному сыну, который прожил семь лет, семь месяцев и двадцать дней. Да упокоится дух твой в Боге. Молись о сестре твоей.
15. Аврелия Агапета и Аврелия Фелициссима их превосходнейшей приемной дочери Фелицитас, прожившей тридцать шесть лет; и молись за мужа твоего Целестиниана.
16. Молитесь о своих родителях, Матронате Матроне, которая прожила один год и пятьдесят три дня.
17. Дионисий, невинное дитя, лежит здесь со святыми; помяните и нас в ваших святых молитвах, как меня, выгравировавшего, так и меня, написавшего [эту надпись].
18. Гентиан, один из верных, в мире, проживший двадцать один год, восемь месяцев и шестнадцать дней: и в ваших молитвах ходатайствуйте о нас, потому что мы знаем, что вы во Христе.
19. Димитрий и Леонтия к своей достойной дочери Сирике. Помяни, Господи Иисусе, чадо наше.
20. Виктория, да обновится дух твой в добре [т. е. в Боге].
21. Да живешь ты в мире и молись за нас.
22. Да живешь ты в Господе и молись за нас.

Подобными надписями легко было бы заполнить несколько страниц; но и этого достаточно, чтобы читатель получил представление об их общем характере. Они в изобилии встречаются на памятниках второго и третьего веков; но после этой даты они выходят из употребления, и на смену им приходит новый стиль эпиграфики, более холодный и исторический. Теперь указывается точный возраст покойного и продолжительность его супружеской жизни, причем не только в годах, но и в месяцах, а иногда даже в днях и часах; день его смерти, чаще погребения, а в некоторых случаях и то, и другое. На запись о дне погребения (*depositio*) вошла в употребление еще в конце третьего века; с середины четвертого она стала практически повсеместной; в этом и следующем веке часто добавлялось упоминание о годе. В этот период фраза *in pace* стала общеупотребительной, как формула, которая может использоваться сама по себе, без какого-либо глагола. В старых христианских надписях в Африке эта фраза часто встречается с глаголом *vixit*; в этом случае слово *pace*, несомненно, используется в том же смысле, в котором его употребляют Тертуллиан, святой Киприан и другие церковные писатели, как обозначающее мир с Богом, который можно обрести через общение с Церковью; и в сообществе, отвлеченном расколами и ересями, каким была африканская Церковь, такая запись на могиле христианина понятна и важна. Но не так в Риме; здесь смысл тысяч мирных приветствий сводится к миру радостного воскресения и счастливой вечности, независимо от того, говорят ли о нем с уверенностью, как об уже имеющемся, или только молятся о нем с радостным ожиданием. Акт смерти выражался в ранних эпитафиях христианскими фразами: "Препроводил в седалище" (*Translatus de sæculo*); "Изгнал из седалища" (*exivit de sæculo*); "Почил в бозе" (*arcessitus a Domino*) или "Почил в ангелах" (*ab angelis*); "Родился в вечности" (*natus in æternum*); или, что гораздо чаще, "Почил в бозе" (*Deo reddidit spiritum*); последняя фраза настолько вошла в обиход к середине третьего века, что единственная буква R стала ее общепринятой аббревиатурой. Но во второй половине того же века, а затем все чаще вместо нее стали использовать *decessit*; а в пятом веке мы снова находим ее вытесненной словами *Hic jacet, pausat, quiescit* или *requiescit*.

Комплиментарные фразы о доброте, мудрости, невинности и святости покойного вошли в моду примерно в эпоху Константина, а в более поздние времена повторялись с таким постоянством, что уже порядком надоели; мы видим, что они были просто формальными и ничего не значащими; нередко они были экстравагантными. Вдовы и вдовцы взаимно свидетельствуют о мягкости и приятности нрава друг друга, которые позволили им прожить вместе столько лет *semper concordēs, sine ullâ querelâ, sine læsione animi*. Но это, в конце концов, было лишь возвращением к стилю языческой эпиграфики, в которой часто использовались те же самые фразы. Детей хвалят за невинность и простоту духа; иногда также за мудрость и красоту! Ребенок пяти лет - *miræ bonitatis et totius innocentiae*. Это относится к 387 году. В следующем веке мы впервые встречаем фразу *contra votum*, которая также была возвращением к языку языческих родителей, хоронивших своих детей. Нельзя сказать, что в этой фразе есть что-то абсолютно нехристианское; в то же время в ней нет той сердечной покорности воле Божьей или радостного утверждения Его провидения, которые можно найти в других эпитафиях, как, например, в более чем десятке надписей, найденных на древнем кладбище в Остии, в которых эта покорность трогательно выражена заявлением, что умерший закончил свой срок "когда Бог пожелал".

Конечно, еще многое можно и интересно сказать о тысячах надписей, найденных в катакомбах; но здесь мы можем лишь попытаться обозначить основные контуры темы, и уже сказано достаточно, чтобы удовлетворить наших читателей тем, что христианская эпиграфика следовала тем же законам развития, что и христианское искусство. Поначалу она напоминала соответствующие памятники язычества, за исключением тех моментов, в

которых христианская догма и христианское чувство предполагали отход от этой модели. Еще некоторое время эта догма и чувство не находили отчетливого позитивного выражения. Затем они начали шептаться, сначала в скрытых символах, таких как голубь, якорь и рыба; затем в коротком, но сердечном апостольском приветствии: *Pax tecum, Pax tibi, Vivas in Deo* и т. п. С каждым днем эти благочестивые приветствия, продиктованные духом нежного благочестия к усопшему и нежной заботой о его вечном благополучии, становились все более частыми и менее лаконичными; и так, шаг за шагом, из радостного света веры и надежды на небеса спонтанно (как бы само собой) вырастает особый стиль христианской эпитафики. Определенный тип становится фиксированным, изменяясь, конечно, как все человеческое никогда не перестает изменяться, в некоторых незначительных деталях, в зависимости от обстоятельств времени и места, или особых вкусов и прихотей того или иного человека, но достаточно последовательным, чтобы установить отличительный знак для каждого конкретного периода, в то время как его изменения в течение последующих веков точно отражают (мы можем быть уверены) некоторые соответствующие изменения в тоне и нраве обычного христианского ума. Христианская эпитафика родилась, как и христианское искусство, одновременно с введением самого христианства в метрополию древнего мира; она приобрела все свои особые черты и, возможно, достигла своего наивысшего религиозного совершенства до конца третьего века, после чего ее прекрасная и трогательная простота несколько омрачилась и секуляризировалась постепенным притоком некоторых из тех форм мышления и выражения, которые преобладали в окружающем мире.

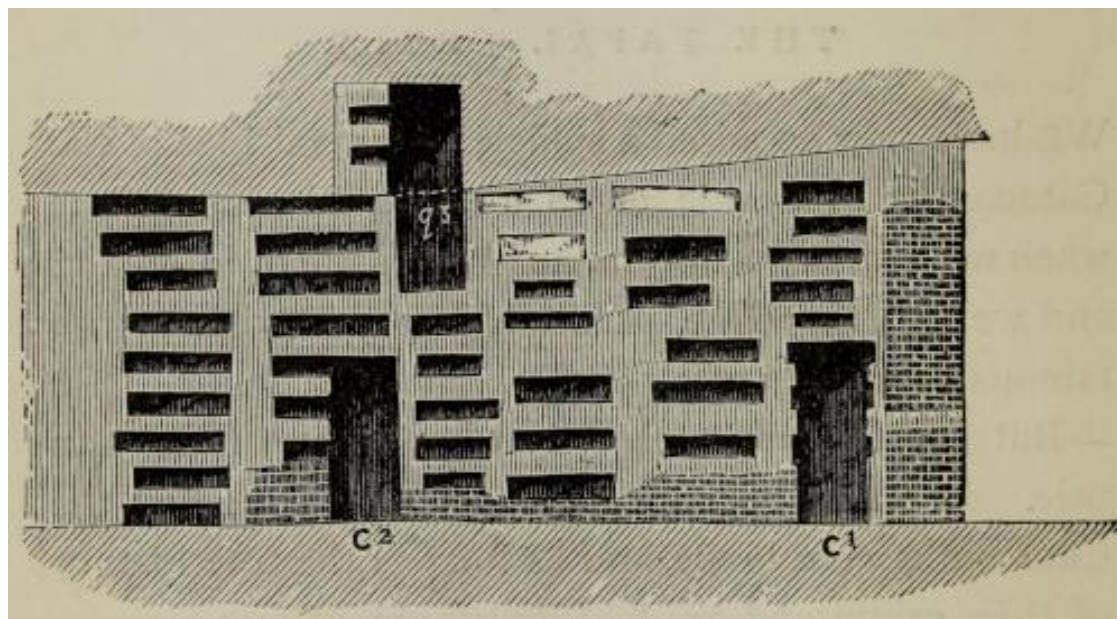
Часть вторая.

ГЛАВА I.

ПАПСКАЯ КРИПТА.

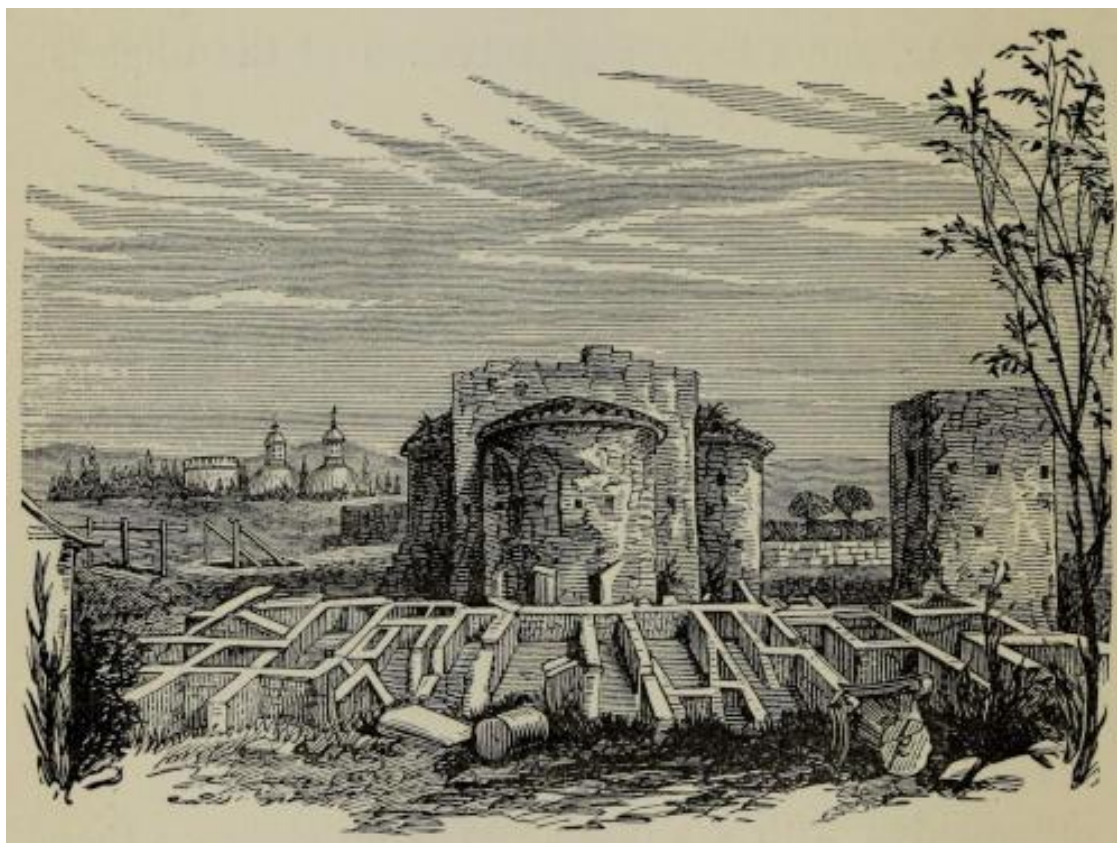
Теперь мы получили достаточное общее представление о катакомбах, чтобы понять, что мы увидим, когда приступим к детальному изучению любой из них; поэтому мы приступим к посещению знаменитого кладбища Калликста.

Но сначала мы должны объяснить, что подразумевается под этим названием. Оно может употребляться в двух смыслах. Когда катакомбы только создавались, и до тех пор, пока помнилась подлинная история их возникновения и постепенного развития, "Кладбище Калликста" было лишь небольшой и четко очерченной территорией, размером 250 римских футов на 100, расположенной на небольшом перекрестке, который соединял Виа Аппия с Виа Ардеатина. Но со временем к нему присоединялись другие ареалы, и в конце концов образовался обширный и запутанный подземный некрополь, размером в несколько сотен футов в длину и ширину; и все это пространство, для удобства, мы продолжаем называть одной из самых древних и знаменитых его частей. Во время нашего визита мы пройдем через некоторые части нескольких из этих ареалов; сначала мы спустимся на первоначальное "Кладбище Калликста", а вернемся в верхний мир из "Крипты Лучины", о которой в старых мартирологах говорится как о "близкой" к этому кладбищу, а не как о его части.

Галереи на кладбище святого Калликста пробиваются сквозь могилы.

Случайный посетитель, конечно, не может рассчитывать на то, что ему удастся различить границы нескольких ареалов, которые он пересекает в своей торопливой подземной прогулке; тем не менее, если он смотрит в оба, он не сможет не заметить случайных признаков перехода, как, например, когда он переходит с более высокого уровня на более низкий, или *наоборот*, или когда путь, по которому он идет, ведет его через стену разрушенных могил, так что, возможно, было необходимо укрепить места соединения каменной кладкой. Любой, кто захочет изучить эту ветвь темы, найдет ее полностью рассмотренной и легко понятной благодаря многочисленным планам и иллюстрациям либо в оригинальной работе Де Росси, либо в английском сокращении ее. Настоящее популярное руководство ставит перед собой более скромную задачу. Мы предлагаем описать основные объекты, представляющие интерес для незнакомцев, и снабдить их историческими или археологическими сведениями, которые позволят им проявить больший интерес и лучше понять важность увиденного.

Вход на кладбище Святого Калликста.

Итак, без лишних предисловий отправимся на прогулку. Пойдем по Аппиевой улице, пока не придем к дверному проему с правой стороны, над которым прочтем слова "Cœmeterium S. Callixti". При входе в виноградник наше внимание прежде всего привлекает разрушенный памятник, стоящий рядом с нами. Мы уже видели другие, более или менее похожие на него, по обеим сторонам дороги с тех пор, как выехали из города; в ответ на наши расспросы мы узнали, что это остатки некогда величественных языческих гробниц, покрытых, вероятно, мрамором и украшенных скульптурой. Не останавливаясь на том, чтобы поинтересоваться, известно ли что-нибудь особенное об истории этого конкретного мавзолея, мы пройдем вперед к другому, более скромному зданию, стоящему посреди виноградника. Оно выглядит маленьким и убогим, и если бы мы могли войти в него, то обнаружили бы, что оно используется только как удобный склад для хранения фрагментов саркофагов или надгробий, извлеченных с кладбища, которое находится под . Однако его апсидальное завершение, а также другие апсиды по обеим сторонам здания, естественно, наводят нас на мысль, что когда-то оно должно было иметь церковный характер. На самом деле, это было одно из "многочисленных зданий, построенных по всем кладбищам" Фабианом, папой и мучеником, в середине третьего века (см. [стр. 27](#)), и было известно древним паломникам как *cella memoriæ*, или часовня Святого Сикста и Святой Цецилии, построенная непосредственно над гробницами этих мучеников. Изначально конец или четвертая сторона здания была не огорожена, чтобы большее количество верующих могло участвовать в праздновании святых тайн: действительно, боковые стены сначала не были продолжены до их нынешней длины, а здание состояло только из трех *exedrae* или апсид.

Если мы осмотрим землю вокруг этой древней часовни, то увидим, что когда-то она использовалась как место для захоронения. Вокруг нее, но не внутри нее, не вплотную к ее стенам, а на достаточном расстоянии от них, чтобы оставить место для каналов, отводивших воду с крыши (следы этих каналов сохранились до сих пор), вырыты глубокие могилы, разных

размеров, но все они расположены в соответствии с правильным планом ориентации. Эти могилы сделаны в основном из туфовых блоков, но также использовались кирпичи и толстые слои раствора. Некоторые из них были облицованы внутри мрамором или, по крайней мере, имели плиты из этого материала сверху и снизу, причем верхняя поверхность одной служила дном другой; стоит отметить, что на некоторых из этих плит были начертаны эпитафии обычного вида, хотя их расположение должно было скрыть их от любого человеческого глаза. Некоторые могилы были сделаны достаточно глубокими, чтобы вместить десять тел, одно над другим; некоторые могли вместить только четыре; а иногда могилу занимал только один саркофаг. В среднем, однако, можно считать, что в каждой могиле находится по четыре тела, что дает в общей сложности восемь тысяч человек, похороненных на первой территории катакомб Святого Калликста. Конечно, это кладбище, находящееся под открытым небом, не является частью катакомб, как их правильно называть; оно относится к более позднему времени, будучи сделанным в четвертом и пятом веках, но оно соблюдает точно те же границы, что и катакомбы. Пограничная стена все еще видна на небольшом расстоянии от часовни; за ней не найти ни одной могилы ни на кладбище, ни в катакомбах; этот факт показывает, с какой тщательностью соблюдались права частной собственности как под землей, так и над ней.

Но не будем больше задерживаться под открытым небом, а сразу спустимся в катакомбы. С нашей стороны уже готова лестница, которая, по сути, является восстановлением первоначального входа. Когда мы окажемся внизу, зоркий глаз сможет обнаружить на штукатурке стен некоторое количество *граффити*, как их называют, или надписей с именами, изречениями и т. д., очень древних. Обращать внимание на эти грубые надписи древних посетителей на стенах общественных мест и заниматься их расшифровкой - дело сравнительно новое, но в последние годы они оказались интереснейшим предметом изучения, независимо от того, были ли они найдены на гробницах египетских царей в Фивах, на стенах казарм и театров в Помпеях, в тюрьмах и подвалах языческого Рима или, наконец, в христианских катакомбах. Здесь они особенно важны, поскольку, по справедливому выражению Де Росси, являются "верным эхом истории и безошибочными проводниками по лабиринту подземных галерей"; ведь с их помощью мы можем проследить путь, которым следовали паломники в подземный Рим с IV по VII век, и определить склепы или часовни, которые чаще всего посещались. Вероятно, в мире нет группы древних *граффити*, которые можно было бы сравнить по количеству или сложности с теми, что покрывают стену у входа в крипту, в которую мы собираемся войти; их распутывание и расшифровка должны были стоить бесконечного труда. Однако теперь, когда эту работу проделал для нас неутомимый Де Росси, мы видим, что их можно разделить на три класса. Это либо просто имена людей, с редким добавлением их титулов; либо добрые пожелания, молитвы, приветствия или аплодисменты от имени друзей и родственников, живых или мертвых; или, наконец, призывы к мученикам, рядом с могилами которых они начертаны.

Имена бывают двух видов: одни, самые древние и многочисленные, начертанные на первом слое штукатурки и в самых удобных и доступных частях стены, - это имена старого классического типа, такие как Тихис, Элпидефор, Полиней, Максим, Никасий и др; другая, явно относящаяся к несколько более позднему периоду, поскольку написана на более позднем слое штукатурки и в более недоступных местах, высоко над первой, - Лупо, Ильдебранд, Этельрид, Бонизо, Иоанн Пресб., Prando Pr., *indignus peccator*, и т. д., и т. п.

Молитвы или восклицания за отсутствующих или ушедших друзей смешаны с древнейшими именами и обычно имеют ту же форму, что и самые ранние и простые христианские эпитафии, например, Vivas, Vivas in Deo Cristo, Vivas in eterno, ZHC EN ΘΕΩ, BIBAC IN ΘΕΩ, Те

in расе, и т. д. "Да живешь ты в Боге Христе, во веки веков, Ты в мире" и т. д. Чувство, побуждавшее паломников, посещавших эти святыни, вписывать в священные места имена тех, кого они любили и кому желали блага, настолько естественно для человеческого сердца, что примеры его можно найти даже среди самих язычников.

Но кроме имен и кратких восклицаний, в том же месте, и, очевидно, в очень раннем возрасте, есть молитвы и воззвания к мученикам, похороненным в этих часовнях. Иногда к святым душам всех мучеников обращаются коллективно и просят держать в памяти такого-то или такого-то; а иногда эта молитва обращена к одному человеку в отдельности. В качестве примера можно привести следующие: - Marcianum Successum Severum Spiritu Sancta in mente habete, et omnes fratres nostros. Petite Spiritu Sancta ut Verecundus cum suis bene naviget. Otia petite et pro parente et pro fratribus ejus; vibrant cum bono. Sante Suste, in mente habeas in orationes Aurelii Repentinu. ΔΙΟΝΥΣΙΝ ΕΙΣ ΜΝΙΑΝ ΕΧΕΤΑΙ (для EXETE). "Святые души, помяните Marcianus Successus Severus и всех наших братьев. Святые души, просите, чтобы Верекунд и его друзья совершили благополучное путешествие. Просите покоя для моего родителя и его братьев; пусть они живут с добром Святой Сикст, поминайте в своих молитвах Аврелия Репентинуса. Поминайте Дионисия".

Осмотр этих *граффити* достаточно, чтобы предупредить нас о том, что мы стоим на пороге особого святилища древней Церкви, и возбудить наш глубочайший интерес ко всему, что оно может содержать. Но первое впечатление от входа, вероятно, будет разочарованием. Мы ожидали, что посетим христианскую усыпальницу и место поклонения очень большой древности, но большая часть каменной кладки, которую мы видим вокруг, явно построена совсем недавно. На самом деле, когда в 1854 году эта камера была вновь открыта, она находилась в состоянии полной разрухи; попасть в нее можно было только через *люминарий*, который, как обычно, в течение многих веков служил каналом для ссыпания в нее всего прилегающего грунта, обломков могильных камней с наземного кладбища, обветшавшей кирпичной кладки и всякого мусора. Когда все это было удалено, свод камеры, лишенный привычной опоры, вскоре просел; поэтому, чтобы сохранить хоть какую-то его часть и привести ее в состояние, пригодное для безопасного посещения, было совершенно необходимо возвести новые стены и укрепить ее иным способом. Это было сделано с величайшей осторожностью, чтобы сохранить, где это было возможно, остатки более древнего состояния часовни и ее убранства в последующие века. Так, в арке дверного проема мы можем очень четко проследить три стадии или состояния орнаментации с помощью трех различных покрытий штукатурки, каждое из которых сохранило остатки первоначальной росписи. Мы также можем проследить остатки мраморных плит, которыми в более поздний период была облицована вся капелла; и даже этот *более поздний* период возвращает нас к ранней половине пятого века, когда, как сообщает нам *Liber Pontificalis*, Святой Сикст III. *platoniam fecit in Coemeterio Callixti*. Фрагменты мраморных колонн и других декоративных работ, которые разбросаны по мостовой, относятся, вероятно, к тому же периоду, или же они могли быть работой Святого Льва III, последнего понтифика, о котором мы читаем, что он проводил здесь реставрацию перед переносом мощей папой Пасхалием I. Кроме того, мраморная ступень или помост, который мы видим прямо напротив нас в дальнем конце часовни, с четырьмя отверстиями или гнездами, конечно, был найден здесь в том виде, в котором он находится сейчас, и он ясно показывает, где когда-то стоял алтарь, опирающийся на четыре столба; но в стене за этим помостом мы, кажется, обнаруживаем следы еще более древнего и более простого вида алтаря - вырубленного в скале гроба, плоское покрытие которого, вероятно, было первоначальной *менсой*, на которой в этом месте совершались святыя таинства.

Таким образом, несмотря на разрушение и забвение веков, а также на работу по восстановлению, которая стала необходимой в наше время, многие ясные следы все еще остаются как от первоначального состояния, так и от благоговейной заботы, с которой последующие поколения древней Церкви делали все возможное, чтобы украсить эту камеру. Причина такого необычайного и продолжительного почитания раскрывается нам отчасти благодаря нескольким могильным камням, которые были извлечены из-под мусора, и которые теперь восстановлены, если не на тех местах, которые они изначально занимали (что мы не можем сказать), то уж точно на *стенах*, в которые они были впервые помещены; частично также надпись папы Дамаса, которая, хотя и разбита более чем на сто частей, все же была собрана из фрагментов, обнаруженных в этой камере, причем те немногие слова или буквы, которые не были найдены, были написаны буквами другого цвета; таким образом, все это теперь снова можно прочесть там же, где наши праотцы в вере читали его, когда он был впервые установлен 1500 лет назад. Надгробные камни принадлежат святым Антеросу и Фабиану, которые занимали кафедру Петра с 235 по 250 год н. э.; святому Луцию, 252 год н. э.; и святому Евтихию, который умер почти тридцать лет спустя. Никто из тех, кто близко знаком с христианской эпиграфикой, не сомневается, что это подлинные надгробные камни пап, чьи имена на них написаны; несомненно, что здесь были похоронены и другие папы того же века; но поскольку их надгробия не находятся перед нашими глазами, мы ничего не будем говорить о них в этом месте, а перейдем к надписи папы Дамаса. Она выглядит следующим образом

Hic congesta jacet quæris si turba Piorum,
Corpora Sanctorum retinent veneranda sepulchra,
Sublimes animas rapuit sibi Regia Cœli:

Hic comites Xysti portant qui ex hoste tropæa;
Hic numerus procerum servat qui altaria Christi;
Hic positus longa vixit qui in pace Sacerdos;
Hic Confessores sancti quos Græcia misit;
Hic juvenes, puerique, senes castique nepotes,
Quis mage virgineum placuit retinere pudorem.
Hic fateor Damasus volui mea condere membra,
Sed cineres timui sanctos vexare Piorum.

"Здесь, если хотите знать, лежит целая толпа святых.

Эти почтенные усыпальницы заключают в себе их тела,

Их благородные души Небесный дворец принял к себе.

Здесь лежат сподвижники Ксиста, одержавшие победу над врагом;

Здесь ряд правителей, хранящих алтари Христа;

Здесь похоронен епископ, живший в долгом мире;

Здесь святые исповедники, которых прислала нам Греция;
Здесь лежат юноши и мальчики, старики и их целомудренные родственники,
Которые предпочли, как лучшая часть, сохранить свое девственное целомудрие.
Здесь я, Дамасус, признаюсь, хотел бы положить свои кости,
Но я боялся потревожить святой прах святых".

Первые строки этой надписи, похоже, намекают на множество мучеников, сложенных вместе в одной большой гробнице, такие, как мы знаем из других свидетельств, иногда можно было увидеть в римских катакомбах. Поэт Пруденций, например, предполагает, что друг спросил его об именах тех, кто пролил свою кровь за веру в Риме, и об эпитафиях, начертанных на их гробницах. Он отвечает, что сказать это будет очень трудно, так как "мощи святых в Риме бесчисленны, поскольку, пока город продолжал поклоняться своим языческим богам, их злобная ярость убила огромное количество праведников. На многих гробницах, действительно, - говорит он, - можно прочесть имя мученика и какую-нибудь короткую надпись; но есть много других, которые молчат об имени, а выражают только число. Можно определить число лежащих вместе (*congestis corpora acervis*), но не более того"; и он указывает на одну могилу, в которой, как он узнал, были положены мощи шестидесяти мучеников, но их имена были известны только Христу. Слова папы Дамаса, по-видимому, относятся к какому-то такому *полиандриуму*, и мартирологи и другие древние документы говорят о трех или четырех таких гробницах "вблизи церкви св. Цецилии"; и здесь, в этой самой камере, как раз там, где (как мы увидим в дальнейшем) она соприкасается с криптой св. Цецилии, мы все еще можем различить яму необычного размера и глубины, предназначенную, очевидно, для приема многих тел, или, возможно, только обугленных останков многих тел; поскольку, где жертвы были многочисленны, смертный приговор нередко приводился в исполнение через огонь.

О мученичестве святого Сикста мы уже говорили, что оно произошло в катакомбе Претекстата (стр. 31), но его тело было доставлено сюда, чтобы быть положенным вместе с телами его предшественников. Папа Дамасус упоминает только своих диаконов, но не самого святого Сикста, потому что он сочинил еще один набор стихов в честь только святого понтифика и установил их в этой же крипте. Легко увидеть, где они были размещены, над и за алтарем, а их копия сохранилась до нас благодаря древним паломникам и ученым. Однако при расчистке часовни в 1854 году была найдена лишь дюжина букв; поэтому они не были восстановлены на своем месте и не нуждаются в воспроизведении в данном пособии.

Numberus procerum в пятой строке нашей надписи - это, конечно, папы, чьи эпитафии мы видели, и другие, которые были здесь похоронены; мы также не можем не узнать в епископе, наслаждавшемся долгой мирной жизнью, папу Мелькиадиса, который жил, когда гонения закончились. Наконец, мы слышали историю по крайней мере некоторых из "святых исповедников, пришедших из Греции", Ипполита Мария и Нео, Адриаса и Паулины (стр. 37); *аренарий*, в котором были похоронены эти мученики, находился в непосредственной близости от описываемой нами папской крипты.

ГЛАВА II.

СКЛЕП СВ. ЦЕЦИЛИИ.

Узкий дверной проем, несколько неровно прорубленный в скале в углу Папского склепа, вводит нас в другую камеру. Когда мы проходим через этот дверной проем, то замечаем, что боковые стороны когда-то были покрыты мраморными плитами, а арка над нашими головами украшена мозаикой. Сама камера гораздо больше той, которую мы оставили позади себя. Она почти 20 футов в квадрате (другая была всего 14 на 11); она неправильной формы; над ней есть широкий *люминарий*, полностью заливающий ее светом, а в другом конце ее находится большой портик, поддерживаемый арками из кирпича. Однако мы не видим ни алтаря-гробницы, ни современных эпитафий пап или мучеников, ни чего-либо другого, что сразу же привлекло бы наше внимание и обещало бы дать нам ценную информацию. Тем не менее, при более тщательном осмотре мы вскоре обнаружим на стенах картины и надписи, не уступающие по интересности тем, что можно увидеть в других местах. Однако мы вряд ли оценим их по достоинству, если не вспомним вкратце историю мощей святой Цецилии, перед гробницей которой мы находимся.

Будем считать, что наши читатели знакомы с историей мученичества святой, и перейдем к первому открытию ее мощей в девятом веке. Папа Паскаль I. вступил на престол Петра в январе 817 года, а в июле следующего года он перенес в разные церкви города мощи 2300 мучеников, собранные с различных пригородных кладбищ, которые, как мы видели, лежали в то время в плачевном состоянии разрухи. Среди вывезенных таким образом мощей были и мощи пап из Папского склепа, который мы только что посетили. Его современный биограф, пишущий в *Liber Pontificalis*, рассказывает, что Паскаль хотел в то же время вывезти тело святой Цецилии, которое, как уверяли акты ее мученичества, было похоронено папой Урбаном "рядом со своими коллегами"; но он не смог его найти, поэтому в конце концов неохотно согласился с сообщением, что его унес Астульф, лангобардский король, который осадил Рим и разграбил кладбища. Однако примерно через четыре года после этого святая Цецилия явилась ему во сне или видении, когда он служил заутреню в Ватиканской базилике, и сказала, что, когда он переводил тела пап, она была так близко к нему, что они могли бы разговаривать вместе. Вследствие этого видения он вернулся к поискам и нашел тело там, где ему было сказано. Оно было свежим и совершенным, как в тот момент, когда его впервые положили в гробницу, и, облаченное в богатые одежды, отделанные золотом, лежало в кипарисовом гробу, а у ее ног были свернуты льняные одежды, испачканные кровью.

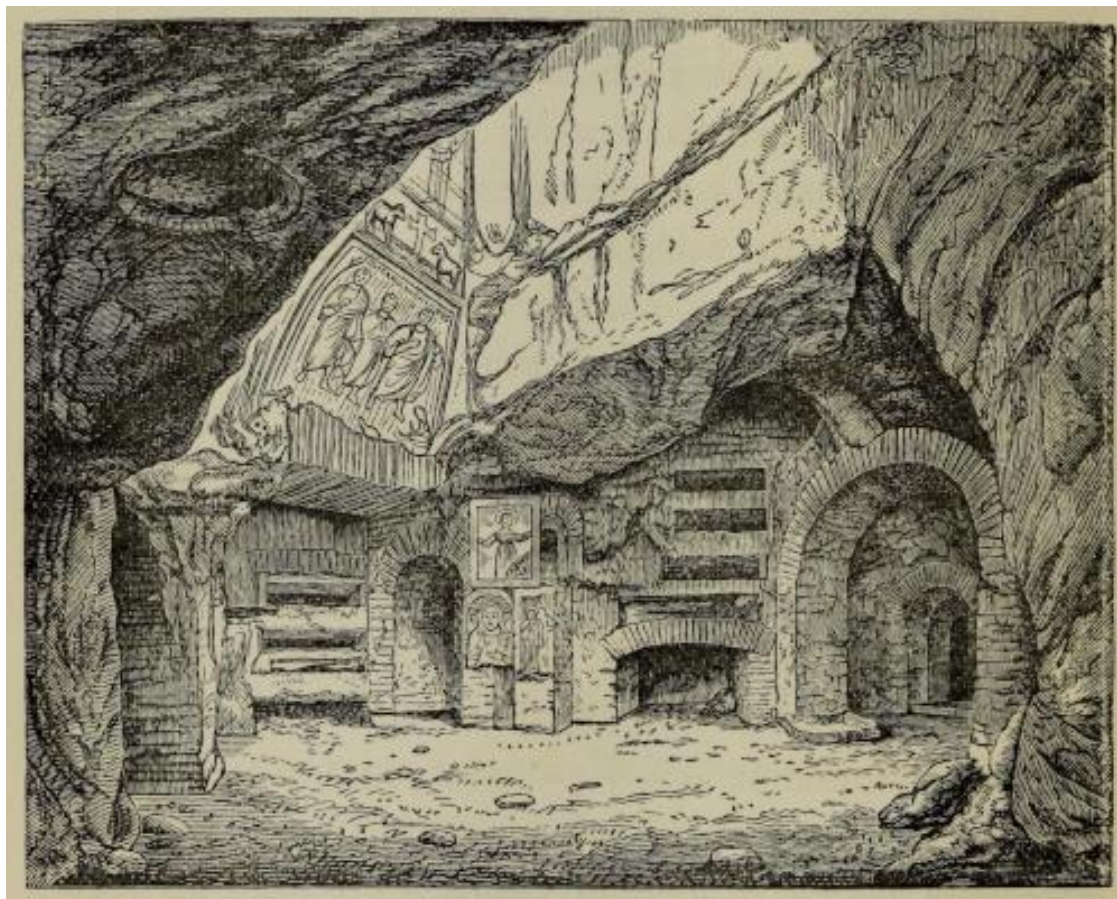
Это не имеет существенного значения для нашей истории, но, возможно, стоит добавить, что Паскаль рассказывает, что он выстлал гроб шелком с бахромой, накрыл тело шелковой марлей, а затем, поместив его в саркофаг из белого мрамора, положил под главный алтарь церкви св. Цецилии в Трастевере, где спустя почти восемьсот лет (1599 г. н.э.) его вновь обнаружил титулярный кардинал церкви и выставил для почитания верующих на четыре-пять недель. Все посетители Рима видели и восхищались прекрасной статуей святой, выполненной Мадерной; но не все обращают достаточное внимание на легенду, которую он вставил вокруг нее, свидетельствуя, что он был одним из тех, кто видел ее лежащей нетленной в своем гробу, и что он воспроизвел ее в мраморе в той же позе, в которой он ее видел.

Статуя Святой Цецилии работы Мадерны.

Мы уже говорили, что в актах о мученичестве святой утверждается, что папа Урбан похоронил ее рядом со своими коллегами. В маршрутах древних паломников упоминается ее могила либо непосредственно перед, либо сразу после могил пап. Наконец, папа Паскаль говорит, что нашел ее тело рядом с тем местом, откуда он извлек тела своих предшественников. Правдивы или ложны эти топографические заметки? Вот вопрос, который, должно быть, взволновал ум де Росси, когда он обнаружил эту камеру, так близко примыкающую к той, в которой он точно узнал, что папы были похоронены; или, скорее, поскольку его собственное убеждение по этому вопросу уже сформировалось, найдется ли что-нибудь в самой камере, чтобы подтвердить его вывод и утвердить его к удовлетворению других? Можно представить, с каким нетерпением он желал проникнуть в нее. Но сделать это сразу не удалось. Часовня была завалена землей до самого верха *люминария*, и всю эту почву нужно было сначала удалить через сам *люминарий*. По мере того как продолжались раскопки, на стене *люминария* сначала появилась фигура женщины в обычной позе молящейся, но настолько нечеткая, что она не поддавалась идентификации. Под ней появился латинский крест между двумя овцами, которые еще можно разглядеть, хотя они тоже сильно потускнели. Еще ниже по стене - стене *люминария*, а не самой камеры - мы натываемся на фигуры трех святых, выполненные, очевидно, в четвертом, а возможно, и в пятом веке; но все они мужчины; и поскольку их имена, написанные сбоку, не показывают никакой связи с историей Святой Цецилии, мы пока отложим то, что мы должны сказать о них, и продолжим нашу работу по очистке всей камеры.

По мере приближения к полу мы находим на стене, недалеко от входа из усыпальницы пап, картину, которую можно отнести, вероятно, к седьмому веку, изображающую богато одетую женщину, с жемчугом, свисающим из ушей и вплетенным в волосы, ожерельями и браслетами из жемчуга и золота; белое платье, покрытое розовой туникой, украшенной золотыми и серебряными цветами, и большие розы, прорастающие из земли у ее ног. Все в картине богато, ярко и празднично, как и должно быть у римской невесты из богатой и знатной семьи, подобной святой Цецилии, которую художник седьмого века представлял себе. Ниже этой фигуры мы подходим к нише, подобной тем, что встречаются в других частях Катакомб, чтобы принять большие неглубокие сосуды с маслом или драгоценными благовониями, которые в древние времена использовались для питания лампад, горящих перед гробницами мучеников. В задней части этой ниши находится большая голова Господа, изображенная по византийскому образцу, с лучами славы позади нее в виде греческого креста. Рядом с ней, но на плоской поверхности стены, находится фигура епископа в полном понтификальном облачении, с надписью его имени - S. VRBANVS.

Крипта Святой Цецилии.

Изучение этих картин показывает, что они не были первоначальным украшением этого места. Картина Святой Цецилии была выполнена на поверхности разрушенной мозаики, части которой все еще можно легко обнаружить в нижней части картины. Ниша, в которой изображена голова Господа, также носит явные следы того, что когда-то была облицована порфиром, и как она, так и фигура святого Урбана выполнены так грубо, что могли быть выполнены не позднее десятого или одиннадцатого века. Вероятно, они относятся к эпохе перевода мощей - то есть к девятому веку. Полустертый свиток или табличка рядом с фигурой святого Урбана гласит, что она предназначалась для украшения гробницы мученика - *Decorī Sepulcri S. Cæciliæ martyris*. Если добавить, что сразу за этими картинами в стене находится глубокое углубление, способное вместить большой саркофаг, и что между задней частью этого углубления и задней частью одной из папских могил в соседней камере едва ли найдется дюйм камня, то, думаем, самые скептически настроенные критики признают, что старые традиции очень замечательно подтверждаются.

Однако спросят, если это действительно то место, где была похоронена святая Цецилия, и если Паскаль действительно посещал прилегающую часовню, то как возможно, что у него возникли трудности с поиском ее гробницы? На это мы ответим, во-первых, напомнив нашим читателям о том, в каком состоянии находились катакомбы в то время: эти переводы мощей делались, потому что кладбища, в которых они лежали, были полностью разрушены. Но, во-вторых, вполне возможно, что дверной проем, или углубление, или и то, и другое, могли быть замурованы или иным образом скрыты с целью затруднить поиски святотатцев-лангобардов. Это не просто предположение. Среди обломков этого места Де Росси обнаружил несколько фрагментов стены, слишком тонкой, чтобы использоваться в качестве опоры, но явно пригодной в качестве занавеса для сокрытия; И хотя, с той совершенной искренностью и

правдивостью, которая так подчеркивает все его другие достоинства, он добавляет, что эти фрагменты имеют признаки принадлежности к более позднему времени, это не доказывает, что не было другой такой же стены более раннего периода; ибо он может привести из своих собственных открытий пример *аркосолиума* в другой катакомбе, который был таким образом тщательно скрыт в очень древние времена путем возведения стены. Однако, каким бы ни было истинное объяснение этой трудности, нельзя допустить, чтобы наше невежество в этом вопросе перевесило четкое свидетельство Пасхала и других древних очевидцев, которое теперь так обильно подтверждается современными открытиями.

Но можно возразить еще раз: в катакомбе под базиликой Святого Себастьяна, расположенной более чем в четверти мили от нас, есть надпись, в которой говорится, что там была похоронена святая Цецилия. Все это верно, но обратите внимание на дату создания надписи. Она была сделана Вильгельмом де Буа-Ратье, архиепископом Буржа, в 1609 году; неподалеку есть и другие надписи, той же или более поздней даты, которые утверждают, что в том же месте находятся гробницы нескольких пап, а также тысяч мучеников. Эти надписи были сделаны именно в ту эпоху, когда катакомбы были погружены в глубочайший мрак и забвение. Мы уже объясняли (стр. 50), как получилось, что в то время как другие древние кладбища были недоступны и неизвестны, это кладбище под церковью Святого Себастьяна оставалось частично открытым; и мы можем от души посочувствовать религиозным чувствам, побудившим доброго архиепископа и других людей обратиться к преданности верующих, чтобы не потерять память о тех славных мучениках, которые, несомненно, были похоронены в катакомбах на этой дороге, и на небольшом расстоянии, но не в этом конкретном месте. Но хотя мы и восхищаемся их благочестием, мы не можем склониться перед их авторитетом в топографическом вопросе, который они не имели возможности решить, и в отношении которого недавние открытия, а также свидетельства более древних документов доказывают, что они, безусловно, ошибались.

Отбросив все эти возражения, которые было вполне правильно и разумно выдвигать, но которые при критическом рассмотрении полностью исчезают, мы можем быть уверены, что здесь мы точно нашли первоначальное место упокоения одной из самых древних и известных римских святых-девственниц. Прежде чем покинуть крипту, давайте еще раз осмотрим ее. Если мы внимательнее рассмотрим изображение святой, то обнаружим, что оно испещрено множеством *граффити*, которые можно разделить на два класса; один класс совершенно нерегулярный, как по месту, так и по стилю написания, состоит только из имен паломников, посетивших святилище, некоторые из которых были не римлянами, а иностранцами. Так, одного зовут Хильдебрандус, другого Лупо, еще один - епископ Этельред, а двое записывают себя испанцами. Но другой класс *граффити* вполне регулярный, расположен в четыре строки и содержит почти исключительно имена священников; единственное исключение - среди них появляется одна женщина, но к ней добавляется, что она мать священника (Льва), который подписывается перед ней, и что последняя подпись из всех - это подпись *скриниария*, или секретаря. В таком расположении имен есть что-то, наводящее на мысль об официальном акте; нельзя объяснить случайностью и то, что несколько таких же имен (включая необычное имя Меркурий, написанное в том же своеобразном стиле - смесь квадратных и скорописных букв) встречаются на картине святого Корнелия, которую сейчас можно посетить в катакомбе под этим же виноградником, куда его тело было перенесено за тридцать или сорок лет до смерти святой Цецилии. В обоих случаях эти священники, вероятно, подписались как свидетели перевода.

Остается только выполнить свое обещание и сказать пару слов о тех святых, чьи имена и фигуры мы видели в *люминаре*. Их трое: святой Себастьян, святой Сирий и святой Поликам. Мы не знаем другого Себастьяна, которого можно было бы иметь в виду, кроме знаменитого мученика, базилика которого упоминалась нами ранее как находящаяся неподалеку. Сирий, или Квирий, был епископом Сиссии в Иллирии и мучеником. Во времена Пруденция его тело лежало в его собственном городе, но когда Иллирия была захвачена варварами, его привезли в Рим и похоронили в базилике Святого Себастьяна около 420 года. История Поликама полностью утрачена; ни церковные историки, ни мартирологи не оставили нам никаких сведений о его жизни. Однако из маршрутов старых паломников мы знаем, что рядом с могилой святой Цецилии находилась гробница мученика Поликама, и это же имя фигурирует среди мучеников, чьи мощи были перенесены из катакомб в церкви города. Таким образом, кажется, что фигуры этих трех святых были написаны на *люминаре* этой камеры только потому, что это были святые, которым очень поклонялись, и чьи мощи лежали на небольшом расстоянии.

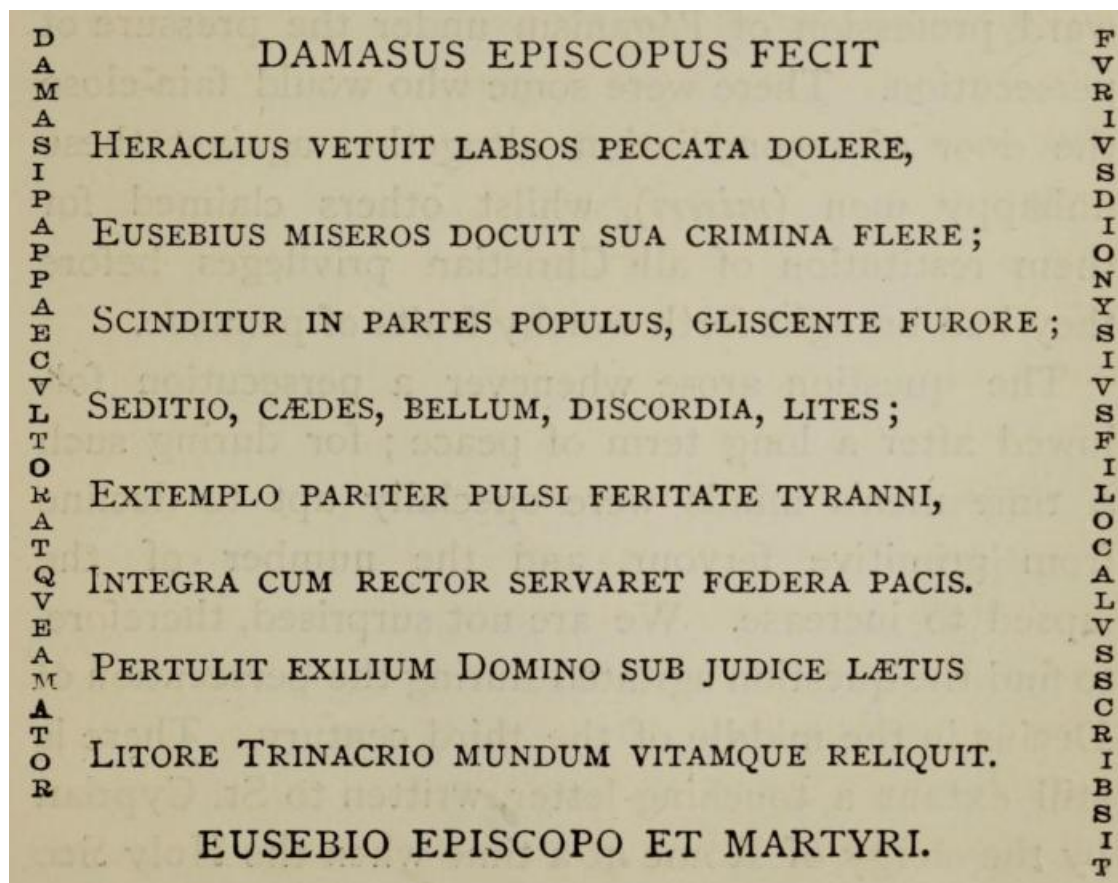
ГЛАВА III. КРИПТА СВ. ЕВСЕВИЯ.

Из крипты святой Цецилии через современное отверстие в одной из ее стен мы попадаем в короткую галерею, ведущую в саκραментальные капеллы, то *есть* в те палаты, стены которых украшены замечательной серией картин, посвященных таинствам Крещения и Святой Евхаристии. Эти росписи, однако, были достаточно описаны и прокомментированы в другом месте, мы можем оставить эту первую часть Кладбища Калликста и, поднявшись по короткой лестнице, пройти через разрушенную стену камеры в широкую и возвышенную галерею, которая приведет нас к главному объекту интереса во второй части - крипте святого Евсевия, папы римского, 310 г. н.э. Не доходя до него, мы увидим по левую руку лестницу, по которой в древности добивались до него; и если мы остановимся здесь на мгновение и посмотрим вокруг, то увидим пример того, о чем уже говорилось, - образцовой осторожности и благоразумия, с которыми паломники древности направлялись в свои подземные походы. Возводились стены, преграждавшие все пути, кроме правильного, чтобы они не сбились с пути и не заблудились в лабиринте, который их окружал. Им нужно было идти вперед, пока они не доходили до двух часовен, которые стояли друг напротив друга по разные стороны галереи.

Одна из этих камер была размером 9 футов на 12, другая значительно больше - 16 на 13. Очевидно, одна из них была главным объектом почитания, а вторая была пристроена для удобства верующих. Меньшая гробница имела аркосолий с каждой стороны, а также в конце, причем тот, что напротив двери, был самым важным из трех; все эти гробницы когда-то были украшены мозаикой и росписью, а стены камеры - мрамором. Сейчас все это сильно разрушено, но среди остатков мозаичной работы над главным аркосолием еще можно различить следы очень распространенного христианского символа - двуручного сосуда с птицей по обе стороны от него; также некоторые крылатые фигуры, которые, вероятно, представляют времена года, и несколько других аксессуаров орнамента; но основные фигуры и общий дизайн исчезли. Стены противоположной камеры никогда не были облицованы мрамором, так что паломники могли оставлять здесь те же следы своих посещений, что и у Святого Сикста. *Граффити* имеют тот же характер, но несколько более

позднюю дату; старые формы молитв исчезли; большинство имен и надписей на латыни; а среди тех немногих, что на греческом, есть признаки византийских особенностей.

Однако главный объект интереса, сохранившийся в этих покоех, - эпитафия, стоящая в центре меньшей комнаты. Разумеется, она не была на своем первоначальном месте, но ее поставили так, чтобы мы могли без труда видеть обе стороны камня, ведь на обеих есть надписи. Первоначально на камне была сделана надпись в честь Каракаллы, относящаяся к 214 году. Христианская надпись на другой стороне утверждает, что она была сделана "Дамасом, епископом, Евсевию, епископу и мученику", и написана Фурием Дионисием Филокалом, "поклонником (*cultor*) и любителем папы Дамаса". Но с первого взгляда легко понять, что она никогда не была выполнена той же рукой, которой мы обязаны столькими другими прекрасными произведениями этого папы. Поэтому поначалу, пока были найдены лишь несколько фрагментов этой надписи, де Росси склонялся к предположению, что это может быть одна из ранних работ художника, который впоследствии достиг такого совершенства. Однако в конце концов трудность была решена более надежным и удовлетворительным способом. Усердные поиски в земле, которой была заполнена камера, позволили обнаружить несколько фрагментов оригинального камня, на котором буквы выполнены с той же безупречностью, что и на других образцах этого класса. Посетитель Катакомб может увидеть их, нарисованные другим цветом, на копии эпитафии, которую де Росси прикрепил к стене; и он заметит, что среди них есть некоторые буквы, которые отсутствуют в более древней копии, переписанной на обороте памятника Каракаллы. Ясно, что оригинал, должно быть, был разбит на куски лангобардами или другими древними грабителями катакомб, и что копия, которую мы видим сейчас, является одной из реставраций папы Вигилия или какого-то другого понтифика того времени (стр. 47). Переписчик был настолько невежественен, что мог переписывать только те буквы, которые находились на месте перед его глазами, и даже когда он понимал, что какой-то буквы не хватает, он мог только оставить свободное место, сомневаясь, как его заполнить. Свидетельство тому - место, оставленное для первой буквы *Domino* в предпоследней строке надписи, и слово *in*, полностью пропущенное в третьей строке.

"Ираклий запретил отпавшим [во времена гонений] скорбеть о своих грехах.

Евсевий же учил этих несчастных плакать о своих преступлениях.

Народ разделяется на партии; ярость возрастает;

Смута, убийства, драки, ссоры и раздоры.

Вскоре оба [папа и еретик] изгнаны жестокостью тирана,

Хотя Папа хранил узы мира нерушимыми.

Он перенес свое изгнание с радостью, взирая на Господа как на своего Судью.

И на берегу Сицилии предал мир и свою жизнь".

Достаточно рассмотрев форму надписи, скажем теперь несколько слов о ее *содержании*, которое очень важно, поскольку восстанавливает для нас утраченную главу церковной истории. Каждый студент знает, как остро в ранние века Церкви стоял вопрос о дисциплине, которую следует соблюдать по отношению к тем христианам, которые под давлением преследований перешли к внешнему исповеданию язычества. Одни были готовы полностью закрыть дверь примирения перед этими несчастными (*miseri*), другие требовали для них восстановления всех христианских привилегий до того, как они принесут достойные плоды покаяния.

Этот вопрос возникал всякий раз, когда гонения следовали за длительным периодом мира; ведь в такое время умы людей были особенно склонны ослабевать от первобытного пыла, а число отпавших увеличивалось. Поэтому мы не удивляемся, что этот вопрос поднимался во

время гонений Деция в середине третьего века. Сохранилось трогательное письмо, написанное святому Киприану духовенством Рима в то время, когда Святой Престол был вакантным после мученической смерти святого Фабиана, в котором четко определяется традиция и практика Церкви. В нем говорится, что отпущение грехов свободно дается тем из канувших, кто находится под угрозой смерти, а остальным - только в том случае, если было совершено здоровое покаяние; и они заявляют, что "ничего не оставили без внимания, чтобы порочные не могли похвалиться тем, что они слишком легки, а истинные кающиеся - обвинить их в непреклонной жестокости". Тот же вопрос возник при тех же обстоятельствах во время гонений Диоклетиана. Папа Марцелл твердо отстаивал церковную дисциплину, но ему оказали такое сопротивление, что общественный порядок в городе был нарушен из-за разборок враждующих группировок, а сам папа был изгнан по приказу императора Максенция. Об этом мы узнаем из другой надписи папы Дамаса, который говорит, что написал ее для того, чтобы верующие не остались в неведении о заслугах святого понтифика. Евсевий был непосредственным преемником Марцелла, и эпитафия, которую мы сейчас видим, явно является продолжением той же истории, заканчивающейся тем же наказанием папы в награду за его борьбу за свободу Церкви. Ибо следует помнить, что эти папы были изгнаны со своего престола и умерли в изгнании не потому, что отказались отступничать, а потому, что настаивали на сохранении целостности церковной дисциплины. Поэтому они по праву могут считаться одними из самых ранних в той благородной армии мучеников, которые с тех времен и до наших дней храбрились перед любой опасностью вместо того, чтобы согласиться управлять Церковью в соответствии с иными, чем церковные правила.

Остается сделать еще два замечания по поводу эпитафии папы Евсевия, прежде чем мы оставим ее. Во-первых, он назван мучеником, хотя нигде не сказано, что он действительно пролил свою кровь; но это далеко не единственный случай, когда в древних документах звание мученика присваивается людям, пострадавшим за веру и умершим, когда эти страдания продолжались. Во-вторых, следует отметить, что, хотя у нас нет сведений о переводе тела святого Евсевия из Сицилии в Рим, нет причин сомневаться в этом факте. Все самые ранние памятники говорят о нем как о похороненном в крипте кладбища святого Калликста, и хотя закон запрещал переводить тела умерших в изгнании без предварительного разрешения императора, старые юристы говорят нам, что это разрешение было дано свободно. Многочисленные примеры говорят нам о том, что древние церкви очень хотели, чтобы их епископы были похоронены среди них; несомненно, поэтому необходимое разрешение было испрошено, как только изменение императорской политики в отношении Церкви сделало это возможным; и тело святого Евсевия было найдено и привезено в Рим вскоре после его смерти, как тело одного из его предшественников, святого Понтиана, было привезено из Сардинии святым Фабианом.

ГЛАВА IV. ГРОБНИЦА СВ. КОРНЕЛИУСА.

Мы не обещали ознакомить посетителя со всем, что стоит увидеть на этом кладбище, а лишь перечислили и объяснили основные памятники исторического значения, которые обычно видит каждый незнакомец. И единственным образцом этого класса, о котором еще предстоит рассказать, является гробница святого Корнелия, которая находится в некотором отдалении. Чтобы добраться до нее, мы должны преодолеть огромную сеть галерей, узких и неровных, соединяющих то, что когда-то было самостоятельными кладбищами или, по

крайней мере, было *areæ*, добавленными в разное время к Кладбищу Калликста. Если наш гид не слишком торопится, он может позволить нам зайти в две или три камеры, в которых находятся некоторые интересные объекты, на которые стоит взглянуть. Первый - это длинная надпись, относящаяся к последнему десятилетию III века, в которой диакон Северус сообщает, что получил разрешение от папы Марцеллина на создание двойной палаты с *аркосолией* и *светильником*, в которой он и его семья могли бы спокойно похоронить себя (*mansionem in pace quietam*). Это находится в третьей зоне кладбища, рядом с зоной, в которой мы посетили крипту святого Евсевия.

На соседнем участке, относящемся, вероятно, к той же дате, находится очень любопытная фреска, сильно пострадавшая от того, что ее прорезали ради создания могилы за ней, но все же легко различимая во всех своих основных чертах. Центр картины занимает Добрый Пастырь. По обе стороны от него изображены апостолы, вероятно, свв. Петр и Павел, спешащие прочь от Христа, Который послал их идти и учить все народы. Они представлены двумя овцами, стоящими перед каждым из апостолов; над их головами нависает скала, с которой льются потоки воды, которые апостолы берут в руки и обращают на головы овец. Нам не нужно особых объяснений; мы уже узнали, что скала - это Христос, а воды представляют собой все христианские милости и таинства. Но что стоит отметить в этой картине, так это различные позы овец и соответствующее распределение воды. На животное, которое стоит с вытянутой шеей и поднятой головой, впитывая все, что слышит, с простотой и жадностью, обрушивается настоящий поток; в то время как другое, отвернувшееся от апостола, остается совсем без воды. Из двух других один стоит с опущенной головой, как бы в сомнении и недоумении, и на него тоже благодать изливается более обильно, чем на четвертого, который ест траву, *то есть* занят делами мира сего.

С правой стороны этого *аркосолия* находятся два изображения Моисея: в одном он ударяет по скале, а один из евреев ловит воду, которая вытекает; в другом он снимает обувь, готовясь повиноваться призыву Бога, который представлен рукой, выходящей из облака. Роспись на другой стороне *аркосолия* еще более изуродована, чем в центре. В ней было прорезано большое полукруглое углубление, а затем дым от лампы, горевшей в этом углублении в IV и V веках, почти стер то немногое, что осталось от фигуры нашего Господа. Он стоит между двумя Своими апостолами, которые предлагают Ему хлеб и рыбу, а перед ними на земле стоят шесть корзин с хлебами.

А теперь не будем больше задерживаться на дороге, а последуем за нашим проводником, который спешит вперед по запутанным переходам, пока, наконец, не приведет нас в помещение неправильной формы, освещенное *светильником*, украшенное картинами и носящее явные признаки того, что когда-то оно было великим центром набожности. Здесь есть столб, поддерживающий обычный сосуд с маслом или более ценными благовониями, которые сжигают перед могилой мученика; а рядом - надгробный камень, вделанный в стену, с надписью *Cornelius Martyr, Ep.*

Камень не закрывает одну из обычных могил, какие встречаются в стенах галерей или *кубикул*, и не является обычной *arcosolium*. Нижняя часть ее, самом деле, напоминает *аркосолий*, так как она достаточно велика, чтобы вместить три или четыре тела, но над ней нет арки. Отверстие прямоугольное, а не круглое, и при этом нет никаких следов того, что в стену была вделана плита, закрывающая верхнюю часть могилы. Поэтому вполне вероятно, что свободное пространство когда-то заполнял саркофаг, а верхняя часть саркофага служила *менсой* или алтарем, чему есть и другие примеры.

Но как получилось, что папа Корнелий был похоронен здесь, а не вместе со своими предшественниками в Папском склепе? Он был папой в 250 году н. э., между Фабианом и Луцием, которые, как мы видели, были похоронены в этой крипте. Следует отметить, что Корнелий - единственный папа за первые три века, носивший имя знатного римского рода; в окрестностях этой гробницы было найдено множество древних эпитафий, посвященных лицам, принадлежавшим к той же семье. Поэтому очевидно предположить, что эта усыпальница была частной собственностью какой-то ветви рода Корнелиев. Возможно, общественное кладбище Святого Калликста было закрыто в это время по распоряжению правительства; но даже без такой причины, возможно, семья желала, чтобы Папа не был отделен в погребении от остальных представителей своего рода. Этим же обстоятельством объясняется и то, что эпитафия была написана на латыни, а не на греческом, ведь многие старые патрицианские семьи придерживались языка своих предков еще долго после того, как вошло в моду использование греческого; и этот отход от официального языка Церкви (ведь греческий действительно был таковым в то время) вполне согласуется с предпочтением домашнего места погребения официальному.

Но каким бы ни было истинное объяснение этих обстоятельств, факт, по крайней мере, несомненен: Корнелий был похоронен здесь; над и под отверстием его гробницы сохранились фрагменты больших мраморных плит, все еще прилипших к стене, содержащие несколько букв из некогда важных надписей. Верхняя надпись, несомненно, принадлежит Дамасу. Буквы нижней, хотя и очень похожи на дамасинский тип, все же имеют несколько отличий, достаточных для того, чтобы оправдать предположение де Росси, что они были выполнены одной и той же рукой, но с небольшими изменениями, чтобы обозначить принадлежность к другой серии памятников. Мы прилагаем копию обеих надписей в том виде, в котором, по мнению де Росси, они были написаны изначально. В первой надписи разница в шрифте отличает раннюю половину каждой строки, которая является предположительной реставрацией, от последней половины, которая все еще остается *на месте*; оценивая степень вероятности реставрации, читатель должен иметь в виду две вещи: *Во-первых*, что дамасские надписи были выгравированы с такой математической точностью, что не допускается никаких изменений, которые могли бы существенно увеличить или уменьшить количество букв в каждой строке; и *во-вторых*, что в то время как Дамас имел привычку очень часто повторять себя в своих эпитафиях, некоторые из реставраций Де Росси являются просто буквальным воспроизведением некоторых из его любимых форм речи. Если бы следующая эпитафия была найдена в каком-нибудь древнем манускрипте и приписана папе Дамасу, мы уверены, что ни один критик не увидел бы повода усомниться в ее подлинности: - aspice, descensu exstructu

ASPICE, DESCENSU EXSTRUCTO TENEBRISQUE FUGATIS,

CORNELI MONUMENTA VIDES TUMULUMQUE SACRATUM.

НОС ОПУС ÆGROTI DAMASI PRÆSTANTIA FECIT,

ESSET UT ACCESSUS MELIOR, POPULISQUE PARATUM

AUXILIUM SANCTI, ET VALEAS SI FUNDERE PURO

CORDE PRECES, DAMASUS MELIOR CONSURGERE POSSET,

QUEM NON LUCIS AMOR, TENUIT MAGE CURA LABORIS.

"Вот, сделана новая лестница, и тьма отброшена,

Вы видите памятники Корнелию и его священную гробницу.

Эту работу совершил Дамасус, когда он был болен;

Чтобы средства доступа были лучше, а помощь святого

более доступной для людей; и что если вы будете возносить молитвы

от чистого сердца, Дамасус мог бы восстать в лучшем здравии;

Хотя в этой жизни его удерживала не любовь к жизни, а скорее беспокойство о работе".

Вторую надпись де Росси восстановил бы следующим образом:...

SIRICIUS PERFECIT OPUS,
CONCLUSIT ET ARCAM
MARMORE, CORNELI QUONIAM
PIA MEMBRA RETENTAT

То есть он предполагает, что после смерти Дамаса его преемник Сириций завершил начатую работу и, кроме того, укрепил стену, ограждавшую гробницу святого Корнелия, этой очень толстой мраморной плитой - работа, которая могла стать необходимой из-за изменений, уже сделанных Дамасом. Конечно, эти реставрации изуродованных надписей всегда должны оставаться более или менее сомнительными, так как мы опасаемся, что нет никаких шансов на то, что когда-либо появятся другие фрагменты оригинала. Мы публикуем их с той же осторожностью, с которой он сам предлагает их, как хотя бы приближенные к истине. Он говорит, что, не осмеливаясь утверждать их буквальную правильность, есть веские основания полагать, что они точно воспроизводят смысл оригинала.

Эта же гробница святого Корнелия может служить примером того, как де Росси мог строить счастливые догадки, подтвержденные с абсолютной уверенностью последующими открытиями. Он часто публично выражал уверенность в том, что найдет в этой гробнице святого Корнелия памятник о его современнике, святом Киприане. Эти два святых приняли мученическую смерть в один и тот же день, хотя и в разные годы; поэтому их праздники всегда отмечались вместе, как и сейчас, 16 сентября, причем все литургические молитвы в этот день были общими для обоих. Так вот, де Росси обнаружил в одном из старых маршрутов, точностью деталей которого он был очень обязан, необычайную описку, а именно, что тела обоих этих святых покоятся в одной катакомбе, тогда как всем известно, что святой Киприан был похоронен в Африке. Он предположил, поэтому, что паломник был введен в это заблуждение чем-то, что он видел у гробницы святого Корнелия. При повторном обнаружении гробницы причина ошибки сразу же выясняется. Непосредственно с правой стороны от могилы на стене нарисованы две большие фигуры епископов, возле каждой из которых имеется легенда о том, что это святой Корнилий и святой Киприан.

С другой стороны гробницы находится еще одна картина, выполненная в том же стиле, на стене в конце галереи: две фигуры епископов, снова обозначенные их собственными именами и титулами. Сейчас можно расшифровать только одно из них - *SCS XUSTUS PP ROM*, то есть папа Сикст II, о связи которого с этим кладбищем мы уже так часто слышали. Другое имя начиналось с буквы О, и, вероятно, это был святой Опат, африканский епископ и мученик, тело которого было привезено в Рим и похоронено на этом кладбище.

Эти картины явно поздней работы: возможно, они были выполнены во времена Льва III, 795-815 гг. н.э., о котором в *Liber Pontificalis* сказано, что "он обновил кладбище святых Сикста и

Корнелия на Аппиевом пути"; и легенда, которая окружает их, имела бы особое значение как девиз того, кто был почти чудесным образом избавлен от рук своих врагов императором Карлом Великим. Она взята из 17-го стиха 58-го псалма: "Ego autem cantabo virtutem Tuam et exaltabo misericordiam Tuam quia factus es et susceptor meus."... "Я буду воспевать силу Твою и превозносить милосердие Твое, ибо Ты стал опорой моей". Конечно, это было не самое раннее украшение этих стен. Даже сейчас мы можем обнаружить следы более древней росписи и *граффити* на ней, лежащие в основе этой более поздней работы. *Граффити* - это имена священников и дьяконов, которые пришли сюда, чтобы принести святую жертву или, возможно, принять участие в перенесении мощей: "Leo prb., Theodorus prb., Kiprianus Diaconus" и т.д.

Мы приближаемся к концу нашего подземного путешествия: действительно, лестница, которая должна вернуть нас на верхний воздух, к самому входу в виноградник, находится прямо позади нас, пока мы стоим, созерцая гробницу святого Корнелия. Тем не менее, если мы не слишком устали, а наш проводник не слишком нетерпелив, нам следует не поддаваться искушению сбежать, пока мы не посетим две небольшие палаты, которые находятся в непосредственной близости. В них находятся одни из самых древних образцов живописи, которые можно найти во всем диапазоне катакомб. Потолки разделены на круги и другие геометрические фигуры, а затем пространство заполнено изящными арабесками, птицами и цветами, павлинами и танцующими джинами. Именно вид подобных росписей заставил протестантского писателя, процитированного в предыдущей главе, высказать мнение, что, впервые попав в некоторые из украшенных камер в Катакомбах, нелегко определить, является ли работа христианской или языческой. Здесь, правда, добрый пастырь в одном центре и Даниил между двумя львами в другом вскоре разрешают сомнения; но все остальные детали и совершенство их исполнения вполне могли бы подсказать это. Никто не сомневается, что картины относятся к самому раннему периоду христианского искусства, когда формы и традиции классической эпохи еще не угасли.

В первой из двух камер, о которых мы говорим, кроме потолка ничего особенного не видно, но вторая, более отдаленная, украшена более богато. Здесь две усыпальницы открываются одна в другую: над дверным проемом, ведущим во внутренний свод, изображено Крещение Господа нашего Иоанном: Он выходит из воды, и голубь спускается на Него. На противоположной от входа стене изображена рыба, несущая корзину с хлебом и вином, о которой мы уже рассказывали (стр. 81). На стене слева - ведро с молоком, стоящее на своеобразном алтаре между двумя овцами; мы знаем от святого Иренея и из самых ранних и достоверных деяний мучеников, что молоко было общепринятым символом Святой Евхаристии. Напротив него изображены голуби и деревья, которые часто используются как прообразы душ блаженных в раю. Таким образом, с одной стороны мы имеем земных верующих, стоящих вокруг Божественной пищи, которая готовит к небесам; а с другой - души, освобожденные из темницы тела, улетевшие и находящиеся в покое, почивающие среди радостей другого мира; так что кажется, что украшению этих покоев присутствовала та же последовательность идей, что и в умах тех, кто создавал орнамент сакраментальных покоев на кладбище святого Каликста (стр. 84).

И вот, наконец, мы должны завершить наш визит к святому Калликсту. Боимся, что мы уже перечислили больше, чем можно увидеть за одно посещение; однако стоит приложить усилия, чтобы увидеть все, потому что здесь собраны памятники, иллюстрирующие почти каждый век периода, в течение которого использовались катакомбы. Именно по этой причине посещение Святого Калликста так необычайно ценно, независимо от того, предполагается ли взять это кладбище за образец или использовать его только в качестве

введения в другие. Тем, кто намерен продолжить изучение темы, будет полезно посетить катакомбы Св. Нерее и Ахилла, которые находятся на небольшом расстоянии от улицы Ардеатина; затем кладбище Претекстата на другой стороне улицы Аппиа; и, наконец, *Cœmeterium Ostrianum* на улице Номентана. После тщательного изучения этих мест останется еще много интересных памятников, имеющих большое историческое значение, на других, менее известных кладбищах; но и увиденного будет достаточно, чтобы получить прекрасное общее представление об основных характеристиках Roma Sotterranea.

НАПЕЧАТАНО BALLANTYNE, HANSON AND CO.

ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН